

АЛЕКСЕЙ КУДЕСИН

АРКА 2

ШКОЛА БОГАТЫРЕЙ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОЛУНОЧИ

12+

Алексей Кудесин
Возвращение полуночи.
Арка 2. Твари в ночи

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57105556
SelfPub; 2020*

Аннотация

Еще одна бесплатная история о юном отроке, который мечтает сделаться богатырем сильномогучим, чтобы спасти Святогороду Русь. Любимка встречается с новым врагом – одержимником Лютиком. С помощью своей волшебной дуды тот насыляет на юного героя проклятие – темных тварей моргулов. Эти существа неутомимы и вездесущи. Куда бы не отправилась их жертва, они всюду последуют за ней и рано или поздно совершат свой чудовищный пир. Что станет делать с этим наш герой, если ему к тому же надо спасти похищенного Лютиком друга и пройти богатырские испытания на таинственном и страшном полигоне Бабы Яги.

Содержание

Сказ 1 – Танцующая деревня	4
Сказ 2 – Лютый Лютик	18
Сказ 3 – Явление моргулов	27
Сказ 4 – Возвращение Стояна	45
Сказ 5 – Ночное нападение	70
Сказ 6 – Три пути для тягателя	86
Сказ 7 – Запредельные леса	107
Сказ 8 – Хранительница полигона	124
Сказ 9 – Банные страсти	143
Сказ 10 – Уголки тёмного леса	166
Сказ 11 – Любимка против Несмеяны	189
Сказ 12 – Деревня пёсиглавцев	210
Сказ 13 – Колодец Потерянных Душ	234
Сказ 14 – Пиршество темных тварей	251
Сказ 15 – Рассвет	262

Сказ 1 – Танцующая деревня

– А куда делись эти? – Сойка поглядела на крышу крайней избы – воронёный богатырь и урядник пропали.

– Странно это все, – проговорил Наум. – Они вели себя так, будто желали Любиму...

Он запнулся.

– Смерти, – закончила за него Сойка.

Наум поглядел на неё расширившимися глазами и кивнул. Она хотела ещё что-то добавить, но за их спинами грохнуло, все обернулись. К огромной туше бера метнулся мальчуган. Увидав Любимку, он расплылся в широкой улыбке и едва не упал. Рядом прыгал маленький мохнатый комок.

– Прутик! Тишка! – обрадовался Любимка. – Ёшки-матрёшки! Отколь вы такие?!

Воздух рвался из горла мальчика с сипами, парень держался за бок и никак не мог отдышаться.

– Уф! Успел!.. Все... Хорошо! – отдуваясь, пропыхтел он.

– Конечно хорошо, – рассмеялся Любимка, – мы побии бера.

Сойка переглянулась с Наумом и Настенькой. Любим уже забыл, что справился один.

– А ты откуда тут? – спросил отрок.

Прутик почти отдышался.

– Я... – начал он и запнулся. Как такое рассказать? Поле,

которое никто не видит, сияние посреди пасмурного дня и великан. Лучше промолчать – сочтут ещё за юродивого. – Тревожно было, беспокойно, недобро...

Он смутился.

– Зря беспокоился, Прутик! Мы справились! Справились! – Любимка счастливо расхохотался. Прутик выдохнул. К чему тогда была печаль в глазах великана? Может и правда привиделось?

– Нам пора, – сказала Сойка. – Тут мы управились. Лучше вернуться в лагерь до возвращения наставника. К тому же... – Синеволосая девица обвела взглядом развалившиеся избы и снесённые ворота. Туша медведя все ещё лежала посреди площади. – Как бы нас не попросили убирать за собой. Пусть Прут расскажет деревенским о наших подвигах.

– Да! – вскричал Любимка и вскинул кулак. – Вперёд! В Запредельный лес!

– Спорим, он видит там очередного чудовищного бера? – шепнула Сойка Науму и скорчила страшную рожу. – Ар-р!

Наум побледнел, а Настенька хихикнула. Синеволосая хлопнула толстоватого паренька:

– Умник, не бойсь ты так. Ты же мужик. Должен быть суровым и неприступным.

Травница прикрыла рот ладошкой. Наум поглядел на неё, потом на Сойку, у которой улыбка касалась ушей. Даже Любимка уже меньше косил на лес и больше присматривался к нему.

– Чего вы смеётесь? – удивлённо спросил он, глядя на девчонок. – Наум – не трус. Он теперь суровый побиватель медведей. Невозмутимый лесной воин. Вернёмся – я так Остапу и скажу.

Девчонки покатались от хохота. Наум вспыхнул и вдруг закричал:

– Если я должен быть, как настоящий мужик, тогда вы будьте, как настоящие девчонки – кокошники нацепите и сидите на крыльце, женихов ждите.

Сойка поперхнулась, щеки её покраснели, а Настенька перестала улыбаться. Наум разошёлся не на шутку и не мог уже остановиться. Парень подпёр щеку пальчиком, изобразил дурацкую улыбку и проговорил тоненьким голоском:

– Я милая пташечка – Сочечка, жду своего жениха – настоящего мужика.

Выкрикнул и отскочил – показалось, что синеволосяя сейчас врежет, да так, что уши отпадут и покатятся.

Любимка захохотал. «Своего жениха... ха-ха... настоящего мужика...» Наська ткнулась плечом Науму в бок, отчего тот едва не упал. Сойка поглядела на умника, потом на остальных и тоже как захохочет.

– Тук-тук! – Любимка изобразил, как открывает ставни. – Девицы-красавицы, вы мужика настоящего ждёте? Есть у меня таков.

– Ступай прочь, холоп, – воскликнула Сойка. – Ишь, к нам девицам в кокошниках ластится. Мы только бла-агородных

ждём.

Любимка замер на месте.

– Ага! Во-от с такими носами, – Наум показал пальцами шнобель, Любимка тут же вспомнил выдающийся нос Ярополка – рухнул на землю и задрогал ногами.

Тягатели хохотали и дурачились, а Прутик глядел на них и хмурился. Что за ребячье поведение? Герои, так смело сражавшиеся с чудовищем, вдруг оказались один в один похожи на простых парней и девчонок из города Муром, куда большак как-то брал его на ярмарку. Прутику они тогда очень не по нраву пришлись. Бесшабашные дураки какие-то.

Правда, эти дураки только что побили здоровенного бера. А один из них обещал сделать его богатырём. «Может, так и надо? – подумалось пареньку. – Так враг не догадается с кем связался».

Все ещё улыбаясь, Любимка показал большой палец:

– Ёшки-матрёшки! Тыщу лет так не смеялся. Утешили, ребята. Вперёд, в Запредельный лес! Покажем всем, чего мы стоим!

Прутик приуныл. Так хотел расспросить героев об их делах: кто и где жил, как попал в тягатели...

– Ка-ар!

Наум вздрогнул от неожиданности, оглянулся испуганно – не видит ли кто. На ближайшем покосившемся плетне сидел ворон. Толстоватый тягатель рассмеялся: «У, ирод. Напужал!» Тут же подумалось, что ещё утром покраснел бы и

начал оправдываться: «Я, де, не трушу. Просто неожиданно вышло!» Сейчас просто хохотнул вместе с остальными, словно шутке, и тут же забыл. Он поглядел на непривычно приветливую Сойку, совершенно непохожую на себя оживлённую Настеньку и Любима...

Один Любим с самого начала оставался собой, а они либо прятались от мира в скорлупки, либо корчили из себя невесть что. Это Любим сделал их самими собой. Только благодаря ему мы...

– Кар! Кар-р!

Ворон не унимался. Он сидел на краю покосившейся стены и, казалось, внимательно разглядывал их. Сойка побледнела и отступила назад, мотая головой.

– Нет. Только не это! – словно увидела давно забытый ужас, который чаяла навсегда оставить в прошлом.

– Тс-с-с! Слышите? – поднял руку Наум.

Настенька кивнула.

– Что? – Любимка тоже перешёл на шёпот.

– Вот, – толстоватый тягатель вскинул палец. – Слышишь?

Играет кто-то...

Любимка прислушался. Шумит листва, поскрипывает дерево на ветру. Где-то капает вода, скорей всего, их битва с бером обернула бадью, вот и течёт. И... что-то ещё. Далеко-далеко, на грани слуха...

– Будто дудочка играет, – сказала Настя и улыбнулась. – Тихо так, печально...

Теперь отрок и сам слышал. Далёкий тоскливый звук пронзил сердце, нахлынула небывалая грусть. Вздохнул порывисто, в носу захлюпало, в глазах защипало – Любимка резко потёр их, не хватало ещё при девчонках расплакаться. Их глаза, кстати, тоже подозрительно блестели. Так и есть. Вон, у Наськи в уголках набухают большие прозрачные капли. Сойка мотала головой, словно не веря своим ушам.

– Пожалуйста. Только не снова.

– Может быть, пастушок? – предположила Настенька. – Наверное, его даже не предупредили, что в деревне опасность.

– Не, Госька так не умеет играть, – отозвался Прутик. – Он у нас простой.

А потом все разом изменилось. От печали не осталось и следа. Мелодия стала другой.

– Что это?! Гляди! – вскричал Наум. – Туча?

Любим всмотрелся в небо, пытаясь понять...

– Это... птицы?.. – выдохнул Прутик.

Любимка охнул – мальчик прав. Огромная стая птиц кружила, образуя воронку. Темные точки так и мельтешили на фоне чуть более светлого неба. Звезды исчезали одна за другой, словно их слизывал чей-то жадный язык.

– Кар! Кар-р! – напомнил о себе ворон и неспешно взлетел.

– Очень необычное поведение для птах, – сказал Наум. – Правда, Настя?

Мельтешащая стая отражалась в широко распахнутых глазах девушки. Теперь ребята слышали хлопанье крыльев и свист ветра в перьях. Любимка недоуменно крутил головой, не понимая, что не так в этой странной картине.

– Почему они молчат? – проговорила Настенька. – Такая большая стая просто не может молчать.

И тут сквозь хлопанье крыльев и вой ветра вновь пробились звук мелодии. Теперь она была гораздо ближе и громче, словно музыкант приближался к деревне.

Тягатели переглянулись. Несмотря на весёлую мелодию, музыка и тёмная стая птиц внушали тревогу.

– Не к добру это, – сказал Наум, придвигаясь к травнице. – Настя, у тебя какие травы остались?

Девушка молча указала на обрывки мешка. Толстоватый тягатель вздохнул и поглядел на синеволосую девицу.

– Сойка? Что с тобой?

Внучка разбойника и правда вела себя странно. Всегда бесшабашная и смелая, сейчас она стояла, сжав голову руками и что-то бормоча.

– Нет... Не это... – только и смог разобрать толстоватый тягатель.

Наум беспомощно оглянулся, но внимание остальных было приковано к небу.

Стая достигла крайних домов. Птицы рассыпались, словно вокруг домов была невидимая преграда. Под молчаливое хлопанье множества крыльев туча птиц завертелась вокруг

деревни, ускоряя движение.

– Что это?! Смотрите?!

Прутик показывал дрожащим пальцем куда-то вдаль. Любимка поглядел и ахнул: деревенское стадо, о котором все позабыли, возвращалось домой. Только вот – диво дивное! – с ним явно что-то неладно. Белые, черные, пёстрые, пятнистые коровы, которые так любили разнобой и шатание, шли теперь ровными рядами, словно воины на параде. Головы у всех одинаково опущены, даже копыта шагают в такт.

Топ-топ-топ!

И над всем этим несётся одинокая мелодия дудочки. Она уже не была печальной, в ней слышалась небывалая мощь и сила. Она завораживала, заставляла кровь быстрее струиться по жилам. Сердце сбивалось и пыталось подстроиться под ритм коровьего шага.

Топ-топ-топ!

Любимка поймал себя на том, что его ноги подрагивают.

Топ-топ-топ.

Коровы стройными рядами втягивались в деревню через пролом в стене и отходили в сторону. Там они останавливались, но продолжали маршировать на месте. Все это выглядело бы комично, если бы не было страшным.

В конце стада шагал ошалелый пастушок с вытаращенными глазами. Сам он не маршировал, но пребывал в глубочайшем шоке.

А потом в деревню стали входит её жители. Такими же

ровными рядами, с побледневшими от ужаса лицами. Они тоже – топ-топ-топ – маршировали, ничем не отличаясь от коров.

Это были мужики и гридни, которые остались делать за-секи против берега. Прутик отметил, что женщин и ребят, с которыми шёл он, здесь не было.

Последним в деревню вошёл покрасневший, отдувающийся большак и юноша с дудочкой. Сойка ахнула и пода-лась назад, скрываясь в одной из разорённых изб.

В тёмном плаще, который сливался с окружающей обстановкой, казалось, что голова и кисти парня плывут над зем-лёй сами собой. Очень красивое одухотворённое лицо ду-дочника лучилось лихостью и бесшабашным весельем. Боль-шие синие глаза глядели на мир с детской непосредственно-стью. На голове лихо сидела шляпа с изогнутой, словно ка-пелька, тульёй. В руках паренька была дудочка, пальцы так и мелькали по тёмным дырочкам. Мелодия лилась непрерыв-ная и звонкая, словно горный ручей.

Ноги незнакомца притопывали в такт музыки. Он про-брался между рядами своего коровьего воинства и встал пря-мо перед мужиками и тягателями. Мелодия неуловимо изме-нилась, больше в ней не было грохота шагов, зато появилось что-то успокаивающее и давно забытое. Любимка моргнул, на миг показалось, что хочет спать. Провёл рукой по лицу и словно убрал упавшую на глаза паутинку.

Мужики и гридни, не таясь, зевали. Войт и вовсе улёгся

на землю и захрапел. Даже красное потное лицо большака разгладилось, обрюзгшие веки медленно закрывались.

Паренёк хитро подмигнул и оборвал мелодию. Большак вздрогнул и вытаращил по-старчески блеклые глаза.

– А?! Что?! – взгляд его сфокусировался на дудочнике. Борода затряслась от ярости. – Ты кто таков?! Чаво тут устроил?!

Любимка про себя удивился, как это дед забыл, что пару мгновений назад был в полной власти этого типа. А теперь возомнил, что может его наказать, как нашкодившего мальчишку.

– Кремень, Корчага, Куница – ну-ка поучите этого уму разуму, – повелительно рявкнул дед.

Три мужика двинулись к парню с дудкой. Вели себя так, словно не было ни одержимого бера, ни волшебной музыки – они спокойно сидели у себя в деревне, а к ним забрёл дурной парняга и принялся безобразить. Любимка вспомнил страшную силу Вия и остановившиеся лица жителей Москвы. Неужели музыка дударя действует подобным образом?

Любимка поглядел на друзей: Наум стоял, тараща глаза, Настенька комкала свой опустевший мешок. А где Сойка? Синеволосой девицы нигде не видно.

За пределами деревни продолжали беззвучно мелькать сотни крыльев. Птицы кружили вдоль стены, не пересекая невидимую черту и не отлетая далеко. Большак с сыновьями будто не замечали их вовсе. Мужики подошли к дударю

вплотную.

– Что? – тот приподнял брови. Любимка вздрогнул – теперь в улыбке дударя сквозила жестокость, а не веселье. – Всякий старикашка будет мне указывать, что делать? Накажу!

Он поднял дудочку. К нему тянулись три мужика. Все крижистые, мускулистые. На их фоне дударь выглядел мальчишкой, но ни капли страха не появилось в его глазах. Даже беспокойства не было. Он хитро улыбнулся, будто придумал какую-то шалость. Дудочка коснулась губ, все вдруг заполнила плясовая – воздушная и лёгкая. Парень прыгал в такт песне, кружился по вытоптанному пространству у ворот, словно несомый ветром листик. Несмотря на это, мелодия лилась ровная и мощная, словно у него в груди стояли непрерывные кузнечные меха, которые качали воздух, ни на мгновение не прерываясь.

Любимка не успел удивиться, как мужики остановились. У одного дёрнулись плечи, потом ноги, второй вдруг гикнул и закружился, копируя движения юноши. Третий пошёл вприсядку, каждый раз крикая. Следом за мужиками в пляс пустились и все окружающие. Любимка недоуменно таращился на жителей деревни – сна не было ни в одном глазу: кто приплясывал, стоя на месте, кто пустился по кругу, лица сияли весельем, глаза горели, зубы сияли в свете полуденного солнца. Даже большак – степенный и суровый, вдруг бросил палку и начал наяривать. Старые кости хрустели, но он

не переставал выдавать коленца.

– Любимк, а Любимк.

Отрок вздрогнул. Вокруг, словно пава, плыла Настя. Она неотрывно глядела на него, плечи ходили туда-сюда, в одной руке платочек.

– Айда плясать.

Она выдала ножкой каскад быстрых па и снова поплыла. Рядом Наум сосредоточенно выделявал коленца.

Да что с ними такое?!

Любимка поглядел на свои ноги. Они едва заметно подёргивались, но в пляс не пускались. Поднял глаза на странного юношу, который скакал быстрее всех, носился среди жителей деревни, высоко вскидывая колени – там, где он пробегал, танец усиливался.

И вот уже не веселье, а страх появлялся на лицах танцоров. Грудь широко вздымалась, дыхание рвалось с сипами и хрипами, а ноги не прекращали движения. Любимка видел, как один из мужиков попытался остановиться. Даже ухватился обеими руками за ногу, но та продолжала топать.

Рядом захрипело – большак задыхался. Старое тело не выдерживало бешеного темпа.

– Любим, помоги! – закричал Прутик. – Ты же богатырь...

– Мечи-калачи! Да уймитесь вы! – вскричал тот, но вместо того, чтобы кого-то остановить, сам сорвался в пляс.

Прутик глядел, как Любимка дотанцевал к задыхающемуся большаку и попытался ухватить старика. Получалось пло-

хо. Вместо того чтобы остановиться, оба вдруг ухватили друг дружку за руки и закружились, высоко вздымая ноги. Лицо большака потемнело: ещё чуть-чуть – и старика хватит удар. А дудочник кружился все скорее, все ближе. Любимка напряг последние силы, дёрнул задыхающегося старика на себя. Оба едва не упали, земля мелькала под ногами, каблуки поднимали пыль.

Дудочник уже совсем рядом, почти пробежал мимо. Отрок вытянул ногу, едва не порвав себе мышцы. Парень зацепился за кончик сапога и – бах – растянулся в пыли. Мелодию словно ножом обрезало.

Тишина обрушилась на деревню, как ливень. Люди попадали наземь, тяжело дыша и отдуваясь. Большак хрипел, Прутик уложил его и пытался успокоить, а ведь сам никак не мог отдышаться.

– Что происходит?! Откуда взялся этот парень? – воскликнула Варвара.

После падения бера она успокоилась и вновь села на табурет. Каково же было её удивление, когда сразу после ухода Листка началась новая канитель. Да ещё такая странная и непонятная. Девушка посмотрела на отца и поразилась – похоже, для него сегодня день неожиданностей: сперва его напугало поведение деревенского мальчишки Прутика, парень с дудкой, похоже, тоже не был предусмотрен.

– Полуночники, – прошептал Харитон, глядя на блюдца. –

Я так и думал, что Шустр действует не просто так...

– Разве все они не умерли? – проговорила девушка.

Он нахмурил лоб:

– Нет, как раз Лютик не был найден. Неужели все эти годы...

Варвара вновь ощутила, как у неё подмораживает внутренности. Полуночники. Если – после Мрака и Вия – и есть в мире кто-то, кого Любиму стоит опасаться – это отряд Полуночи: семёрка демонов Мрака, которых он лично призвал из преисподней – его гвардия, самые лучшие и самые злобные силы.

Демон Ярости, что был изгнан из Иваша, тоже состоял в этой семёрке. Всем нам очень повезло, что он не успел обосноваться в молодом богатыре. Сила демонов Полуночи такова, что они едва ли уступают самому Мраку. Даже сильномогучие богатыри рискуют, выходя на поединок с ними.

– Неужели этот парень один из них? – проговорила Варвара, подавшись вперёд. – Нужно вернуть Листка...

– Нет! – резко оборвал её Харитон. – Сперва мы должны понять, что происходит...

– Но это огромный риск!..

– Дай шанс Любиму. Тем более он справляется...

Варвара замолчала и впиалась взглядом в изображение на блюде. Там был торжествующий Любим.

Сказ 2 – Лютый Лютик

Любимка поглядел на растянувшегося паренька, который торопливо ощупывал дудочку, и рассмеялся. Знай наших!

– Да как ты посмел? – парень поднялся с земли. Руки баюкают дудочку, в глазах сверкает безумие. – Матушка назвала меня Лютик, но мои боевые товарищи среди Полуночников зовут меня – Лютый! Ты понимаешь, что это значит?

– Это значит, что ты стесняешься своего имени? – невинно предположил Любимка.

Проблема была знакома – раньше он тоже стыдился, даже пытался обвинить батеньку: вот ещё придумал – Любим. Над ним все потешались, дразнили маменькиным сынком, а узнав, что у него нет маменьки, порой придумывали ему родителей из ручной живности. От этого Любим испытывал двойные страдания. Но потом настоятель рассказал, что имя – это последняя воля его покойной матушки Милены. Имя «Любимка» она произнесла перед смертью в тот роковой день. После этого Любим ни разу не отказался от своего имени, нарочито используя уменьшительную его форму. А теперь он и вовсе лелеял тайную мысль, что вскоре имя Любим загремит по всей Руси. Тайно, потому что недостойно хвастать и мечтать о славе человеческой. В первую очередь богатырь думает о славе небесной.

Лютик взъярился. Лицо исказила злоба.

– Насмехаешься?! Ты пожалеешь...

Он поднёс дудочку к губам.

– Сердечная смерть!

Люди ахнули и резко расступились. Кто-то зажал уши, кто-то и вовсе кинулся в бега. Большак по-прежнему не мог сказать ни слова, над ним суетилась Настенька. Прутик глядел на неё с надеждой.

Любимка ничего не успел сделать, дудочник выдал новую мелодию. На сей раз она была гремящей и злобной. Люди вокруг сжались и присели, ожидая нового танца, но танца не было. Они с облегчением выпрямлялись и с тревогой крутили головами.

На этот раз мелодия была направленная. Любимка будто видел её непрерывный поток, рождающийся у губ Лютика и несущийся прямо к нему. И поток этот не заставлял плясать. Он вибрировал. З-зум-з-зум-з-зум! Охнули и осели в траву люди за спиной Любима. Сам он ощутил, как внутренности сжимаются и разжимаются в такт этой странной музыки. Сердце сбилось с ритма и подстроилось под неумолимое з-зум-з-зум-з-зум...

Любимка дёрнулся, ухватился рукой за грудь. Ноги отказывались слушаться. Ритм постепенно убыстрялся, усиливался. Любим уже слышал стук крови в ушах, потом внутри что-то лопнуло, из носа потекло горячее – тронул рукой и увидел кровь на пальцах.

З-зум-з-зум-з-зум!

Как дудочка может издавать такие чудовищные звуки?

Он застыл и ничего не мог сделать. Взгляд Лютика сделался торжествующим.

Скорость мелодии резко увеличилась, Любимка понял, что сердце больше не может так быстро стучать. Ещё чуть-чуть – и оно порвётся.

Попытался сделать шаг к Лютику. Тело почти не слушалось, все силы уходили на то, чтобы сдержать разрывающуюся грудь. По всему телу разом выступил пот, в глазах полопались сосудики, кровь заполнила рот, капала с подбородка. Сразу трудно стало дышать.

– Смерть! – прозвучало в ушах.

Любимка вскинул глаза, лицо Лютика было неподвижно, но сквозь него проступали черты чего-то другого... Любим отпрянул, словно получил меж глаз. Он разглядел ужасный звериный лик – именно эта зубастая пасть произнесла: «Смерть! Смерть жалкому человечешке!»

– Одержимник! – прошептал Любимка.

Он помнил точно такую же страшную пасть, дёргающую за ниточки в бывшем богатыре Иваше. Это означало лишь одно – конец. С одержимниками могут совладать лишь опытные богатыри, а их рядом нет. Костяй пропал, Стоян не вернулся, а Болта увёл с собой Фрол.

– Значит, справимся сами, – упрямо сжал кулаки Любимка. – Тёмная волна, земная тяга! Спасайте!

А сердце задыхалось. Лютик и демон ликовали. Любим-

ка увидел испуганное бледное лицо Сойки, черты искажены страхом. Она стояла и ничего не делала в тёмном проёме двери одного из домов.

Он упал на колени, скорчился и затих. Бешеная мелодия медленно схлынула и прекратилась. Лютик отнял дудочку от губ. Тонкие губы изогнула улыбка.

– То-то же. Вы все видели? Ещё кто-то собирается меня удержать?

Над деревней повисла мёртвая тишина. Люди пятились и прятались друг за друга.

– Нет?! – вскочила Варвара. – Он же... Он...

У неё уже не хватало сил это пережить. Второй раз подряд Любимка был на краю гибели... Был? А может, он уже?.. уже...

Но больше всего её напугало другое.

– Не может быть! – Харитон отпрянул от блюдец. – Тёмная волна не может сдаться! Земная тяга тоже должна его защитить!

Но скрутившаяся в комок фигурка не шевелилась. Библиотекарь схватился за голову.

– Неужели просчитался?! Неужели...

Он вдруг замер.

– Стоп! Тёмная волна! Что будет с ней?!..

«А ну вставай! Ты не можешь так просто умереть!» – раздался звонкий голос. Отец и дочь одинаково вздрогнули и

поглядели на блюда...

Прутик словно очнулся. Он кинулся к неподвижному телу и закричал:

– А ну вставай! Ты не можешь так просто умереть! – Любим не отозвался. – Ведь ты мечтал стать богатырём! Как же ты им станешь, коли умрёшь?!

Мальчик толкал и теребил отрока, но тело плотно стянулось в комок и не желало расправляться. Люди жалостливо блестя глазами и отворачивали лица.

– Парень, перестань. Он уже мёртв, – сказал оправившийся большак.

– Нет! – яростно обернулся к нему Прутик. Тишка жалобно взвыл. – Вы не понимаете! Он не может умереть! Он – богатырь!

Лютик презрительно кривил губы.

– Богатырь... Деревенщина не может стать богатырём.

– Вставай же! Любим! Вставай! Ведь ты обещал!

Люди вокруг отрока отводили глаза. Лицо Настеньки исказилось: ещё чуть-чуть – и заревёт навзрыд. Наум крепился, но и у него щеки блестят от слез.

– Вставай, богатырь! – закричал Прутик. – Нам нужна твоя помощь!

Тело Любимки дрогнуло и начало расправляться. Раздался возглас радости, а потом испуганные крики. Любимка выпрямился. Лицо его было бледно, под носом темнели две до-

рожки подсыхающей крови, глаза красные. Но не это испугало людей: в глазах поверх радужки и зрачка плавали две черные кляксы. Словно капля чернил, оброненная в прозрачную воду.

Глаза Лютика расширились.

– Какая знакомая сила!

Любимка недоуменно глядел на свои руки, потом вдохнул. Грудь послушно пошла в стороны, сердце бухало в груди – ровно и надёжно, словно и не было ужасной убыстряющейся мелодии. Тёмная волна проснулась. Она посчитала, что опасность грозит жителям деревни? Или она наконец-то защищает его?

– Оставь их в покое, – сказал Любимка, поднимая на одержимника затемнённый кляксами взор.

Лютик не ответил. Он огляделся по сторонам, потом улыбнулся ещё хитрее.

– Как пожелаешь. Мне все равно уже пора. Эти люди мне без надобности, я возьму лишь одного.

Не спуская глаз с Прутика, он поднёс дудочку к губам.

– Звуковая ловушка, – и заиграл плясовую.

Мелодия журчала и переливалась. Люди испуганно сжались, но на сей раз пляс коснулся лишь одного человека – Прутик запрыгал на месте, а потом бодро двинул к воротам. Пёс взвыл, Любимка ошалело глядел вслед.

– Ёшки-матрёшки! Чево это?!

Прутик пытался укротить свои конечности, приседал, па-

дал, хватался за рядом стоящих, но ничего не помогало. Непослушное тело тащило его следом за ускользящим Лютиком.

– Помогите! – крикнул он.

Наум и Настенька стояли, как пригвождённые, Сойка скрылась в избе и прислонилась спиной к стене. Сердце убыстренно тукало в груди, ноги превратились в кисель. Настенька не утерпела – кинулась следом. Едва попала в зону действия музыки, ноги её закружили, коса взлетела вдоль земли. Девушка запрыгала по дуге от Прутика и выпала из танцевального пузыря, с размаху села на землю, вскочила, кинулась вперёд и снова затанцевала.

– Да что же это такое! – стукнула она кулачком по земле. – Люди! Что вы смотрите! Сделайте что-нибудь!

Один из сыновей большака – Куница – сдёрнул с плеча лук и одним мощным движением натянул тетиву. Вжих! – калёная стрела бьёт в цель.

Лютик дёрнул бровью, мелодия на мгновение изменила звучание. Бяк! Стрела пробила тушку утки, вынырнувшую из стаи все ещё кружащих за стеной птиц, и шлёпнулась на землю. Лютик прибавил шаг, между ним и охотником хаотично заметались птицы. Следом, словно привязанный, отплясывал Прутик.

– Любим. Помоги мне.

В распахнутых глазах плескался ужас.

«Вот бы мне посмотреть огромный мир! Там, наверное,

жутко интересно!»

«Правда! И жутко, и интересно!»

Любим вспомнил их разговор.

– Прут! Я не брошу тебя! Не быть мне богатырём!

– А-ха-ха! – крикнул Лютик, на мгновение отняв трубочку. – Не быть! Не быть!

И заиграл снова. Любимка рванул вперёд, но попал под заградительную мелодию. Его тут же повело в сторону и вмазало в забор. Бах! Из глаз посыпались звезды. А Прутик тем временем отплясывал все дальше. Любимка оскалился от безысходной ярости.

Впереди одинокое дерево. Прутик поднатужился и, не прекращая отплясывать, сместился в сторону. Есть! Он вытянул руки и намертво вцепился в ствол. Ноги дёргали его следом за музыкой, но руки не отпускали.

– Врёшь! Не возьмёшь! – закричал он, глядя, как Любимка борется с плясовой, не дающей ему приблизиться. – Любим, я держусь! Я справлюсь!

Вокруг со звонким лаем прыгал Тишка. Лютик обернулся, приподнял одну бровь. Мелодия изменилась, в плясовую вернулся ритм, под который маршировали коровы.

– Му-у-у-у!

Прутик обернулся и увидел, как большой бык, наклонив рога, скачет прямо на него.

Бум! Удар сотряс ствол, сверху полетели листики и кусочки коры. За миг до этого мальчик отпустил руки. Иначе раз-

дробило бы ударом. Он упал, тут же вскочил и затанцевал за Лютиком.

Любимка, наконец, обуздал бунтующие ноги.

– Прутик, я не брошу тебя!

Он рванул следом. Стена леса поглотила их, одного за другим. Наум кинулся было следом, но остановился и опустил руки. Сзади Настенька никак не могла управиться с непослушными ногами.

– Ушёл. Он ушёл.

Сойка рыдала, вжавшись в угол избы. Тишка, поскуливая и приседая на все четыре лапы, залез в подпол покосившегося дома. Стая птиц распалась и разлетелась в разные стороны.

– Ну же! Давай! – блюдца прыгали перед Харитоном, но на них было что угодно, только не Любим.

– Варвара, мне нужно срочно опуститься к Головоломке. Попытайся отыскать их...

Он обмяк и сполз на пол. Варвара тут же забыла о нем, вскочила, и блюдца услужливо столпились перед ней, со звоном толкаясь краями.

– Не то... Не то... Все не то... Похоже, птицы отца разлетелись вместе с остатками стаи.

– Что же делать? Как помочь Любиму?!

Впервые у неё не было ни одной дельной мысли. Варвара чувствовала себя беспомощной, как никогда.

Сказ 3 – Явление моргулов

Прутик двигался, подчиняясь мелодии. Ноги не только несли его по лесу, но и выделявали кренделя, отчего глаза заливало потом. К тому же ноги начисто забыли о существовании остального тела. Мальчика несколько раз так приложило о стволы сосен, что искры летели из глаз, а мохнатые ветви исцарапали лицо. Впереди без устали скакала ненавистная фигурка.

Сзади раздавался хруст и топот, словно ломилось целое стадо лосей. Когда звук догнал их, Прутик понял, что это один-единственный человек.

– Любим! Ты не бросил меня!

– Конечно, – пропыхтел тот. – Мечи-калачи! Отстань от нас со своим колдовством.

Музыка прервалась. Лютик расхохотался.

– Это не колдовство – это искусство. И оно принесло мне сразу двух претендентов в отряд Полуночи.

Любимка не успел даже облегчённо выдохнуть, как мелодия возобновилось. Ноги вновь повлекли Прутика в лес. Любимка скакал следом.

Одержимник все дальше уводил их от деревни.

«Что делать?! Коли я не могу их догнать, то и друзья не сумеют нас отыскать. Наум – не герой, на Сойку напал странный ступор, а Наська одна ничего не сможет. Жители дерев-

ни вряд ли затеют погоню. Гридни тоже не сунутся в Запредельный лес – не их это дело. Дедка большак станет ждать возвращения дядьки Костяя».

Паренёк яростно потрянул головой.

– Мечи-калачи! Мне никто не нужен! Сам справлюсь, ведь я – будущий богатырь!

Лес сделался гуще, танцевать стало тяжелее. Прутик попытался хвататься за стволы, но только ободрал руки.

Любимка лихорадочно соображал, что делать. Он представил, как под ногу Лютика попадает корень, парень падает и – крак-крак – ломает дудочку. Это было бы здорово. Но глупо надеяться на случайность. Как бы поступил на моем месте любой из известных богатырей?! Илья Муромец? Метнул бы свою чудовищную булаву. Или Добрыня? Ударил бы своей знаменитой плетью. Или, может быть, Алёша Попович... Да! Как раз в такой ситуации стоит воспользоваться умениями Алёши – из богатырей он самый хитрый.

«Думай голова, думай. Это твой очередной шанс доказать небесам и себе, что ты достоин. Шанс... Есть! Придумал! Теперь главное не оплошать. Главное – все сделать правильно. Найти нужные слова».

На мгновение остановился и прикрыл глаза. Как живого представил Ярополка. Благородный нос презрительно сморщен, высокомерие уродует лицо.

– Да какое же это искусство, – громко крикнул Любим. В голос добавил как можно больше насмешки, сдобрил его

пренебрежением и для пушего эффекта ещё и фыркнул. – Пастушок душевнее играет. А вот моя подруга Пелагея...

Мелодия оборвалась так резко, что Прутик замер в замысловатом па, замахал руками и рухнул наземь. К счастью все кругом затянуто толстым слоем мягкого мха – почти не ушибся.

– Что-о-о?! – Прокатилось по лесу.

Зашуршало, захрустело – ветки отлетели в сторону, и к Любимке вырвался красный от ярости Лютик. Прутик со стоном вытянулся на земле – только сейчас понял, как устали ноги. По несчастью рухнул прямо в муравейник, по коже шустро застучали лапки насекомых.

– Да как ты смеешь! – закричал Лютик. – Ты ничего не смыслишь в искусстве, дурень!

Первоначальный план был тут же позабыт, Любимка ощутил, что заводится.

– Это я-то не понимаю в искусстве?! Мечи-калачи! Да если хочешь знать, мой друг – Пелагея – скоро станет первым менестрелем на Руси! Так и знай! Люди собирались со всех семи княжеств, чтобы её послушать! – Он важно приосанился. Ярополк в его голове ухмыльнулся и потёр руки. Любимка с улыбкой добавил: – А тебя с твоей плясовой-холопской не пустили бы на порог приличного общества.

– Плясовой холопской?! – Лютик вздёрнул голову. Было видно, что он не хочет отвечать полному невежде, но уязвлённое самолюбие не позволяет промолчать. Он заговорил,

высокомерно сжеживая слова с обиженно оттопыренной губы. – Если хочешь знать, я чувствую аудиторию. Для деревни я играю одно, а для князей будет совсем иное.

– Так прислушайся ко мне и сыграй для меня, – вскричал Любим, глянув на Прутика. Тот не пляшет с тех пор, как умолкла колдовская мелодия. «Беги! – мысленно приказал Любимка. – Пока я его отвлекаю – беги!»

– Мы здесь одни, никто нам не помешает. – Говоря это, подбирался все ближе – надобно обезвредить одержимника, пока тот отвлечён. Глаза дудочника прикрылись, он прислушался к чему-то внутри себя. Отсутствующее выражение ещё не сошло с лица, а глаза раскрылись и сверкнули.

– Ты и правда, не такой, как другие, – сказал он. Любимка приблизился ещё на шагок. Лютик улыбнулся. – Я знаю, что тебе сыграть, Любим.

Он поднёс дудочку к губам и заиграл. Любимка сжался – натерпелся в последнее время от мелодий. Но эта музыка была совсем иного рода: Лютик больше не покушался на тело – он замахнулся на душу. Музыка лилась широкая и мощная. Она захватила и понесла. В ней не было примитивного ритма для животных, не было дурного веселья для простого люда. В ней звучала истинная жизнь. Любимка вздрогнул. В звуках дудочки он услышал звон клинков, грозный клич боевых отрядов, священную ярость битвы. Тут же подключилось воображение, и вот уже он стоит посреди гигантского поля, на котором идёт грандиозное сражение. Обнажённый

клинок в руке, прищур глаз, яростно раздувающиеся ноздри. Враг перед тобой.

– А-а-а-а-а!

Бах! Мощно столкнулись щиты, тут же в дело пошли мечи, выискивая малейшую щёлку в обороне. Над всем этим гордо реяли стяги воюющих сторон.

Дрожала земля от поступи гигантских коней, именитые поединщики съезжались с оглушительным грохотом. Реки обращались вспять, горы делались равнинами, а равнины вздымались горами на месте великих битв. Музыка грохотала и вставала на дыбы, как ретивый конь. Любимка видел древние битвы как наяву. Сердце шибче стучало в груди, пальцы сжимались, ища рукоять доброго меча, грудь вбирала вольный воздух.

Любимка отдался этому чувству, позабыв обо всем – Лютик действительно был гениален и знал, что такое искусство. То, что он исполнял сейчас, было поистине шедевром. И вырваться из этой музыки не было никакой возможности.

Но что это?! Что-то не так?! Отчего побеждают воины в черных доспехах?! Почему они не защищают деревни и города, а жгут их?! Ведь настоящий герой помогает людям, а не нападает на них. Настоящий герой... Не одержимник...

Неожиданно вывалился из магии, сотканной музыкой. Тело все ещё реагировало на лязг металла и пьянящее чувство битвы, но разум уже был здесь.

Он увидел Лютика, закатившего глаза от упоения и выво-

дившего мелодию битвы. Одержимник весь отдался музыке, уверенный, что и слушатель пребывает там же. Длинные тонкие пальцы летают по дырочкам дудочки... Дудочка! Главное оружие лютого Лютика. Не раздумывая больше, Любимка прыгнул вперёд, занося кулак для удара...

– Успокойся, Варвара. Все не так плохо, как мы думаем...

Харитон ожил и приподнялся в кресле. Кожа скрипнула сперва под его руками, потом под задом. Библиотекарь уселся удобнее.

– Я не сумела отыскать видящих глаз, – сказала она виновато, опускаясь на табуретку. Никому ненужные блюда дрейфовали по всей палате.

– Птицы очень капризны и нестабильны, – сказал Харитон. – Особенно, когда речь идёт о Запредельном лесе. Там мы используем деревья...

– Ты его видишь? – спросила девушка. Харитон устало качнул головой.

– В этом нет надобности. Я примерил в Головоломку новые фрагменты, и она дала очень неожиданные выводы...

– Это хорошо, но что с Любимом? – перебила его девушка. – Он остался один на один с одержимником из отряда Полуночи.

– Как раз поэтому нет повода для беспокойства, – невозмутимо сказал Харитон. Видя удивлённый взгляд дочери, пояснил: – Отряд Полуночи силен своим единством. Когда

все семь его членов находятся в нашем мире, они способны передавать демоническую силу друг другу. Именно это делало их настолько опасными, что даже старшие богатыри опасались сражаться с ними раз на раз.

– Ясно. Теперь Лютик один и...

– Да, думаю, что он слабее Вия. Любим вряд ли его оставит, но и Лютику с тягачем не совладать. К тому же, судя по всему, одержимник не знает, что прячется в нашем друге.

– И что же нам теперь делать? Выходит, что Шустр не один. И оба ведут с собой простых людей. Неужели они собираются сделать из них?..

– Носителей. Да. Головоломка показывает, что этот исход весьма вероятен. Я уже отдал приказ следить за окрестностями Мокеевки. Если обнаружится ещё кто-то... – Он вдруг замолчал. Зрачки расширились и опали. – Ксана, – проговорил он в пространство. – Дива Ксана ведёт ещё одного человека. Он из деревни Западная Корша. И, насколько я могу судить, это – брат Кречета.

– Откуда ты узнал? – воскликнула Варвара.

– Полушка видел их, но не придал значения. Теперь он вспомнил и передал мне воспоминание. Когда мы искали выживших полуночников, я досконально изучил всю их родню. Сомнений быть не может – это брат того, в ком пребывал демон Гордыни.

– Он её остановил?

– Нет. Он видел её сутки назад. Сейчас они, должно быть,

тоже вошли в Запредельный лес. Их уже трое. Это не считая Лютика.

Варвара дрогнула. Сама она не помнила, но очень хорошо изучила историю последней войны с перводемоном. Отряд Полуночи был страшной силой. Вся Русь лежала в руинах только благодаря им. Один Мрак не успел бы в столько мест сразу.

– Листок на задании, – сказал Харитон. – Мне потребуется твоя помощь. – Варвара подобралась и кивнула. – Пойдёшь к князю с докладом. Я не могу с тобой обмениваться мыслями, как с писарями, поэтому...

Варвара вздрогнула. В голосе отца звучало сожаление, а в глазах появилась задумчивость. «Нет! Ни за что не соглашусь на это!» – мрачно подумала девушка. С некоторых пор это был самый большой страх в её жизни. Это случилось, когда она была ещё маленькой девочкой лет шести. Варенька разбила вазу. Это видел Листок, тогда он ещё не был первым писарем.

– Дядя Листок, не говори моему папе, – попросила девочка.

– Не могу, – улыбнулся писарь. – Твой отец у меня в голове. Что знаю я, знает и он. Поэтому...

Он развёл руками.

– Что значит «у тебя в голове»? – спросила Варя.

– Это значит, что он может увидеть любую мою мысль, способен ощутить любое моё побуждение. Твой отец не все-

гда со мной, но когда входит в мою голову – сразу же узнает все.

Ей было шесть лет, но она все поняла и содрогнулась от омерзения.

– Как?! Как он заставил тебя?! – вскричала она, с жалостью глядя на парня.

– Он не заставлял, – тихо ответил Листок, перестав улыбаться. – Я сам впустил его. Добровольно.

Шли годы, девочка Варвара выросла. Но с тех пор самым страшным ужасом для неё стали эти слова: «Он видит любую мою мысль... Он ощущает любое моё чувство... Твой отец не всегда со мной, но когда входит в мою голову – сразу же узнает все!»

Она примеряла это на себя и содрогалась от ужаса. Мозг, глубины сознания – то место, куда она могла убежать от отца, и где он не мог её достать. Это была её крепость, её последний оплот. И она не собиралась сдавать его так просто!

– ...Поэтому, слушай внимательно, – продолжал Харитон. – Все очень серьёзно. То, что Лютик появился и захватил Прутика, говорит об одном – он действует заодно с Шустром. Так же как Ксана. И они собираются возродить отряд Полуночи. Это уже совсем иной уровень опасности. Мы не можем закрыть на это глаза.

– Но как они это сделают? Ведь книга Полуночи у нас. Шустр не сумел забрать её.

Харитон нахмурился.

– Это самое скверное. Я могу предполагать, куда они стремятся. Но я не понимаю, что это даст. – Его передёрнуло, словно он ощущал физическую боль от своего незнания. – А теперь слушай: надо убедить князя отдать приказ богатырям о перехвате. Об отмене испытаний даже заикаться не станем – это непреодолимые обстоятельства.

– Но как? Ведь остановить испытания – наилучшее решение. Князь такой мудрый... Неужели нельзя с ним договориться?

Харитон тяжело вздохнул.

– Мы просто не сумеем убедить его. Слишком много сил он вложил в объединение Руси и слишком много надежд возлагает на нынешний поток тягателей. Но задержать наблюдателей от княжеств мы можем себе позволить. Это даст Стояну необходимое время.

Варвара слушала его и кивала. Лицо её постепенно бледнело, но одновременно становилось решительным...

Не успел сделать и шага, как вновь увидел страшную морду демона, сидящего в хрупком теле Лютика.

– Р-р-ра!

Дудочник вздрогнул и открыл глаза. Мелодия оборвалась, синие глаза неверяще распахнулись.

– Но как?!..

Любимка видел, что не успевает. Ещё нужно сделать два шага, а в глазах Лютика уже появилась осмысленность. На-

пряглись руки. Сейчас он спрячет дудочку за спину, и пиши пропало. Любимка перевёл взгляд на Прутика. Тот по-прежнему под чарами, сидит и смотрит в пространство, глаза блестят, как стекляшки.

«Спаси! Я должен его спасти! От этого зависит его жизнь!»

Кап-кап! Перед глазами расплылись тёмные кляксы. Время замедлилось, воздух затвердел. Любимка продирался сквозь него, словно пловец сквозь плотную воду. Зато движения Лютика прекратились, взгляд остекленел. Любимка сделал один шаг, потом второй. Рука рванула вперёд. И вдруг время возобновило бег.

Глаза Лютика распахнулись, но было уже поздно. Бац, хрясь! Дудочка распалась на несколько частей.

– Ха-ха! – воскликнул паренёк и запрыгал по траве. – Так-то! Перехитрил я тебя! Да!

Лицо Лютика исказило страшное выражение. Словно черты демона проступили наружу: глаза грозно сверкали, зубы оскалились в гримасе злобы.

– Зря ты это сделал, – проговорил он сквозь зубы. – Эта дудочка была наигранной. Чтобы наиграть новую – уйдут многие дни. Но не думай, что я силен только дудкой.

Он сунул руку под плащ. Любимка напрягся. Из-под темной ткани показался кулак, сжимающий тёмный камень на золотой цепи. Лютик благоговейно погладил его и посмотрел на Любимку.

– Я буду отомщён, – и улыбнулся.

Мороз пробрал Любимку от этой улыбки. Лютик прокусил палец, появилась капля темной крови. Он приложил ранку к медальону и поглядел на Любимку почти с жалостью. Медальон вспыхнул черным сиянием, тьма окутала ладонь Лютика, тот присел и приложил её к земле.

– Придите, моргулы! У меня есть для вас жертва!

Гроыхнуло. Только вот гром гремит в небесах, а этот грохот звучал из-под земли. Одержимник отнял руку, на хвое остался чёрный отпечаток пятерни.

– Прощай, Любим, – Лютик показал Любимке крохотный клочок ткани и улыбнулся. – Твоя рубашка наведёт их на след.

Любим приподнял подол рубашки – оборвана.

– Когда ты успел?!

Одержимник только улыбнулся в ответ и осторожно положил кусочек ткани в центр отпечатка ладони. С тихим шелестом земля стала проваливаться вниз. Лоскуток первым скользнул в открывшееся отверстие. Лютик расхохотался.

– Вот и все. Из проклятых моргулами ещё ни один человек не сумел выжить. Жуткие мучения тебе обеспечены.

Он ухватил Прутика и запахнул плащ, тот запестрел и слился с полутьмой леса. Метнулась тень, и шаги затихли. Любимка кинулся следом, но из дыры посыпали искры. Пришлось отскочить назад.

Про моргулов слышал из былин о богатырях, только вот

ничего вразумительного там не было. Темные твари – да, бестелесные – точно. Но почему все так страшатся бестелесных, пускай и темных тварей – совершенно не ясно. Чем они могут навредить человеку? Может быть, Лютик просто пугает? Откуда бы он взял такую силу? Моргулы кому попало не подчиняются. Призвать их мог лишь первый воитель тёмного воинства Мрак.

Надо спешить, с каждым мгновением Лютик уводит Прутика все дальше. Но и эту дыру так просто оставить нельзя – она совсем рядом от деревни. Если моргулы опасны...

Искры пропали. Любим подкрался ближе и заглянул: на месте чёрной пятерни отвесно вниз уходило отверстие с гладкими стенками. Как будто сквозь землю продавили нечто настолько твёрдое, что стенки уплотнились и почти не осыпались. Глубоко внизу что-то виднелось. Любимка плюхнулся на живот, селясь разглядеть. Из дыры пахло жаром, отрок отпрянул, но любопытство не отпускало, и он заглянул вновь. Снизу на Любимку глянула тьма. Самая плотная, непроницаемая тьма, какую он только мог вообразить. Вновь отпрянул. «Чур меня, чур! Что за странная дыра? Мрак не может быть настолько плотным. Тьма не должна глядеть!»

Снизу донёсся звук, от которого мороз пробежал по спине.

– Снуф! Снуф! Сну-у-уф! – как будто чей-то большой и мокрый нос втягивает воздух.

Сразу же вспомнился лоскут рубахи и торжествующее ли-

цо Лютика. «Вот и все! После встречи с моргулами ещё никто не выживал». Неужели колдовство действует, и там внизу прямо сейчас кто-то принюхивается к его запаху?

Любимка отодвинулся от дыры. Что делать? Надо предупредить деревню и спасти Прутика. Хоть бы кто из тягелей сюда пришёл...

Точно! Надо просить помощи друзей. Наума можно послать в деревню с предупреждением, Наська поможет выследить одержимника.

Любимка расхохотался от облегчения: «Проще простого. В том, что я не могу сам – помогут друзья».

Он поднялся и замер. В лесу что-то не так. Не сразу понял, в чем странность. Тишина. Непонятная полная тишина, какой просто не может быть в лесу. Замолкли птицы, не прыгали в вышине белки, не стучал дятел, не куковала кукушка. Даже деревья застыли в полной неподвижности: ни один листик не шелохнётся, ни одна крона не скрипнет. Лес, будто смертельно напуганный зверёк, затаился всем своим многоликим нутром.

Бух! Любимка подпрыгнул. Ногами ощутил толчок из-под земли. Бух-бух! Ещё два! Что происходит?!

Сила толчков увеличивалась, их частота нарастала. Вскоре они превратились в одно общее дрожание земли. Оно впитывалось ногами даже через толстую подошву сапог и распространялось по всему телу. Живот скрутило, по жилам потёк страх.

Любимка медленно повернулся. В том месте, где Лютик оставил дыру, толчками поднимался земляной холм. Когда на поверхность выбирается крот, остаётся именно такой холмик. Только вот каким должен быть этот крот, чтобы выбросить столько земли? Горка свежевырытой земли поднялась уже до пояса взрослого человека и продолжала увеличиваться. Любимка слышал хруст, словно там внизу стремительно прорастал, раздвигая землю, огромный крепкий корень.

Отступить! Нужно скорее бежать в деревню и предупредить людей. Тело уже почти выполнило команду, когда в голову пришла новая мысль. И что я им скажу? Холм земли? Из-под земли выбирается кто-то большой?

Нет! Нужно разведать опасность до конца. Кто выбирается, сколько их, какую опасность представляют. У страха глаза велики, может быть, это совершенно безобидное существо, которому до деревни и дела нет.

А груда земли все разрасталась. Камушки с тихим шелестом раскатывались в разные стороны. Любимка заморожено глядел на это зрелище, не в силах ни бежать, ни унять бешено рвущееся сердце.

А потом поверхность кучи взорвалась. Во все стороны полетели комки грязи и земли. Рядом с Любимом шлёпнулся дымящийся ком. От удара он раскололся, и отрок увидел, что земля спеклась, как от сильного жара. Он со страхом поглядел на образовавшуюся воронку. Несколько шагов в окружности. Что же лезет из-под земли на свет Божий?!

Краем глаза уловил движение в тени кустов. Быстро повернулся – все тихо. Стремительная тень с другой стороны. Посмотрел туда – никого. Что это такое?! Видения? Призраки?

Призрачные твари – так про них говориться в былинах. Темные бестелесные существа, которые могут являться лишь ночью.

Волевым усилием расслабил напрягшиеся мускулы. Стараясь не шуметь и не делать резких движений, отступил к ближайшей сосне и спиной прислонился к шершавому стволу – теперь сзади к нему не подобраться, и видно пространство вокруг земляной воронки. Волосы на голове шевелились, на висках выступили капельки пота, сердце каждый раз проваливалось в тёмные яму – чудилось, будто в глубинах леса таилось что-то смертельно опасное.

Топ-топ-топ. Горохом рассыпался дробный топоток. Зародился далеко-далеко, на грани слуха, начал нарастать, пронёсся вокруг поляны. В темноте мелькнуло что-то стремительное и тут же пропало. Едва успел туда взглядеться, как подобное движение повторилось чуть левее. И снова тихо. Топот с другой стороны. Сердце жалобно дёрнулось, разум захлестнул ужас. Пришлось ухватиться обеими руками за ствол, чтобы не поддаться панике и не пуститься в безумное бегство.

– Я должен понять, с чем имею дело. Богатырь я или тварь дрожащая?!

Он вжался в ствол, чуть присел, готовый мгновенно рвануть в любую сторону. Глаза распахнул так, что ещё чуть-чуть – и вывалятся из глазниц.

Наконец, он увидел их: два стремительных силуэта, больше похожие на ящериц. Они шустро перебирали лапами и кружили вокруг земляной воронки. Когда «ящерки» попадали в тень, они становились плотнее и резче, движения их ускорялись. Но едва им доводилось выпасть на светлый участок, силуэты истончались почти до полной невидимости, движение замедлялось, и их почти нельзя было разглядеть.

Любимка не успел толком оценить своё открытие, как из-за ствола рядом с плечом высунулся острый крысиный нос, ухо вспорол громкий звук:

– Снуф, снуф, сну-у-у-уф! – тёмная тварь приняховивалась.

Свист прекратился, нос исчез столь резко, что Любимка вздрогнул. Скорее, разумом, чем слухом, ощутил ликующий писк.

– Жертва! Здесь! Рядом! – Раздался удаляющийся топот, он окружил поляну и замер на другой её стороне.

В темноте леса соткалась из мрака острая морда, очень похожая на крысиную. Вот только размером эта крыса была с годовалого телёнка. Морда радостно оскалилась, и Любимка с дрожью увидел большие острые зубы, такие же черные, как все остальное. А потом тварь сжалась и прыгнула.

– А-а-а-а!

Любимка зашёлся в истошном крике. Нахлынул такой

ужас, что он просто не мог сопротивляться. Лишь вскинул руки в жалкой попытке отгородиться от надвигающегося чудовища.

Едва тёмный силуэт попал на свет, он растворился, превратившись в едва заметную тень. Фу-у-ух! Оскаленная морда мелькнула и пропала. Любимку обдало лёгким тёплым ветерком. Уф! Паренёк отмер, пошевелил руками, потом ногами. Так и поседеть недолго. Будет среди тягателей старичок четырнадцати лет, то-то Ярополк повеселится.

Полумрак леса озарила белозубая улыбка. Ха! Лютик просчитался, вытаскивая с пыльных полок истории этих «ужасных» монстров. То ли время их испортило, то ли неумение вызывальщика, но моргулы оказались совершенно безобидными бесплотными тварями.

«Вот и славно. Вернусь, расскажу обо всем ребятам. Тот-то посмеются. Хотя некогда смеяться. Теперь нужно думать о спасении Прутика».

С этими мыслями Любимка развернулся и исчез в лесу.

Сказ 4 – Возвращение Стояна

Стоян стремительно скользил по Запредельному лесу. Мимо мелькали толстенные поросшие мхом стволы. Буреломы перескакивал сверху, стволы огибал, сквозь переплетение сучьев ввинчивался, как стрела с винтовым наконечником – в чаще он передвигался быстрее, чем гридень налегке по ровной удобной дороге.

По обе стороны от него, охватывая широкое пространство, бежали четыре разведывательных любимца. Богатырь направил их следовать параллельными курсами. Лес непривычно притих, словно чего-то ждал.

Не может здесь быть ничего опасного. Вот просто не может. Они долго сидели и продумывали безопасность испытания тягателей. Наставники, калики, писари Харитона. Богатыри, дивы, охотники, следопыты.

Первым в Запредельные леса отправился Микола Стародуб. Потом один за другим никак не меньше десятка богатырей и писарей Харитона. В настоящее время прямая дорога между Мокеевкой и полигоном безопаснее, чем крупные московские тракты. Если там есть крохотная вероятность наткнуться на разбойников, то здесь такое просто невозможно.

Конечно, Костяй ушёл в другом направлении. Неведомые люди знали об испытании, потому направились в сторону необжитых земель, которые зовутся Чашей Хруста. Эти ме-

ста по-настоящему опасны – это ещё не Тайга, но уже нечто схожее. Даже богатырю там придётся туго. Но до Чащи от Мокеевки топать полдня – никак не меньше. Подходы к Мокеевке и полигону охраняют Безмолвные Стражи, они засекут движение в любую сторону. Пока сигналов не поступало.

Единственный, кто способен пройти мимо них незаметно – это Вий с его Зелёными Глазами, но он ослаблен последними событиями. Даже если он здесь, будет стараться избегать богатырей всеми силами. Угрожать воину уровня Костяя в этой части леса просто некому.

Стоян насторожился и сбавил шаг. Правый любимец что-то засек. Отправив разведчиков в разные стороны, сам направился к находке.

– Здорово, Костяй. Ты чего тут?

Пожилой богатырь сидел, привалившись спиной к дереву, и глядел в небо. Лицо бледное, зубы скрипят от усилий, хотя тело кажется неподвижным.

– Да... Здоровье... мне бы... не помешало, – проговорил он отрывисто, слова шли с трудом, доставляя ему видимое страдание.

– Что случилось? Кто на тебя напал?!

Стоян хмурился. Не было печали. Кто мог сотворить такое?..

– Через Мокеевку прошёл странный человек... В сторону леса... Я преследовал и нарвался на одержимого зверя. Хо-

тел отпугнуть его, но кто-то напал сзади...

– Странный человек обхитрил тебя? – нахмурился Стоян. Ему всегда неприятно было, когда кто-то из богатырей в чем-то плошал. Казалось, что это роняет честь всех богатырей в целом.

– Нет... Там див с порхающими мечами... Гордился этим умением... Хвастливый... А мне заперли токи... земной тяги... Очень грамотно заперли... Полдня отойти не могу...

Стояну вдруг вспомнились глаза над темным платом. Болт? Да, воронёный богатырь урядника способен на подобные вещи. Более того, чтобы остановить Костяя, ничего лучше не придумать. Вопрос в том, зачем Болту понадобилось останавливать Костяя?

– Что ты задумал, Фрол... – проговорил Стоян. – Да нет! Это просто невозможно – мы все на одной стороне.

В голову пришёл сигнал от одного из любимцев. Стоян шагнул вперёд и раздвинул кусты. Огромные следы поворачивали вбок и уходили в лес.

– Здесь был одержимый бер. Как он сумел миновать Стражей?! – проговорил он, касаясь ладонью одного из следов.

– Мне тоже... было интересно, – пропыхтел Костяй. – А ещё... отчего он... не тронул меня...

Стоян спохватился и присел рядом. Его рука легла на запястье раненого богатыря, вторая коснулась лба. Наставник прикрыл глаза, наблюдая за хаотичными вихрящимися токами земной тяги в теле Костяя. Потом наметил место и на-

правил туда свой поток. Тот наткнулся на преграду и отско-
чил. Стоян повторил. Ещё и ещё.

На висках выступил пот, резко почувствовал себя устав-
шим, словно провёл длительную тренировку с земной тягой.
Зато потоки Костяя приобрели стройность, вихри рассоса-
лись, каналы восстановились.

– Уф... – Стоян тяжело сел рядом.

– Спасибо, – кровь прилила к щекам Костяя, он вздохнул
с облегчением. – Мне повезло, что ты калика.

Какое-то время оба приходили в себя. Потом деревенский
богатырь сказал:

– Этот медведь странно себя ведёт. Он хотел поживиться
мною – я чувствовал его голод и ничего не мог предпринять,
но его глаза вдруг остекленели, и он резко поменял направ-
ление движения.

– Любопытно, – Стоян прислушался к сигналам, кото-
рые передавал ушедший в том направлении любимец. – Там
растёт папоротник. Демоны терпеть не могут его запах. Я
встречал богатырей, которые в Запредельном лесу спасаю-
тся этим. Демон никогда бы не полез туда... добровольно.

– Ты считаешь, что им кто-то управляет? – Костяй нахму-
рил лоб, вспоминая. – Да. Теперь ты сказал, и мне кажется,
что так и есть. Глаза у него были какие-то стеклянные. И по-
вернул он будто нехотя...

– Этого нам только не хватало перед испытаниями, – мол-
вил Стоян.

– Но ведь это невозможно, – сказал Костяй. – Даже переводемон не мог управлять низшими демонами в одержимых зверях. Из полуночников один только Лютик способен отгонять их своей дьявольской музыкой, но даже он не умеет ими управлять...

– Невозможно, говоришь? – Стоян горько улыбнулся. – «Невозможное – возможно» – так говорил прародитель Святогор. Кто знает, может, у этих слов есть и недобрый смысл.

– Мол, от тьмы всегда жди новой пакости? Да уж. И правда – не ко времени. – Какое-то время они молчали, восстанавливая силы. Костяй морщил лоб все сильнее. – Знаешь, если задуматься, это не было прямым управлением. У меня возникло ощущение, что он исполняет заложенную в голову последовательность команд. И мне повезло, что именно в этом месте ему велено было сделать резкий поворот. Демон был недоволен этим и пытался остановить бера, но... у него не хватило сил. Это меня и спасло.

Стоян поглядел на поляну с папоротниками глазами любимца. Огромные лапы вырывали дерн и растения с корнем.

– Как бы не забрёл в деревню... – Калика ещё раз поглядел в ту сторону, куда ушёл бер. – Надо возвращаться. К вечеру должны успеть... Идти сможешь?

– Теперь смогу, – Костяй поднялся и пошевелил руками, притопнул ногами. – Ты – славный лекарь...

Два богатыря исчезли в лесу, поляна с огромными следами погрузилась в тишину.

Своих встретил на полпути к деревне.

– Любимка! – пискнула Настенька и кинулась к нему ошупывать – не повреждён ли.

Сойка глядела на него, широко распахнув глаза. Изумление в них мешалось с облегчением. Наум тихо приблизился и молвил:

– Не догнал, знать?

– Догнал, – прервал его Любимка. Он вспомнил о моргулах и поморщился. – Некогда обсуждать – нужно отправляться в погоню. Настька, идём со мной. Надобно след отыскать, а ты у нас первый мастер в этом... – Девушка молча кивнула. – ...Наум, ты возвращайся в лагерь...

– Возвращаться в лагерь? – пролепетал толстяк. – А разве ты не собираешься?... – Любимка мотнул головой, нетерпеливо притопывая. – ...А как же испытание? Твоя мечта...

– Мечи-калачи, Наум?! Как ты не понимаешь?! Моего друга похитил одержимник. Он собирается сотворить с ним что-то страшное. Я не могу его бросить!

Все это время Сойка стояла в сторонке и наблюдала. Синеволосая девушка была необычайно тиха.

– Нужно все рассказать наставнику, – крикнул Наум. – Другим богатырям. Одержимник – это не бер. Он воевал ещё в Последней войне против Легендарной сильномогучей троицы. Воевал и выжил. Он скрывался четырнадцать лет. Его не могли отыскать ни богатыри, ни писари Харитона. И с ним

ты собираешься сражаться?! Мы же ещё маленькие! Что мы можем сами?!

Любимка печально глядел на него и ничего не отвечал. Это больше всего напугало Наума.

– Сойка! Скажи хоть ты ему!

– Сойка? – Любимка внимательно поглядел на девушку. – Ты как? Там, в деревне, ты странно себя вела...

– Что мы можем сами? – проговорила Сойка, не слушая его. – Что мы можем? Сами!

Она задрожала и всхлипнула.

– Ёшки-матрёшки! Сойка, да что с тобой такое? – воскликнул Любимка. Наум глядел испуганными глазами.

– Я знаю этого Лютика, – Сойка замолкла, словно ей было трудно говорить. – Он скрывался от богатырей в нашей деревне. С самого рождения я была у него в рабстве. Он творил с нами, что хотел... – Любимка и Наум переглянулись. Настенька подкралась сзади и обняла синеволосую девушку. – А ещё он убил Севу, – проговорила она тихо, потом заторопилась, рассыпая слова. – Это Сева вдохновил меня на побег. Он сделал меня смелой. Мы сбежали, но он нас догнал. А потом он заиграл... Заиграл... ту же мелодию, которая тебя... в деревне...

Любимка содрогнулся. Он понимал, о какой мелодии она говорит: когда сердце выпрыгивает из груди, а ток крови разрывает сосуды в клочья. Если бы не земная тяга вкупе с темной волной – не выжил бы.

– ...Сева тоже говорил – надобно проверить, что мы можем сами... А Лютик убил его! А надо мной издевался и вернул!

– Прости, Сойка, – сказал Любим. – Прутик – не твой друг. Ты не должна идти со мной...

Лицо девушки сделалось строгим, словно кто-то умер. Она протянула руку Любиму.

– Нет! Я пойду с тобой. Ты научил меня, что не надо бояться Лютика. Всю жизнь я боялась, все вокруг меня боялись. Но пришёл ты и показал, что он – обычный дударь. Ты едва не сломал ему дудочку...

– Я сломал, – ухмыльнулся Любим. – В лесу... – Сойка неверяще распахнула глаза. – Но он все равно от меня ускользнул, – с горечью закончил отрок.

– Я пойду с тобой, – твёрдо повторила она.

В лесу повисла тишина. Сойка тяжело дышала, Наум напугано блеснул глазами, Настенька сдавленно всхлипнула.

– Сойка! – Любимка хлопнул её по плечу и сжал. Девушка ответила твёрдым взглядом. Она почти не дрожала. – Мы должны победить наши страхи. Только тогда мы станем теми, кем мечтаем быть. Выдвигаемся немедленно.

– Только поведу вас я, – раздался под сводами леса зычный голос.

– Дядька Стоян!

– Наставник!

– Я давно уже наблюдаю за вами с помощью любимцев и

не знаю радоваться или огорчаться.

Из лесу вышел бледный грузный богатырь и Стоян. Пока наставник говорил, деревенский богатырь привалился к ближайшему стволу и шумно перевёл дух.

– Ух! Стоян. Не задерживаю тебя боле. До деревни как-нибудь... Доберусь...

– Тебе бы земную тягу ещё раз прокачать, – озабоченно повернулся к нему наставник.

– Сам справлюсь. Главное – ты мне токи восстановил...

– Добро.

Стоян оглядел тягателей. Выглядели они не очень: все в пыли, волосы растрёпаны, у Сойки среди синих прядок солома, Настенька без огромного мешка смотрится как другой человек, Наум будто похудел и утратил детскую рыхлость – все такие серьёзные и твёрдые. Что Любимка с ними сделал?

– Мечи-калачи! Чево стоим-то?! – Любимка приплясывал от нетерпения. – Уходят же они!

– За мной. Не отставать.

Шух! Стоян исчез, по лесу удалялось шуршание и хруст. Тягатели кинулись следом.

Долгое время выпало из головы. Была череда смутных образов: дорога, лес, домики, снова дорога. И голод. Страшный всепоглощающий голод, который затопил собой мозг и не оставил ни одной свободной мысли. Голод гнал его на восток. Позади все время чувствовался кто-то суровый и сер-

дитый, и Иваш сам не знал, хочет от него скрыться или, наоборот, желает, чтобы этот кто-то всегда был рядом. Потом были очередные домики и злые существа. Иваш чуял их страх, но это не мешало им окружить его и тыкать острыми палками.

– Зачем?! Пустите меня! Мне надо бежать! – пытался сказать им Иваш, но изо рта вылетали лишь рычание и хрипы.

А потом кто-то догнал его. Вжих-вжих-вжиж! Этот звук наполнил сердце трепетом. Тайный спутник разогнал существ, и Иваш облегчённо понёсся на восток.

Вокруг замелькали деревья с толстенными стволами, потом был глубокий провал. Вниз почти отвесно уходила стена, а на дне плескался мрак. Иваш заскулил, принялся бегать туда-сюда, тревожно оглядываясь назад.

Хозяин, где ты?! Как мне быть?

И хозяин появился.

– Кыш! Туда! Кыш! – сказал он, и Ивашу сразу все стало ясно. Теперь они бежали вдоль оврага на юго-восток.

Овраг длился недолго. Сияющий шар на небе вскарабкался на самый верх, а потом скатился обратно. Дно провала постепенно сошло на нет.

Здесь хозяин его догнал и начал кричать:

– Стой! Перестань бежать! Остановись!

Иваш заметался, недоумевая. Что делать? Я – хороший мальчик. Я бегу на восток! Почему он сердит? Хозяин не церемонился с ним: пару раз ударил прямо по морде, дёрнул

за ухо и повалил на землю.

– Хозяин! Мне нужно бежать! На восток! – кричал Иваш, но из пасти раздавался лишь рёв.

Потом тайный спутник прижал его к земле. В руке у него появился тёмный камень на верёвочке. Камень стал приближаться, и Иваша обуял ужас. Он страшно забился, пытаясь вывернуть голову, но хозяин хоть и был маленьким, держал очень крепко.

– Изыди! – приказал он. – Ты нам больше не нужен!

Иваш забился. За что? Почему?! Я – хороший мальчик! Не надо!

Камень был все ближе, а потом он коснулся лба. Раскалённый прут пронзил голову и начал ворочаться. Все тело пронзили токи боли, хотелось биться и орать, но тело парализовало. Он мог только мелко подрагивать и хрипеть.

А потом прут исчез, давление пропало – Иваш был свободен. Он лежал на земле, в бок упиралось что-то твёрдое, трава щекотала шею. Вверх уходил тоннель зелёной листвы, в самом конце виднелся кружок синевы и ослепительные белые облака...

Кто... я?

Мелькание леса. Бесконечный бег и прыжки. Скорость.

Я... хороший... мальчик?..

Кольчуга, добротные порты, сафьяновые сапоги. На поясе – кинжал в нарядных ножнах, в руке – меч. Вжих! Вжих! Распарывает воздух.

Я... богатырь?!

Грудь переполнила гордость и ликование и... тут же ушла. Ярость! Удары! Ярая мощь по жилам. И лицо. Юное, светловолосое, страшное! Оскаленное! Злобное!

– Демон! Изыди!

Р-р-рау!

Я... теперь... никто?!

Он резко сел. Вокруг тихо шелестела листва, пели птицы. Страшные мысли подёрнулись дымкой. Дурной сон? Это – дурной сон.

– Пришёл в себя? – холодный голос. – Нам нельзя расслаживаться...

Иваш вскочил. Перед ним сидел на пенёчке крохотный человечек с двумя мечами за спиной.

– Шу... Шустр?! – воскликнул Иваш и разом все вспомнил.

– Добро. Пришёл в себя.

– Где мы? – Иваш по-другому поглядел по сторонам. – Это...

– Запредельный лес. Чаща Хруста.

– Чт... что?! – глаза Иваша расширились. – Но ведь...

– Да, это слишком опасное место, чтобы можно было пустить тебя сюда в шкуре крола. Поэтому дальше пойдёшь ножками...

– Но я не смогу! Я больше не богатырь и...

– Надо смочь! – жёстко отрезал Шустр. – Но не бойся, мы

пойдём не одни.

В этот момент раздалось шуршание и шум. Иваш обернулся, обшаривая распахнутыми глазами лес. К ним шли стройная женщина с темными слегка вьющимися волосами и улыбающийся парень.

– Ксана, я вижу, ты справилась, – махнул им Шустр.

Женщина скорчила гримасу:

– А ты сомневался? Вижу, и ты не зря ходил?

Оба поглядели на Иваша.

– Ксана? – недоверчиво проговорил тот. – Где ты была все эти годы?..

Все в Москве знали Ксанку – девицу с танцующими кинжалами. Она явилась в школу богатырей в одно время со Стояном и Олегом. И до того была хороша собой, что меж молодыми парнями вспыхнуло ещё более сильное соперничество. Иваш хорошо помнил, как сам стал частью того противостояния. Стоян во всем хоть чуточку, да превосходил Олега. Но однажды Олег показал умение зреть земную тягу – это уникальный талант калик.

«Самый молодой калика! – шептались в княжестве. – Он – настоящий талант!»

Но недолго длилось счастье новоиспечённого калики. Стоян тоже продемонстрировал это умение. Там, где остальные калики дали маху, отыскал очень перспективного тягателя. Тем самым тягателем был как раз Иваш. Как же он был рад тогда. Просто счастлив! Как благодарил Стояна...

– Не твоё дело, – женщина нахмурилась и обратилась к Шуству: – Он много говорит, может быть, того...

Она прикоснулась к одному из своих двенадцати кинжалов.

– Ксанка, не будь такой кровожадной. Иваш – друг. Его нельзя обижать.

Шустр громко хлопнул бывшего богатыря по плечу и притянул к себе. Тот скривился, но стерпел. Ксана фыркнула и отвернулась к своему спутнику, который скромно переминался с ноги на ногу.

– Это – Грох, брат Свистуна. Он тоже обыкновенный человек.

Говоря последние слова, она быстро глянула на Иваша и улыбнулась.

– Чего лыбишься, – взвизгнул тот, – дай мне только вернуть моего демона! Я покажу... Все покажу!

Он грозно скалился в пространство, потрясая кулаком.

– Вернуть демона?..

Ксана вопросительно поглядела на Шустра.

– Да, – с улыбкой ответил тот. – Должны же мы отблагодарить нашего спасителя.

– Спасителя? – Иваш покосился на Шустра и сказал обиженным тоном: – Если я – спаситель, тогда почему со мной так обращаются? Подселил демона из зверя, заставил потерять разум... – он передёрнул плечами.

– Подселил звериного демона? – Ксана хихикнула. – Бе-

едный. А я думаю, чего мальчик не в духе...

– Не называй меня мальчиком! Я младше тебя всего на два года!

– По-другому мы не ушли бы от погони, – пожал плечами Шустр. – В любом случае, надо думать не о том, что было, а о том, как мы пойдём через Лес Хруста.

– Ага. Знаменитая Чаща Хруста, – проговорила Ксана, глядя на лес впереди. – Она и правда такая опасная, как про неё сказывают?

– Да, – сказал Шустр и встал рядом, – думаю, что наших природных сил едва хватит, чтобы остаться живыми и относительно невредимыми.

– Нам остаться? – Ксанка выделила голосом слово «нам». – А как же эти? Твой ладно, сам – ха-ха! – лапками перебирал, а с этим я намаялась – совсем не приспособлен к жизни вне города. И у него такое дурацкое чувство юмора...

Она поглядела на своего спутника. Тот продолжал улыбаться и молчать. Иваш заволновался:

– Эй, о чем это вы? Ведь я вам нужен! Вы защитите меня!

– Я надеюсь на Лютика, – сказал Шустр, – он обещал, что проведёт нас...

– Чем нам поможет одержимник? – женщина надула губки и наморщила лоб. – Я слышала, лесные демоны не подчинялись даже перводемону Мраку, не говоря уж о семёрке Полуночи. А Лютик – самый слабый из них...

– Кого ты назвала самым слабым? – раздался громкий

юношеский голос. Все повернулись – из лесу вышел одержимник, держа на плече неподвижное тело. – Перводемон Мрак специально подбирал нас так, чтобы мы имели разные таланты, но по силам были равны.

Он стряхнул с себя тело, мальчик упал, широко раскинув руки.

– Все мы лучшие в своём деле.

– Мальчишка? – Ксана присела над парнем и скорчила недовольную физиономию. – Ты мог выбрать любого, почему взял такого малыша?

– Недосуг было возиться. А этот вроде живчик. И не трус, орал на меня в то время как вся деревня втянула языки.

– Эй, он не помер случаем? – подскочил к мальчику Иваш. Похоже, судьба мальчика напомнила ему, что за люди его окружают.

– Нет, дышит, – отмахнулся Лютик и поглядел на Ксанку. – А выбор неплох, на самом деле – парень настолько силен, что сопротивлялся до тех пор, пока я не наложил на него Звучащие Оковы.

Пока говорил, достал дудочку и бережно покрутил её, словно знакомясь.

– У тебя новая дудка, – подошёл Шустр. – Куда дел старую?

На миг лицо Лютика оскалилось – мелькнул и пропал демон.

– Я встретил тягателей. Они защищали родную деревню

этого паренька от одержимого бера. Один из них оказался очень... надоедливым.

– С тобой справился тягатель?! – Ксана в восторге распахнула глаза. – И после этого ты говоришь, что лучший в своём деле?!

Лютик резко повернулся к ней:

– Он – бестолковый деревенщина! Обманул меня. Я думал, он разбирается в искусстве, а на деле не смог загореться от лучшей моей песни.

– А это не тот ли парень, которого взял калика Олег? – весело спросила Ксана. – Ивашик, ты должен его знать.

Женщина хихикнула, бывший богатырь вскочил и сжал кулаки:

– Неужели этот... – Иваш задрожал и сжал кулаки. – Любим! Ух, попадись он мне в руки!

– Его зовут так смешно? – посмотрел на него Лютик. Ксана сдавленно хихикнула, всем своим видом показывая – кто бы говорил. – Впрочем, неважно. Нам следует поспешить.

Он вопросительно поглядел на Шустра.

– Совершенно верно. Мы должны как можно скорее попасть к колодцу Утраченных Душ. Пока проходят испытания тягателей, за нами не пошлют крупный отряд богатырей.

Он повернулся к Лютику.

– Мы ждём, что ты защитишь будущих носителей. Твоя новая дудочка способна на это?

Одержимник вскинул подбородок:

– Обидеть меня хочешь? Инструмент – не главное, главное – творец! Ещё ни один зверь, в том числе одержимый, не сумел преодолеть моих мелодий.

Пока они разговаривали, Иваш глядел то на одного, то на другого.

– Почему вы так спокойно говорите об этом Любиме? – спросил он. – Неужели не знаете?

– Не знаем что? – теперь все трое глядели на него. Иваш расплылся в самодовольной улыбке.

– Ясно. А может, мне придержать пока эти сведения...

По тому, как поменялись их лица, сразу понял, что это плохая идея. Лютик поднёс к губам дудочку, Ксана цапнула пару подвернувшихся под руки рукоятей кинжалов, Шустр цепко ухватил парня за плечо и притянул к себе.

Даже будучи богатырём – не факт, что Иваш сумел бы так просто устоять на месте. Сейчас же об этом не было и речи.

– Оставьте оружие, – мягко проговорил Шустр, – Иваш просто пошутил. Сейчас он нам все расскажет. – Ворот его рубашки распахнулся, и, как бы невзначай, наружу выпал медальон в виде уродливой четырёхпалой лапы, держащей тёмный камень.

– Да. Я скажу... – торопливо кивнул Иваш. Сам не понимал отчего, но этот камень пугал его куда больше дудочки одержимника и острых кинжалов дивы.

– Любим – тот человек, в которого вселилась сила перводемона. Вий пытался отнять её, но у него ничего не вышло.

Каким-то образом парню удалось победить...

– Да, я слышал об этом, – задумчиво проговорил Шустр, отпуская Иваша. – Значит, это один из нынешних тягателей? Не ожидал, что они позволят ему пройти испытание. Хозяин думал, что они спрячут его...

Он задумался.

– Аха-ха-ха! – развеселился Лютик. – Так это же здорово! Этот ваш Любим – дурной и крикливый, но слово «дружба» для него не пустой звук. А другом он считает моего пленника... – Он кивнул на Прутика, лежащего без сознания, и многозначительно улыбнулся. – Он обязательно явится за ним. И тогда мы заберём этого Любимку. Заберём и выпотрошим, – взгляд Лютика сделался жестоким. – Будет великолепно, если явившись, хозяин узрит меня среди тех, кто его вернул. Кто знает, может, иерархия отряда Полуночи поменяется, и командиром стану я...

– Богатыри его не отпустят, – сказал Шустр. – Дивно, что его вообще допустили к испытанию.

– Я имел с ним дело, – ухмыльнулся Лютик и поднёс дудочку к губам. – Такого нельзя не отпустить. К тому же я проклял его моргулами...

– Что?!..

– А если они его сожрут?!

– Тогда волна поменяет носителя, и взять её станет ещё легче, – улыбнулся Лютик и поднёс дудочку к губам.

– Да, но лучше носителя не убивать сразу, а извлечь тлен-

ный дух постепенно. Тогда можно будет поместить его в какой-нибудь артефакт, – проговорил Шустр задумчиво.

При слове «артефакт» глаза Лютика алчно сверкнули. Поймав подозрительный взгляд Ксаны, он ухмыльнулся и вскричал:

– Хватит болтовни. Нас ждёт Чаша Хруста!

Он заиграл бравурный марш. Шустр, Ксана, Грох и Иваш начали пританцовывать и притопывать. Маленький див со вздохом подхватил мальчика.

– Вперёд! Шагом! Марш! – воскликнул юноша и первым переступил черту. Остальные следовали за ним, как привязанные.

Густые ветви сомкнулись в том месте, куда они ушли. Мелодия стихла вдали. Только после этого деревья шевельнулись и крякнули, словно живые. От одного из них оторвался листик, который поймал потоки ветра и порхнул вверх, к самым верхушкам елей.

Весточка стража деревьев понеслась к богатырской заставе в Мокеевке. Другие деревья ждали беглецов по ту сторону чащи.

– Стоп! – сказал Стоян и резко затормозил. Тягатели догнали его и тоже остановились.

– Мечи-калачи! Что ещё? Надобно спешить, а мы... – Любимка приплясывал от нетерпения, напоминая Листка.

– Опоздали, – с досадой проговорил наставник.

– Откуда вы знаете? – опередила Сойка Любима.

– Безмолвные Стражи, – сказал Стоян. Он сунул руку в суму и достал пергамент. – Вот. Смотрите. – Тягатели придвинулись. Наставник встал у дерева и расправил свиток. Он оказался картой. – Мы здесь... – Стоян показал пальцем точку немного восточнее Мокеевки. Наум кивнул, Настенька что-то едва слышно пискнула, а Сойка пожалала плечами – мол, вам видней. – Мы с Костяем пришли вот отсюда. Ходим мы чутко, во время движения охватываем широкое пространство. Я всегда выпускаю четырёх любимцев, чтобы разведать территорию, поэтому могу точно сказать, что по этому направлению одержимника мы не встретили.

– Значит, он обогнул вас здесь или здесь, – тут же нашёлся Наум.

Настенька поглядела на карту, потом на Стояна и кивнула. Один Любим стоял и ничего не понимал.

– А вы молодцы, умеете по карте понять местность, – похвалил их наставник. – Скорее всего, так и было. Лютик с Прутиком забрал южнее, чтобы избежать ненужных встреч и прийти к месту встречи. Вот сюда.

Он ткнул пальцем в тёмную полоску, которая огибала достаточно крупный участок леса.

– С чего вы взяли, что он должен с кем-то встретиться? – подозрительно спросил Любим.

– Я это видел собственными глазами, – сказал Стоян.

Любимка затаил дыхание – давно мечтал вот так на рав-

ных говорить с богатырями земли русской, получать из первых рук важные сведения, а потом, основываясь на них, принимать решения.

– Лютик – не единственный, кто стремится в заповедный лес и ведёт с собой обыкновенного человека. Есть ещё люди. И все они встретились здесь – у входа в так называемый Лес Хруста. Это густые, почти непроходимые леса, заселённые одержимыми зверями. Фактически, это уже кусок Тайги. Границы этого опасного участка очень хорошо охраняются. Вот здесь стоят Безмолвные Стражи. Они как разведывательные любимцы, но неподвижные. Зато их невозможно засечь.

– Ёшки-матрёшки! Этот лес напичкан сюрпризами!

– Да. Мы старались сделать его пригодным для жизни. Так вот, я видел глазами этих Стражей, что и твой Лютик с пленником, и Костяевский див с известным нам Ивашом и... ещё кое-кто – все они встретились у Чащи Хруста, а потом перешли её границу.

– Мечи-калачи! – Любимка так и подскочил. – Нам нужно скорей бежать в погоню! Прутик может там пропасть, и потом этот Лют...

– Нет. Нам за ними не успеть. В Чащу Хруста соваться нет смысла.

– Как же так?! Неужели мы бросим Прутика?!

Любимка сжал кулаки.

– Нет! Мы своих не бросаем. – Стоян был серьёзен и

собран. Мрачное выражение лица не сулило врагам ничего доброго. – Если станем преследовать в Чаше Хруста, никогда их не догоним. Там очень опасно. Без волшебной дудочки Лютика нам не отогнать зверье. Вы уже сталкивались с одержимым зверем, как думаете – справитесь сами?

Тягатели переглянулись.

– Но ведь Прутик... – начал Любим.

– Прутик нужен им, а значит, они позаботятся о нем. Чтобы догнать их у нас есть только один путь... – Палец его переместился на путь, соединяющий Мокеевку и странную избушку посреди леса. – Беглецы находятся в Чаше Хруста, – он ещё раз показал тёмную границу леса. – Безмолвные Стражи стоят не только здесь, но и здесь, и здесь. На всех выходах. Словом, как только они покинут это место – мы будем знать...

Любимка прикусил губу и задумался.

– ...Если пойдём следом, завязнем и потеряем время. Они либо устроят нам засаду, либо – что более вероятно – попытаются направить по ложному следу в самую гущу опасностей Чаши Хруста. Если же вернёмся к тягателям и двинемся с ними – обгоним беглецов. Нам останется только дожидаться сигнала от Стражей.

– И сколько у нас есть времени? – подозрительно спросил Любим.

Стоян прищурился.

– У нас есть три дня. Скорее всего, даже четыре. В любом

случае будем ожидать сигнала от Стражей и определимся, как поступить дальше.

Любимка крепко задумался. Как это, оказывается, сложно – придумывать план. Остальные обступили его, а наставник, наоборот, отошёл в сторонку и не мешал.

– Что думаете? – шепнул Любимка.

– Складно гутарит, – ответила Сойка, – хоть и противно как-то, будто страхам своим потокаю.

– Да ну, что вы! – воскликнул Наум и пугливо понизил голос. – Настоящий богатырь, когда надо, должен уметь унять нетерпение и притвориться сломленным – это ещё Алёша Хитроуст говорил.

– Я тоже слышала, – пискнула Настенька.

– К тому же в Запредельном лесу мы встретимся с нашими каликами, – оживилась Сойка. – Любим, ты доверяешь своему калике?

– Дядька Олег, – Любимка прислушался к себе. – Пожалуй, да, он может помочь.

– А я спрошу Фёдора, – сказала Сойка.

– И мы спросим, – Наум переглянулся с Настенькой.

– Да, это может помочь, – Любимка оживился. – Ёшки-матрёшки! Дядька Стоян, ладно – уговорили. Но это не значит, что я откажусь от поисков.

Любимке показалось, что Стоян выдохнул и даже слегка повеселел.

– Я буду в том отряде, который пойдёт на поиски, – заявил

Любим тоном, не терпящим возражений.

– Мы будем, – поправила Сойка.

– Конечно, – улыбнулся Стоян. – Я очень рад, что вы так сдружились. А теперь вернёмся к остальным. Уже поздно, мы должны переночевать. А завтра со свежими силами устрою вам настоящий скоростной бросок. Поглядим, кто на что способен.

Сказ 5 – Ночное нападение

Они незаметно вернулись в лагерь тягателей. Любимка был поражён – все делали вид, что ничего не произошло: урядник с Болтом даже не показались из шатра, тягатели, увидав, что наставник явился вместе с беглецами, косились любопытно, но напрямую ничего не спрашивали.

Стоян вёл себя, как ни в чем не бывало, ходил по лагерю и нагружал работой всех, и тягатели быстро смекнули, что лучше не попадаться ему на глаза. Когда солнце скрылось за острой пилкой тёмного леса, лагерь тягателей притих.

– Ночное дежурство – Ярополк и Остап, – объявил Стоян. – Любим и Наум – вторая половина ночи. Всем спать. Завтра трудный день, заходим в Запредельный лес...

– Ух ты! Ёшки-матрёшки! – Любимка так и подскочил. – А мы разве не зашли ещё?!

– Нет, не зашли. Да, здесь растут железные деревья, но это ещё ничего не значит. Чудища сюда редко забредают, а демоны – никогда. Настоящие напасти начнутся за Великим Оврагом.

– Великий Овраг, – благоговейно повторил Любимка и повернулся к Науму. – Отчего мне про него никто не сказывал?!

Толстоватый тягатель округлил глаза.

– В книгах того нет.

– Ха-ха-ха! – Стоян смеялся, запрокинув голову, в свете костра сверкали крепкие зубы. – Воины не пишут книг, а книжники не ходят в Запредельные леса. Наум, ты можешь оказаться первым.

– Намеряет, что Наум провалит задание, – громким шёпотом сообщил Остап.

Наум набычился.

– Чего это?! – набросился на казака Любимка.

– Сказано тебе: либо воин, либо книжник.

– А Наумка у нас станет воином-книжником, – вскричал отрок и повернулся к парню. – Правда, Наум?!

– Правда! – тот сверкнул глазами. – Да. Это будет моя мечта. Стать воином, но и книжные дела не забрасывать.

– Похвально, – перебил их Стоян. – Князю понравится такая идея. Такие люди нужны княжеству. Даже атаман Тарас от такого не откажется.

– Откажется-откажется – у него от книг голова пухнет. Он её в походе потом неделю проветривает, – сказал Остап и загоготал.

Димитрий ухмыльнулся издалека и наказал себе припомнить казаку этот случай, чтобы ещё больше напугать его успехом Наума.

Закончив хозяйственные дела, Любимка отправился вздремнуть. Вторая половина ночи – его, так что первую надо использовать по-полной.

После того, как дядька Стоян все объяснил, он принял

этот план и перестал беспокоиться. Да, Прутик все ещё в руках вражин. Да, они хотят сотворить с ним нечто нехорошее. Но к чему пустые переживания? Больше пользы будет, если он хорошенько выспится и наберётся сил.

Уснул почти мгновенно, только в шалаше понял, какой длинный день ему довелось пережить и сколь всего успеть.

– Прутик, я обязательно тебя спасу, – пробормотал, уже провалившись в сон.

Проснулся гораздо раньше половины ночи. От истошного крика.

– Чудища! Чудища сожрали Остапа!

Отрок с трудом узнал голос Ярополка. Кое-как выбрался из шалаша. Лес в объятиях ночи, костёр горит только в центре лагеря – именно там сидят дежурные и оттуда несутся вопли.

– Хватит орать, – твёрдый голос Стояна. – Говори толком, что за чудища? Где ты их видел? Где Остап?

Любимка торопливо натянул сапоги и вскочил. Чтобы чудища, да без него – не бывать тому!

– Наставниче! – Ярополк почти плакал. – Вы же говорили, что они сюда не забредаю-ю-ют!

– Выходит, забредают, – из леса показался ухмыляющийся Остап. – Я проследил, там явно кто-то есть.

Их громкие голоса разбудили тягателей. Из-за мохнатых лап самодельных шалашей выглядывали лица. Полог шатра

Фрола едва заметно дрогнул – кто-то наблюдал через щёлку.

– Вот они! Смотрите! – взвизгнул Ярополк.

Любимка взгляделся в лес. Неужели это...

Топ-топ-топ! Во мраке что-то мелькнуло. Хотя Любимка бы не поручился, что это не игра огня на листве.

Топ-топ-топ! Снуф, снуф, сну-уф!

Любимка побледнел: «Моргулы! А я думал, отстанут. Ничего не сказал наставнику и друзьям. Не отстали! Что же теперь делать?»

– Ничаво, – он стукнул кулаком о кулак. – Справимся! Нас вона сколь много, а их всего двое.

– Откуда ты знаешь, что их двое?! – Стоян запустил пальцы в бороду. Крепкие ногти хрустели на волосках. Укоризненно сверкали рубины в глазницах Глиняши.

– А-а... Я... Э-э!.. – заблеял Любимка.

– Ха, опять он куда-то влип, – с восторгом сказал Лексий. – Удивительно, как этот малыш умудряется.

Любимка взвился выше елей.

– Мечи-калачи! Какой я тебе малыш! Мне уже четырнадцать!

– Отставить пререкания! – рявкнул Стоян. – Если то, о чем я думаю, подтвердится – дело серьёзное.

Он оглянулся: все больше тягателей выходило из шалашей. Ближе всех стоял и с завыванием зевал Неждан.

– Неждан, буди всех, – скомандовал наставник. – Ярополк, Остап, подкиньте дров в костёр. Все, кто подойдёт –

становитесь в круг лицом к лесу. Кто не успеет – молитесь, чтобы они пришли не за вами.

Языки пламени взметнулись к небу, круг огня резко расширился. Любимка тянул шею, стараясь высмотреть друзей. Наум тут, вон и Сойка с Настенькой. Синие волосы переливаются в свете взметнувшегося костра, Настенька испуганно смотрит на тёмную стену леса. Рядом с ними Несмеяна – как всегда хмурая и унылая. Другие тягатели окружили костёр, пристально вглядываясь в контуры леса. Один лишь Фрол не покинул шатёр, но сквозь неплотно закрытый полог видно, что света внутри прибавилось.

Топ-топ-топ! Шу-ух! С одной стороны проскользнуло что-то тёмное и стремительное. Шурх-шурх! Бац-бац! На стволе, на миг вырванном сполохами огня, отпечатались два здоровенных следа трёхпалых лап.

– Что это за твари? – крикнула Сойка, резко поворачиваясь на звуки. Пальцы держала у губ, готовая атаковать и обороняться.

– Моргулы, – проговорил Стоян и поглядел на Любимку, – древнее проклятье. Это подтверждает, что вы и правда встретили одного из одержимых людей Полуночи.

– Эй! А вы сомневались, что ли?! – завопил Любимка.

Страшная острая морда, сотканная из тьмы, резко сунулась из леса прямо в плотную толпу тягателей.

– Врёшь! Не пройдёшь! – крикнул Остап и ткнул кинжалом в оскаленную пасть.

Бах! Граум! Его отбросило, парень распластался, высоко задрал ноги, и едва не угодил в костёр. Топ-топ-топ – моргул словно не заметил атаки.

С двумя факелами наперевес на пути чудища встал Стоян. Тварь будто не заметила его, ринулась напролом. Попавшийся на пути пень разлетелся в щепу. Наставник смело заступил путь, выставя перед собой пламя.

Едва тёмная туша очутилась в круге света, как истончилась и сделалась прозрачной. Тень пролетела сквозь Стояна, того ощутимо качнуло, но не сбило с ног, как тягателя.

– Работает! – прокричал рядом Остап. – Ха-ха! Работает!

Он потянул из костра целый ствол дерева. На конце полыхали ветви. За пределами круга света, напротив, сделалось темней. Любимка с тревогой поглядел наверх.

– Тучи! Моргулы нагоняют тучи! – закричал Стоян.

Сумерки сгустились до черноты, круг света ощутимо сужался. Люди озирались и испуганно жались друг к другу. И тут дрогнула земля. Любимка ощутил уже знакомую дрожь и хруст.

– Снизу! – закричал он. На месте костра вздыбилась гора свежевзрытой почвы. Сквозь огонь метнулась полупрозрачная тень. С хрустом и шелестом костёр провалился вниз, стенки тоннеля осыпались, гася огонь и угли.

– Только не это! – прошептал Наум.

– В круг! Все в круг!

Любимка с восхищением глядел на Стояна. Вот каким

должен быть истинный богатырь! Умелым, знающим, умеющим так гаркнуть, чтобы даже нытик Ярополк стал героем. Надо будет обязательно научиться этому искусству.

Люди выстроились в круг, ощетинившись факелами. После падения костра света стало совсем мало. Да и зажигать его сейчас не от чего. Моргулы шныряли вокруг в темноте. То один, то другой останавливался и принохивался. Жертва тут. Не спрячется. Зачем вокруг неё столько лишнего запаха? С жутким свистящим звуком из темноты вынырнул толстый лоснящийся хвост. Удар стелился с той стороны, где темно.

Хлоп! А-а-а! Ярополк растянулся по земле, факел хлопнулся рядом и погас. Круг света резко сузился.

– Нет! Я не хочу умира-а-ать! – заорал сын воеводы и откатился в сторону. Моргулы на него даже не взглянули. Ярополк недоверчиво приподнялся. – Братцы! Им нужен только один! Мы спасены!

Любимка шагнул вперед из ряда тягателей.

– Ярик прав! Жертва – это я! Держитесь подальше, и вас не тронут.

– Что? – Настенька испуганно глянула на него.

Топот хищных ног возобновился. Они ходили кругами, и эти круги сужались. Они чуяли его, а то и видели, если тварям из тьмы знакомо это чувство. Топот стремительно приближался. Любимка сжал кулаки и оскалил зубы. Так просто я вам не дамся.

Прямо перед ним среди тьмы соткались два ещё более темных пятна. А потом произошло невероятное. С едва слышным свистящим звуком тёмные твари начали впитывать окружающую тьму. Две туши наливались чернотой, обретали чёткость, вокруг ощутимо стало светлее. Но не за счёт того, что появился свет. А за счёт того, что была поглощена тьма.

Любимка увидел перед собой две чудовищные твари. Больше всего они походили на огромных ящериц: в холке – не меньше годовалого телёнка. Острые носы кончались большими ноздрями, ртов не видно, плотные лапы хватались за землю тремя плотными пальцами. Но самое страшное в тварях – глаза. Огромные круглые дыры в потусторонний мир, в которых царил полный мрак.

Любимка уставился в эти глаза и понял, что не может оторваться. «Я хотел похитить тело, они же заберут душу», – вспомнил он слова Лютика.

– Заберут душу, – прошептал он, цепенея.

– Нет!

Из тьмы вылетел огненный шар и врезался в голову моргула. Ших! Разлетелись искры и яркие угли.

– Ты будешь биться, а мы в сторонке стоять?! Не дождёшься! – задорный голос Остапа.

– Ха! Малыши да девки стоят в сторонке, с тварями разберутся воины! – ухмыльнулся Лексий и прыгнул на второго моргула.

Сердце Любима замерло. У тягателя не было факела. Бабах! Удар был такой силы, что содрогнулась земля. Любим глазам не поверил – моргула отбросило дальше во мрак, он встал на месте, ошалело тряс головой.

– Мы не бросим тебя, Любим! – сказала Настя и запустила в моргула пучок какой-то травы.

Снуф-сну-уф! – втянула та воздух и вдруг попятилась, затрясла острой мордой.

– Призрачная трава. Отличное средство от призраков и призрачных огоньков.

– Мы – не трусы! – непривычно суровый Наум встал рядом с Остапом.

– Сиу-сиу! – Ветер взъерошил траву вокруг моргула, не причинив, впрочем, твари никакого вреда – Сойка присодинилась к ребятам, защищавшим Любима.

С нарастающей ненавистью и страхом Ярополк глядел, как против моргулов встают все больше тягателей.

– Ёшки-матрёшки! – в восторге закричал Любимка. – Глядите! Они отступают!

Темные твари и правда пятились и вжимались в самые черные тени.

– Как и все тёмные твари, моргулы не терпят чистых и светлых побуждений, – сказал Стоян, поворачиваясь к лесу спиной. – Смелость, дружба, взаимовыручка для них как яркий свет, выжигающий все тени. Это не способно их убить, но и вытерпеть такое моргулы не в силах. Так что, Любим,

поблагодари товарищей за пару спокойных ночей. В ближайшем будущем их у тебя будет не много.

– Это почему ещё?!

Моргулы окончательно исчезли, выдав на прощание особо громкое – снуф-сну-у-уф! Тягатели выдохнули, опуская факелы.

– Моргулы – бестелесные тёмные твари, – сказал Стоян. – Их нельзя ранить, их нельзя убить. Они никогда не устают, они неутомимы и упорны. Если им дать запах, они будут преследовать человека, пока не настигнут. И если днём они слабы и медлительны, то ночью они поглощают большие расстояния и никогда не теряют след.

– Бр! – Любимка передёрнул плечами. – Как же от них избавиться?

– Никто не знает, – мрачно сказал Стоян. – Неизвестно ни одного человека, кому бы это удалось.

Любимка похолодел.

– Но ведь мы справились с ними, значит, сможем и в следующий раз.

– Пока я рядом, так и будет, – сказал Стоян. – Проблема в том, что Моргулы неутомимы. И они никуда не торопятся. Друзья не всегда будут рядом, ты не всегда будешь полон сил. Рано или поздно ты попадёшься им в унынии, без желания сопротивляться. Тогда они заберут тебя.

Стоян с хрустом запустил руки в бороду. Любимка пришибленно молчал.

– Почему-то я не удивлён, – сказал Лексий. – Этот чудик всегда влипает в историю...

– Да, нашему Любиму ничто не даётся легко, – сказала Сойка.

– С точки зрения теории вероятностей это невозможно, но Любим умудряется притянуть к себе все напасти! – добавил Наум.

Болтя злобно оскалился, Несмеяна тяжело вздохнула, а Матфей погребально тренькнул струной. Шестерён удивлённо крутил головой – ему особенности натуры непоседливого отрока были ещё неизвестны. Клоп что-то татакнул Неждану, тот засмеялся. Лишь Конопат крутил головой, недоумевая, отчего никто не спит, и почему не подают еду.

– Ситуация безвыходная, – с деланной жалостью сказал Ярополк, – надобно снимать холопа с испытания.

Сойка потрянула копной ярких даже в темноте волос и весело сказала:

– Самое интересное, что ждёшь не скорой развязки, а того, как этот чудик из неё выпутается.

Все поглядели на Любимку. Тот нахмурился, потом, похваставшись ближе к наставнику, громко зашептал:

– За этими глупостями едва не забыл о Прутике. Дядька Стоян, вы ведь просто отвлекали внимание других, правда? Когда мы доберёмся до калик, соберём отряд и... вы обещали...

Стоян так поглядел, что отрок подавился словами.

– Всем спать. Кроме дежурных. – Наставник отвернулся и ушёл.

Тягатели глядели на Любима со страхом и сторонились его.

– Он даже не думает о тварях, – с восхищением проговорила Сойка.

– Дурень! Ты слышал? Тебе грозит смертельная опасность! Ещё никто её не избежал! – Ярополк выпучил глаза и защёлкал зубами. – Как ты можешь быть таким беззаботным?

– Ёшки-матрёшки, пушай шастают, – Любимка ударил кулаком о кулак. – Просто не буду спать. Сразу столько времени освободится для тренировок. Я вас всех обгоню. Вот увидите.

– Что в лоб, что по лбу, – пробормотал Ярополк. Тягатели зашумели.

– Хватит галдеть, – крикнул Стоян из темноты. – Всем спать. Утро вечера мудренее. Ты, Любим, спи в первую очередь, вторую половину ночи дежурить стану я. Сегодня они вряд ли тебя потревожат, надо этим воспользоваться. Завтра будет трудный день...

– Моргулы – древнее проклятье темными тварями. Они неутомимы, они неистощимы. Смысл их существования – найти и покарать жертву. Избежать этого за всю летописную историю никто не сумел.

Харитон говорил спокойным, даже скучным голосом. На сей раз он не пригласил Варвару в палаты – оба стояли в темноте библиотеки.

– И Любимка умудрился... – сердце девушки будто опустили в мешочек со льдом.

– Да. Ты сама видела, – раздражённо бросил первый библиотекарь. – Сколько бы в этот мир не вернулось одержимников, с каждым из них наш подопечный затеял свару.

В рокошущем голосе Варваре почудилось уважение. Впрочем, оно почти незаметно за волной раздражения и досады, которую отец даже не пытался скрыть.

– Скажи мне, кто твой враг... – осторожно начала она. Эта капелька уважения в эмоциях отца подарила ей надежду.

– И я скажу, кто ты – закончил Харитон. – Да, это так. Но как же это раздражает. У нас и так проблем полон короб, а тут ещё это.

– Что мы можем предпринять?

– Ничего, – отмахнулся Харитон. – Первую – самую страшную – атаку они отбили. Стояна не зря назначили первым наставником школы богатырей. Да, он не произносит глубокомысленных речей, но когда доходит до дела – не подвёл ни разу.

– Значит, опасность позади?

– Разве ты меня не слушала? – новый всплеск раздражения. – Моргулы никогда не отступятся. А Стоян не всегда будет рядом. Это проклятье – дополнительная неизвестная

в моей стройной теории замысла. Из-за неё все может рухнуть...

Варвара молчала. Отец раздражён и бурчит – это означает, что все идёт более-менее по плану. Да – есть сложности, да – они приведут к лишним тратам времени и труда. Но, по крайней мере, сейчас Любиму ничто не грозит.

– Я могу поискать про моргулов в библиотеке... – осторожно предложила она.

– Ты не отыщешь ничего, чего бы я уже ни знал, – отмахнулся Харитон. – Вот если бы ты согласилась быть вместо писаря, пока Листок отсутствует...

Варвара отшатнулась.

– Нет!

– ...Мы бы сэкономили столько времени, – с досадой говорил отец, не услышав её. Да ему и не надо – прекрасно знает о её отношении к этому вопросу. – И все равно. Сколь бы мы не готовились, ты делаешь глупые ошибки в общении с князем. Он едва не отказал с задержкой испытаний.

– Ну, извини, – глаза Варвары сверкнули. – Ты служил с князем Александром ещё тогда, когда он был руководителем тайной службы, знаешь все его секреты и тайные помыслы. Я же вижу его только на торжественных церемониях и советах.

– Ладно, – Харитон взял себя в руки, – ты меня извини. Ты ловко вывернулась. Намекнула ему, что лазутчики могут напасть не на тягателей, а на самих наблюдателей. По мнению князя, это бросит на нас, как на организаторов, не меньшую

ть... – Он снова нахмурился. – Но все равно. Это была никому не нужная заминка. Когда я строю планы, я должен быть полностью уверен, что все пойдёт так, как я решил. Я не могу надеяться на твоё случайное геройство...

Варвара вскинула подбородок: «Вот как, отец? Ты оцениваешь мои достижения, как «случайное геройство»?»

– ...Этого не потребовалось бы, согласишься ты стать моим голосом и глазами. Ведь это недолго. Только на период отсутствия писарей...

– Я знаю, отец, – холодным голосом перебила Варвара, – достаточно одного подобного проникновения в голову, и потом я буду заменять писарей постоянно. Ты специально станешь отсылать их подальше. Нет. Не собираюсь отбирать у бедного Листка его хлеб. – Она передёрнула плечиками, словно увидела что-то омерзительное. – И я не желаю, чтобы ты копался в моей голове, – сказала она, с угрозой глядя в закопчённые стекляшки. – У меня есть воспоминания... О ней. Не желаю, чтобы ты их видел!

Харитон отпрянул от дочери – не ожидал столь яростной отповеди. Варвара отвернулась и всхлипнула. Он вдруг вспомнил совсем другую девушку. И этот образ наполнил его нежностью и болью.

– С каждым годом ты все больше на неё похожа, – тихо сказал он и вздохнул.

Варвара быстро взяла себя в руки и стёрла с лица любые следы эмоций. На неё бесстрастно глядели тёмные стекляш-

ки Харитона. Отец и дочь продолжили деловой разговор. Образ хрупкой женщины с тёмно-рыжими волосами и печальным лицом подёрнулся рябью и пропал.

Сказ 6 – Три пути для тягателя

Остаток ночи прошёл спокойно, а утром светило такое милое солнышко, так приятно шелестела листва, таким вкусным был завтрак, что Любимка совершенно забыл о моргулах.

– Общий сбор, – выкрикнул наставник. Когда все собрались вокруг, продолжил: – До Оврага не так далеко, нужно добраться до полудня.

У них не было лишних вещей, поэтому собрались быстро. Шалаши просто бросили. Фрол желая идти со всеми не выказал.

– Мы с Болтом отправимся напрямиком на полигон и там наблюдаем за вашим прибытием, – торжественно объявил урядник.

Стоян не возражал, а Любимка был счастлив: пару дней не видеть эту бледную тощую рожу – замечательно. Первый наставник командовал:

– Строй свободный, не отставать.

Он первым вошёл в лес. Тягатели потянулись следом. Кто по стопам наставника, кто просто исчез среди деревьев.

Настенька воспользовалась случаем, чтобы пополнить запас трав – не было ещё такого, чтобы она заплутала в лесу. Так же смело по лесу шныряли Болтя и Конопат. Оба из Белой Роси – там все знатоки леса. Лексий и Сойка тоже пред-

почитали одиночество, только вот оба держали между собой Стояна и тягателей. Димитрий, Остап и Ярополк бежали вместе и постоянно о чем-то шушукались, то и дело бросая недобрые взгляды на Любимку, а казак ещё и на Наума. Шестерён вышагивал длинными ногами следом за Стояном, Конопат громко размышлял о том, что у них будет на обед. Клоп татакал с Несмеяной, Неждан ревниво кружил рядом, то и дело, словно случайно, натываясь на парочку.

До обеда бодро бежали меж толстых стволов с серой твёрдой как камень корой. Любимка то и дело догонял наставника.

– Это уже Запредельный? Или ещё не Запредельный? А как выглядит Запредельный? Вот так? Или вот так?

Когда наставнику надоело, Любимке пришлось уворачиваться от быстрой, как молния, оплеухи. Перед глазами колыхнулись тёмные капли, это позволило избежать удара, который неминуемо вмял бы в землю. Обрадовались оба.

– Первый раз? – шепнул наставник.

– Мечи-калачи! С бером ещё было! А так только других помогала уберечь...

– Ну-ка, давай ещё раз...

Плюх! Ай! Любимка кубарем укатился в лес, Стоян разочарованно вздохнул.

Конопат пристроился к Шестерёну и допытывал его на предмет чудес механики.

– Мне мамка давеча говорила – в Туле кур доят. Да не

просто так, а с помощью стальной руки.

– Не доят, а растят, – тараторил долговязый парень. – И не стальной, а деревянной. Не кур, а коз! Не в Туле, а в пригороде...

Это было жуть как интересно, но Любимка не мог долго находиться на одном месте.

Матфей приотстал и наигрывал на гусях, бормоча под нос какую-то околесицу.

– Не околесицу, дурень! – возмутился молодой купец, и Любим понял, что высказал мысль вслух. – Сочиняю новую песнь. Вот увидишь, она будет самой лучшей в шести княжествах.

– Сколь ни старайся, все равно вторым будешь, – рассмеялся Любимка. – Первой станет Пелагея.

– Не бывать тому, – отвечал Матфей. – Вот сколь твоя Пелагея за один концерт зарабатывает? Назови максимальную сумму?

– Ты что, дурик? – Любимка рассмеялся. – Ёшки-матрёшки! Рази можно ес-скусство деньгами мерить?!

Матфей фыркнул и успокоился.

– Тоже мне, превзойдёт она меня. Небось, гривны набрать не может, а все туда же – в великие певуны...

Неклюд незаметно топал по тропке, делая вид, что он один во всей вселенной.

– О, здорово, Неклудище, тыщу лет не виделись, – обрадовался Любимка.

Он и правда забыл о существовании нелюдимого паренька в момент выхода из города и не вспоминал до сего момента. Оно и понятно – это же Неклюд. Коль наставник про него не забудет, и то хорошо. Парень что-то невнятно промычал в ответ.

– Внимание, – раздался впереди голос Стояна. – А вот и они – Запредельные леса!

Любимка и Неклюд переглянулись. Нелюдимый парень вздохнул, а золотоволосый припустили вперёд. Перед тягачами зиял глубокий овраг, склоны его уходили резко вниз, почти отвесно. Дно терялось во мраке, несмотря на то, что стоял ясный день. Наверху расстояние между краями было не меньше полёта стрелы.

– Ёшки-матрёшки! Теперь я понимаю – правильно дядька Стоян говорил, что мы Запредельный лес сразу узнаем, – протараторил Любимка.

Рядом стоял Наум, его глаза, казалось, вот-вот выскочат из глазниц. На той стороне оврага деревья стояли раза в три толще. Необъятные стволы колоннами уходили вверх и терялись в густой темной листве. Подлесок был куда гуще и страшнее, чем там, где они только что прошли.

– Как же мы туда попадём? – заволновался Любимка. – Нас не учили лазать по отвесным стенам.

– И стоит ли вообще туда попадать, – голос Ярополка дрожал и срывался. – Может быть, есть другая дорога?

Стоян не ответил, вместо этого хлопнул в ладоши.

– Внимание! Для начала – правила поведения в Запредельном лесу. Первое: никогда ни при каких обстоятельствах не сходите с тропы. Если не хотите потеряться и пропасть в первый же день – держитесь тропы.

– На тропе нас не сожрут? – с облегчением выдохнул Наум.

– Отчего не сожрут? Зверью все равно тропа это или нет. Но на тропе, по крайней мере, мы быстро узнаем, что с вами случилось, – бодро ответил Стоян.

Наум со стоном закатил глаза.

– Второе! На демонов внимания не обращать. Они как комары – повсюду. Зудят постоянно. Кто поддастся – пиши пропало.

– Демоны?! – подскочил Неждан. – Вот прям так – настоящие демоны?

– А ты думал, отчего Запредельные леса так опасны? За оврагом начинается кромка мира. Демоны гуляют там свободно, и чем дальше в лес, тем они сильнее и опаснее...

Тягатели притихли. Каждый пытался представить себе, каково это – противостоять бестелесным злым сущностям.

– ...Что ж, а теперь, – Стоян хитро подмигнул тягателям и произнёс громко и отдельно: – **ВЫБИРАЙТЕ. СВОЙ. ПУТЬ!**

И едва эти слова слетели с его губ, перед ними проступило три дороги.

– Да что же это такое?! – воскликнул Любимка. – Опять

нас обмишурили!

Лексий тряхнул головой и рассмеялся:

– Вот, наставник! Есть чему поучиться...

Остальные ничего не сказали, разглядывая перекинутые через овраг пути. Первый был тонок и ненадёжен. Больше всего он походил на струну на гусях Матфея. Причём самую тонкую, да ещё в тот момент, когда музыкант её не натянул как следует. «Струна» провисла над провалом, ветерок едва заметно покачивал её.

Второй путь являл из себя прочный каменный мост, сложенный из массивных блоков, сцепленных друг с другом. Вот только шёл он всего лишь до середины оврага – дальше зияла пустота.

Третий путь и путём назвать было сложно. Над пропастью висело нечто, отдалённо напоминающее тягоход – тренировочную полосу препятствий, с помощью которой тягатели осваивали владение земной тягой в школе богатырей. Только выглядело это все гораздо более мудрено и массивно. У Любимки в глазах зарябило от множества шестерёнок, противовесов, колёс и рычагов. Зато Шестерён так резко подался вперёд, что едва не свалился.

– Перед вами три пути, – объявил Стоян. – Калики выдавали вам медальоны, подразумевается, что медальон резонирует с вашей земной тягой и тяготеет к определённого типу. То есть если вы силовой тягатель, то стрелу просто не сможете ухватить, если же ваш тип – скорость, то меч и шлем

покажутся вам слишком тяжёлыми...

Любимка удивлённо поглядел на других. Многие кивнули, никто не удивился. Отрок вспомнил, как перебирал медальоны, предложенные каликой. Он перетрогал их все и ничегошеньки не почувствовал. И медальоны на его прикосновения тоже никак не реагировали. Теперь ясно, отчего калика так на него смотрел – дядька Олег был удивлён отсутствием реакции медальона и жалел, что поддался эмоциям. Ощутил себя, словно перед экзаменом: у других медальоны выбраны, а у него выбор впереди. А ведь вокруг столько глазетелей. Не оплошать бы.

«Не оплошаю!» Он упрямо тряхнул головой. Взгляд сделался злым и упрямым.

– Вот и проверим, правы ли были калики, давшие вам медальоны, – сказал с улыбкой наставник. Любимка вскинул на него глаза. Мысли читает? Или так было задумано заранее? – Первый путь – струна скорости. Она пропитана материалом, который отталкивает земную тягу. Чем дольше нога к ней прикасается, тем сильнее она провисает вниз или скользит в сторону. Поэтому ступать надо очень быстро, чтобы она не успела из-под вас убежать. Поверьте, доставать вас со дна никто не полезет...

Неждан с опаской подошёл к краю и попробовал ногой струну. Та качнулась, и маленький тягатель так и не сумел её коснуться.

– ...Второй путь – путь силы. Как вы видите, он вполне се-

бе надёжный и широкий. Но, увы, камней здесь мало, поэтому хватило только на половину моста. Чтобы пройти, надо брать камни в начале моста и перекладывать в конец. Не бойтесь, вниз они не упадут. Здесь перекинут невидимый каркас силы. Каждый следующий камень тяжелее предыдущего. К тому же надо спешить. Раз в пять минут каркас силы обновляется, и все камни падают вниз, а потом поднимаются вдоль стены и вновь выстраиваются в первоначальную форму.

Конопат надул мышцы и что-то промычал. Он явно не собирался менять выбор калики.

– ...Третий путь – путь мысли. Как видите, это похоже на тягоход. Разница в том, что в зависимости от ваших шагов элементы меняют положение и встают в новом порядке. Чтобы справиться и попасть на другую сторону, нужно уметь наблюдать и просчитывать закономерности на несколько шагов вперёд. Иначе окажетесь в тупике и свалитесь вниз. Потому как эти механизмы не позволяют возвращаться назад – сразу же стряхивают таких тягателей...

Шестерён подался вперёд, вглядываясь в устройство моста. Лицо Наума сделалось бледным, но решительным.

– ...А теперь я покажу, как проходятся эти пути в идеале. Стоян подошёл к первому мосту. Вжух! Вжух! Любимка глазом не успел моргнуть, а рот разинул уже после того, как наставник вернулся назад.

– Это надо делать примерно с такой скоростью, – сказал тот спокойно.

Любимка вспомнил, что в его кармане как раз лежит стрела скоростного тягателя, и сглотнул. А наставник уже подходил ко второму мосту. Делал он это нарочито неспешно. Вразвалочку прошёл по надёжным каменным плитам, не дойдя до края пары шагов, вдруг подскочил, перевернулся через себя и вдарил ногой по крайнему камню.

Щёлк-щёлк-щёлк-щёлк! Камни перетряхнулись, ударяясь друг о друга. Один за другим они перелетали через голову Стояна и цеплялись друг к другу по другую сторону. И вот уже Стоян стоит на половинке моста, который ведёт к противоположной стороне провала. Наставник неспешно вразвалочку подошёл к краю и остановился.

– Никогда не повторяйте то, что я сейчас сделаю...

Он топнул по краю последнего камня, стукнул по нему с торца. Тут же мост ухнул в бездну, а вместе с ним и богатырь.

– А-а! Наставник упал! – заорал Любимка и сунулся вперёд.

– Стой, дурило! – ухватило его сразу несколько рук. – Он же сказал...

– Ничего он не говорил!

– «Не делайте, как я» он сказал...

Щёлк-щёлк-щёлк-щёлк!

Из бездны один за другим начали подниматься камни и сцепились в мост на этой стороне. На крайнем из них, словно сам был высечен из камня, возвышался наставник. Когда камень встал на место, он ожил и также неспешно, как рань-

ше, сошёл с моста.

– Ёшки-матрёшки! – кинулся к нему Любимка. – Едва сердце не выскочило! Предупредить надо!

– Да-да! Он чуть вниз не нырнул, – сказала Сойка.

– Спасибо, Любим, – улыбнулся Стоян. – Я польщён, что настолько беспокоишься обо мне.

Он двинулся к третьему пути. Тягатели затаили дыхание – было интересно, что ещё учудит первый наставник. Стоян отодвинул Шестерёна, подошёл к краю, внимательно поглядел на механизмы, прошептал что-то почти неслышно.

– Ну же! Чего он медлит? – подпрыгнул в нетерпении Любим.

– Не мешай, – Наум внимательно следил. – Наверняка надо поймать ритм или что-то подобное...

– Та-та-та! – возмутился Клоп.

– Какой ритм?! Она же не шевелится, – перевёл Неждан.

А Стоян все ждал. Когда шум от тягателей возрос, он вдруг резко оглянулся и ухватил кузнечикоподобного парня.

– А как идеально пройти этот путь нам покажет Шестерён.

– Эй, ёшки-матрёшки! Вы чего, боитесь по нему идти? – воскликнул Любим.

– Нет, просто лучше него не сделаю даже я. Смотрите внимательно.

Шестерён, казалось, даже не услышал этих слов. Он с восторгом глядел на переправу и шёл к ней, словно жертва Лютика, очарованная музыкой.

– Вот это да! Неужели и в московском княжестве умельцы есть!

– Чего он такого там увидел, – крутил головой Любимка. – Механизмы и механизмы. Чего тут такого?

– О, это настоящий шедевр, – благоговейно отозвался Намум. – К сожалению, я не так силен в механике и не могу оценить всей полноты...

Но тут Шестерён начал действовать, и полноту оценили уже все. Долговязый тягатель замедленно ступил на первую ступень моста. Механизмы тут же пришли в движение.

– Ни одного шага назад, – напомнил Стоян, – только вперёд.

Любимка видел, что Шестерён не слышит его. Он просто шагает. Едва нога коснулась первой ступени, хорошо смазанные механизмы пришли в движение. Те части, которые казались монолитными, и куда Любим дальше ставил бы ноги, попросту втянулись и переместились, зато появились новые в совершенно неожиданных местах.

– Ничего себе! Какие выбрать? – Любимка подался вперёд и замер на самом краю обрыва.

Шестерён улыбнулся и ступил на новые ступени, казалось, выбирал совершенно случайно. Но едва он их коснулся, остальные опоры разъехались в разные стороны. Любимка вспотел, представив себя стоящим на них.

– Мечи-калачи! Я бы точно грохнулся...

– Кажется, я начинаю замечать закономерность, – пробормотал.

мотал Наум. – Но вот тот выбор мне непонятен. Я бы пошёл не так...

Вжик! Шестерён резко просел вниз, над тем местом, где только что была его голова, пролетела массивная дубина с шипастым шаром на конце.

– Это нереально?! Как он это просчитал?!

Настала очередь Любимки хватать Наума, чтобы он не свалился. А Шестерён все шёл. С каждым шагом на лице его отражался восторг. Пару раз у Любимки осталось впечатление, что долговязый тягатель специально трогает некоторые механизмы, которые можно было пропустить, чтобы продлить удовольствие.

Вжух! Дзинь! Клац! Бах! Трек-брек!

Из самых неожиданных мест выскакивали шесты и булавы, ступени разъезжались и проваливались в самые неожиданные стороны, и каждая являлась рычагом для запуска все новых и новых движений. Любимка совсем отчаялся предугадать, а некоторые из тягателей заскучали и отвернулись, но большинство глядело с растущим уважением. Восторг у Шестерёна в глазах достиг щенячьего уровня.

– Ух, наставниче! Уважил! – говорил он. – Ух, потешил душу! Даже не хочется уходить!

Но все когда-нибудь кончается. Со вздохом Шестерён сошёл на землю.

– Все! – выдохнули тягатели.

– Что я вам говорил? – ухмыльнулся Стоян. – Лучше Ше-

стерёна не сделал бы даже я, зная, как это устройство работает. А теперь, выберите себе путь и пересекайте овраг. Я стану ждать вас на той стороне.

И Стоян легко заскользил по нити. На сей раз он не сдерживался, а просто молнией мелькнул на ту сторону. Тягачи сгрудились у края оврага и смотрели друг на друга.

– Кто первый пойдёт? – спросил Ярополк.

Лексий расхохотался и шагнул на силовой мост. Перешагнув первый камень, он притопнул по его краю и легко взвалил на плечо. Потом второй и третий. К середине моста он подошёл с целой «поленницей» каменных брусков. Его шатало и мыкало, но парень справлялся.

Бах! Один из камней лёг по ту сторону в пустое пространство и надёжно сцепился с тем, что лежал посреди моста. Бах-бах-бах-бах! Камни падали, сцеплялись, Лексий шагал. И вот уже его лёгкая фигура на той стороне.

– Ёшки-матрёшки! – воскликнул Любимка. – Вот это да! А я тогда пойду по струне.

Он скакнул к правому мосту и через секунду оказался на нём. Ожидал, что струна уйдёт из-под ног, но она висела неподвижно. Любимка недоуменно переступил с ногу на ногу. Мост под ним едва заметно покачивался, но он без труда держался на нём.

Зрители вытаращились на него.

– Это как же... – разинул рот Неждан.

Глаз Ворона в потайном кармашке проснулся и качнул

земную тягу. Пиу! Струна выскочил из-под ноги.

– Мечи-калачи! – воскликнул Любимка, бешено перебирая ногами. Какое-то время он висел на одном месте не в силах поймать опору – струна так и плясала под ним.

– Упадёт, ей-Богу, упадёт, – с испугом следил за ним Наум.

– Ха-ха! Конечно, упадёт! Он же холоп, – воскликнул Ярополк, но в голосе звучал не смех, а откровенный страх – у самого в кармане лежит стрела.

Любимка сумел поймать ногами опору и резко рванул вперёд. В мгновение ока пересёк овраг и распластался по ту сторону на земле, пропахав носом траву и подняв тучу пыли.

– Неплохо, – сказал Стоян. – Даже не использовал капли...

Потом на мосты разом двинулись остальные. Все три переправы были задействованы одновременно. По струне скользил Неждан, сосредоточенно сведя брови. В это же время Конопат, пыхтя и отдуваясь, тягал камни, справляясь ничуть не хуже Лексия. Слева от них стучали и хлопали механизмы – до предела собранный Наум гадал головоломку. Пока выходила неплохо, и он уверенно продвигался вперёд.

– Давай, Наум! Ты сможешь! – крикнул ему Любимка. Толстоватый паренёк сбился с шага и едва не свалился. – Ой, – Любимка зажал рот обеими руками и спрятался за Шестерёна. Тот внимательно следил за Наумом и тоскливо вздыхал. – Эх, нельзя с собой забрать это чудо. Так бы и хо-

дил туда-сюда...

– Обрато по нему не пройти, – сказао Стоян. – Этоо мост односторонний. Если хочешь вернутья, можешь воспользоваться одним из этих.

Как раз в этоо момент камни, с которых только что сошёл Конопат, резко ухнули вниз.

– Эге-гей! Смотрите, я танцую! – Неждан не мог без проказ, он висел в самом центре оврага, ноги маленького тягателя выписывали кренделя, лова ускользящую нить, отталкиваясь от неё и снова лова.

– Нет, я воздержусь, – проговорил Шестерён и отошёл в сторонку, чтобы никто не мешал любоваться механизмами. Он даже достал чистый пергамент и что-то стал зарисовывать.

– А-а-а-а! – Ярополк оказао первым, кто рухнул вниз.

– Дядька Стоян! Мечи-калачи! Упал! Он упал!

Любимка забегао вдоль оврага, заглядывая вниз.

– Спасать надо! – в глазах плеснули кляксы, тело обдало прохладой, и Любимка сиганул вниз.

– Отставить «спасать надо»! – в последний момент наставник поймал отрока за шкурку и отбросил назад. – Не мешай процессу обучения.

Он приподнял палец, призывая всех к молчанию.

– А-а! Тут мокро! Бе! Холодно! Как отсюда вылезти?! – донеслось снизу приглушенное.

Любимка встал и отряхнулся.

– Коли Ярополк орёт и причитает, зная, опасность ему не грозит.

– Хватайся за камни, дурик, – крикнул вниз Остап. Он шагал по силовому мосту, ловко перекидывая камни с одного края на другой так, что они ложились точно на свои места.

– Отлично. Я ждал этого, – проговорил Стоян. – Совмещение двух подходов. Силового и скоростного.

Настенька легко проскользила по струне и оказалась рядом с Любимом.

– Молодец, Наська. А Сойка где пойдёт?

Они поглядели на другую сторону оврага и увидели, как синеволосая девица приблизилась к механическому мосту.

– Сойка, ты чего? – поглядел на неё только что выскочивший вместе с камнями со дна оврага Ярополк. – Там ужась как отвратно.

Он передёрнул плечами. Сойка только фыркнула.

– Что она делает? – Наум подошёл к Любиму и Настеньке. – Это же не её путь.

Любимка повернулся к нему:

– Ёшки-матрёшки! Не надо сомневаться в товарище. Коли Сойка решила, что сможет, значит сможет.

И он отвернулся, глядя на механизмы над оврагом.

Сойка подошла к правому пути и остановилась. Все, кто находился по ту сторону оврага, и все, кто уже прошёл, глядели на неё.

– Судя по всему, у меня больше нет права передумать, –

криво улыбнулась она.

Вжух, вжух! Механизмы пришли в движение.

– Новый алгоритм! Третий ходок и третий алгоритм! – Шестерён запрыгал от счастья, отчего сходство с кузнечиком сделалось абсолютным.

Наум стоял поодаль и хмурил брови.

– Совсем по-другому! Мне бы пришлось все начинать с нуля!

Сойка продвигалась не так уверенно, как Наум. Пару раз она замешкалась до такой степени, что едва не потеряла опору.

– Вверх! Вверх! – шептал Наум, прыгая на месте от невозможности помочь.

Но Сойка ступала вниз или прямо. Раз почти упала и только в последний момент зацепилась рукой там, где нужно было встать ногой.

– Конец девке, – уверенно сказал Лексий, незаметно подошедший к Любиму и Науму. – Не по Сеньке шапка. Надо было идти на скороход и не умничать.

Любимка смерил его презрительным взглядом, который позаимствовал у Ярополка.

– Коль не понимаешь, так и помолчал ба. Ишь, наставник выискался.

Сказал и отвернулся.

– Да! Она смогла! Молодец, Сойка! Мы в тебя верим!

Сойка и правда смогла выровняться и поймать ритм.

Несколько механических элементов она прошла ровно. Теперь даже Шестерён оторвался от созерцания дорогих ему механизмов и переживал за синеволосяную девицу. После реплики Любимки Лексий какое-то время стоял, пытаясь сохранить равнодушный вид, но раздражение все же победило и обосновалось на его лице нахмуренными бровями и плотно поджатыми губами.

– Чего это я не понимаю? – не утерпел сын богатыря. – Всяк видит, что Сойка скоростного типа. Тут наставником быть не надо.

Любимка внутри себя возликовал. Да! Я уделал-таки этого зазнайку Лексия. Внешне не подал и виду. Повернулся со вздохом, словно приходится объяснять очевидные вещи.

– Да, Сойка скоростного типа, но натура у неё богатая. Ей тесно в каких-то рамках. Вот она и решила раздвинуть их. Это же очевидно. Не надо быть наставником.

Он снова отвернулся. Лексий заскрипел зубами.

– Ну и грохнется твоя девка. Сама виновата будет!

– С хорошего коня и упасть не стыдно, – Остап как всегда был весел и бесшабашен. И умел ценить чужую смелость. – Давай, Сойка! Ты уже больше половины прошла! – И добавил тихо: – Вот лихая девка! Быть ей моей невестой!

– Эй, а как же Несмеянка?! – напустился на него Любимка.

– С Несмеяной и Клоп хорошо ладит, – смутился казак и поглядел назад. И печальная девушка, и скоморошистый па-

ренёк уже перешли на эту сторону и теперь непринуждённо беседовали, не замечая подвигов Сойки. Ну как непринуждённо? Насколько это доступно для всегда грустной молчаливой девушки и не умеющего говорить членораздельно парня: жизнерадостная трель «Та-та-та!», очень тяжкий вздох.

А у Сойки дела шли все хуже. Несколько раз подряд она сделала неправильный выбор – это понимал даже Любимка. Синеволосая девица зашаталась на краю ступени. Прыгать дальше было некуда. Она загнала себя в тупик. Сейчас механизмы провернутся, ступень уйдёт из-под ног и...

– Ах ты так! – взвизгнула девушка и сунула пальцы в рот. – Да не бывать тому, чтобы меня дурная железка выиграла!

Шестерён обиженно выпрямился, словно по лбу дали.

– Она не дурная, – обиженно протянул он. – Она гениальна.

Си-си-сиу! – выдала синеволосая девица длинную трель, взлетая вверх и кружась вокруг своей оси.

Фью-уть! Фью-уть! Фью-ю-ю-ю!

Девушка сделалась центром вихря, свистящий ветер разлетался в разные стороны, тягателей обдало плотным воздухом. Любимка отшатнулся, Наум и вовсе упал навзничь. Лексий закрылся рукавом, пристальный взгляд над рукой не померк ни на секунду – сын богатыря не желал пропустить ни мгновения.

Самый большой урон посвист нанёс механизмам. В них что-то хрустнуло, звякнуло. Движение прекратилось, по всей

длине моста прошла дрожь. Сойка приземлилась на не до конца убранную ступень, оттолкнулась, перескочила назад, ещё и ещё, потом её силуэт размылся в длинную линию, стремящуюся вперёд.

Звяк-звяк-звяк! Механизмы возобновили движение. Сойку качнуло – едва не соскользнула в пропасть. Она совершила последний длинный прыжок и приземлилась на самый край оврага. Её и без того короткая юбка подпрыгнула, обнажая стройные загорелые ноги.

– Да! – все тягатели взорвались криками и аплодисментами. А парни ещё и свистели.

– Ха-ха! Молодец, девка! – больше всех радовался Остап. – Какая невеста будет!

Сойка смущённо улыбнулась и дунула, отбрасывая чёлку. Земля осыпалась, она взмахнула руками и взвизгнула.

Шлёп! Крепкая ладонь поймала её за запястье.

–Ёшки-матрёшки! Это не считается! Ты уже прошла!

Любимка рывком вытащил её из оврага, поставил подальше от края и тут же отскочил в толпу.

– Да! Молодец, Сойка...

– Отлично, – вперёд пропихнулся Стоян. – Такие люди тоже всегда есть. Им скучно проходить мосты своего типа. Они идут чужими путями и, как правило, оступаются. Но наша Сойка превзошла себя. Являясь скоростным типом, она пошла путём мудрости, очень хорошо справлялась, но все же, как и ожидалось, не смогла пройти до конца. И что она сде-

лала? Она применила силу – ещё один не свой тип. Заклиненного на время механизма хватило, чтобы, используя скорость, закончить переход. Поздравляю, Сойка. По результатам этого перехода ты показала все три типа богатырской силы.

После этого восторгались и хлопали уже далеко не все. Любимка, Наум, Настенька и Остап сделали это за остальных. Лексий молчал, неотрывно глядя на синеволосую девушку. Димитрий тоже был задумчив, но глядел на Лексия. Ярополка зависть застала посреди моста, и он снова улетел вниз.

Несмотря на это, последним все же был не он, а Неклюд, который делал все медленно и неуверенно.

Сказ 7 – Запредельные леса

Когда все оказались по эту сторону оврага, Стоян облегчённо выдохнул.

– Уф, наконец-то вы все здесь. Я уже устал держать их на расстоянии...

Любимка заметил капли пота, выступившие у наставника на лбу.

– Кого это «их»? – насторожился Наум.

– Опять трусит! Что за человек?! – влез Остап.

– На твоём месте я бы тоже трусил, – сказал Стоян. – Ладно, отпускаю. Приготовьтесь. На счёт три! Раз! Два!..

– Да к чему подготовиться?! – взвыли тягатели, испуганно озираясь по сторонам.

– Впрочем, к этому нельзя подготовиться. Три! – закончил Стоян и отскочил в сторону.

Любимка вскинул голову, показалось, что таинственные «они» нападут сверху. Но там было пусто. Отрок недоуменно обернулся к наставнику, и тут на тягателей обрушилось безумие.

Баум! Любимка присел и зажал голову ладонями. Показалось, что кто-то вышиб из черепа мозги. Его переполнили голоса.

– Хи-хи-хи!

– Ха-ха-ха!

– Новое мяско!

– Вкусное!

– Сладкое!

– С-свежее!

– Мя-а-асо!

Тягатели встали, как вкопанные. Кто ухватился за голову, кто дико озирался. Даже Лексий побледнел и отступил назад.

– Кто здесь? Кто говорит?! – выкрикнул Неждан.

– Мы говорим!

– Мы говорим!

– Мы! Говорим!

Голоса окружили их, назойливо лезли в уши, зудели прямо в мозгу.

– Ха-ха-ха! Гляди, мой боится людей!

– А мой гордец ещё тот!

– Этот трус!

– А эта задавака!

– И все та-акие ра-анимые!

– Ха-ха-ха! Хи-хи-хи!

Стоян вышел вперёд и громко сказал:

– Не обращайтесь внимания на голоса. Это всего лишь духоплёты. Если не питать их своими страхами и гневом, они не будут досаждать...

Но его никто не слушал.

– Кто слабак? Это я слабак?! – рывкнул Остап и пропорол воздух кулаками. – А ну выходи, силушкой померимся!

– Я не трус. Я правда не трус! – лепетал Наум плаксивым голосом. Он сжал руками голову и присел на корточки.

– Ха-ха-ха! Это я-то не уверена в себе?! – хохотала Сойка, и хохот её подозрительно походил на рыдания.

– Я маленький?! – тоненьким от возмущения голосом кричал Неждан. – Это я маленький?!.. – Было непонятно возмущается он или готов расплакаться.

Любимку хохочущие голоса обступили со всех сторон. Он чувствовал себя голым, выставленным на всеобщее обозрение. От них не было никакой защиты. Словно стая любопытных сорок разом вскрыла тайники его души и вытащила на свет все самое секретное и давно забытое.

– Трус? Он боялся темноты?

– Нет, он высокомерен! Только взгляни на его мечту!

– Не любит людей!

– Хочет быть первым!

– Он тоже маленький!

– А какое смешное имя! Пф, Любимка!

– Волосы, как у девицы!

– Слабак!

– Нос простолюдовский!

– Холоп! Он – холоп!

– Тьфу на вас! – Любимке надоело слушать – ничего нового они не сказали, все так или иначе уже говорил ему Ярополк и другие благородные.

Голоса прыснули от него, как стайка мальков от щуки. От-

рок хотел было уже гордо приосаниться: я-де вон каков – разогнал толпу говорящих невидимых чудиков, но тут в голове появились совсем иные звуки.

– Снуф, снуф, сну-уф!

Любимка задрожал. Опять?! Но ведь сейчас день. Как такое может быть? Он огляделся, широко распахнув глаза, но нигде не заметил мало-мальски плотной тени.

И тут в голове прозвучал тихий вкрадчивый голос:

– Ты думал мы уш-шли? А мы здес-сь! Мы вс-егда рядом! Мы ш-штём!

Не обнаружив материального подтверждения присутствия темных тварей, отрок расслабился:

– И чего? – дёрнул он плечом. – Вы больше не имеете надомной власти.

– Ош-шибаеш-шс-ся! Ош-шибаеш-шс-ся. В с-сапредельном лес-су мы мош-шем...

Голос истончился и растворился в сознании.

– Ошшибашся, ошшибашся! – передразнил Любимка и огляделся.

– Ярик?!

Ярополк стоял в сторонке и орал в пространство.

– Не-ет! Я не слабее этого холопа! Он ни в жисть меня не обгонит!

Любимке даже показалось, что он слышит обрывки злых голосов:

– Может обогнать!

– Обгонит!

– Уже обогнал!

Ярополк разрыдался в полный голос и упал в траву.

– Что за бред? – Любимка нахмурился. – Ярик, ты чего?

Ведь это неправда. Я всегда равнялся на тебя и пытался догнать.

Другие тягатели выглядели не лучше сына воеводы. Бледный Димитрий что-то быстро говорил в пространство, Остап тыкал в воздух кулаками:

– Вот вам! Вот! Получите!

Наум сидел на земле и тихонько раскачивался.

– Отстаньте от них! – Любимка бросился вперёд, забыв обо всем. – Тягатели вам не игрушка!

– Я не могла перепутать травы, – лепетала Настенька, глядя в пространство.

Болтя злобно шипел рядом. Лексий побледнел, на щеках выступили красные пятна.

Любимка бросился к Стояну.

– Дядька Стоян! Дядька Стоян! Как это прекратить?!

– Никак, – ответил тот, внимательно наблюдая за общим хаосом. – Они должны справиться сами. Иначе в Запредельных лесах им не быть. Странно, что ты отделался от духоплётов так быстро.

Любимка прислушался к себе. Хор голосов не уходил, но стал тише и уже совершенно не трогал.

– Хе, – ухмыльнулся отрок. – Меня как только в детстве

не обзывали. А уж Ярик когда появился... Им сложно придумать что-то новое. Я привыкшай!

И он рассмеялся. Стоян только головой покачал. Этот паренёк и правда чудной – даже детские обиды он умудряется повернуть так, что они делают его сильнее...

В тот день далеко не ушли – тягатели приходили в себя до самого вечера.

– Мечи-калачи! Да что же это такое! – Любимка не находил себе места. – Прутик с каждым мгновением отдаляется от нас, а мы тут сидим без дела...

– Любим, успокойся. По Чаще Хруста им нас не обогнать. За полдня мы ушли дальше, чем они за два.

Первым, как ни странно, отбился Наум. Он просто перестал оправдываться, взгляд сделался осмысленным.

– Отпустило? Добро, – хлопнул его по плечу наставник. – Ступай к Любиму, начинайте обустройства лагерь.

– Последним от шепчущих демонов освободился Ярополк. Когда очнулся, первым делом отыскал взглядом Любима. Поняв, что тот давно уже занимается делами, сын воеводы закричал и ударил кулаком о землю.

– Не рыхли для них землю, – сказал Стоян, стоявший рядом.

Ярополк вздрогнул, поглядел на наставника круглыми от страха глазами и промолчал. Любимке стало жаль парня. Хотел подбодрить его, но, встретившись взглядом, передумал.

– Похоже, демоны Ярополка связаны именно с тобой, – проговорил Наум и перевёл взгляд на Остапа.

– Как это? – спросил отрок.

– Больше всего на свете он боится, что ты его обойдёшь. За это и зацепились демоны. А ведь они тащат самые сильные страхи...

Он замолчал. Любимка только головой качнул.

Димитрий как бы случайно оказался рядом с Лексием. Сын богатыря то и дело поглядывал на Любимку. Смотрел, как тот жизнерадостно носится по лагерю и верещит, больше мешая, чем помогая.

– Демоны признали в нем своего и не тронули, – сказал Димитрий. – Тебе не кажется, что его пора остановить?

Лексий резко повернулся к княжичу.

– Ты о чем?

– Любим – очень странный человек. Совсем недавно мы подозревали его в отсутствии земной тяги. И не зря, помнишь, что сегодня произошло на струне скорости? А теперь его сила пугает даже тебя – самого умелого тягателя.

– Ничего меня не пугает, – огрызнулся Лексий.

– Надо очень осторожно к нему относиться. Не то он разболтает своим дружкам демонам наши слабости, и те помешают нам на испытаниях.

– Чушь! – рявкнул сын богатыря и отошёл. Но хмурость не покидала его лицо.

Димитрий последил за ним какое-то время и удовлетво-

рѣнно кивнул – семена посеяны и обязательно дадут всходы. Страх и зависть – очень хорошие удобрения для цветка подлости.

В голове постоянно звучали голоса духоплѣтов. Как и говорил наставник, они не пропали совсем, только отделились на задворки сознания.

– С-сделай! С-сделайх-х это для нас-с...

Княжич замер. Что это? Какой-то другой голос? Показалось, что демоны шепчут одобрительно, будто они довольны им. «Да ну, бред?» – Димитрий отогнал глупую мысль. Это очередная хитрость духоплѣтов – не более. Найдя взглядом Клопа и Неждана, он подошёл и прошептал:

– Чего скажу. Видели, Любим каков? Демоны признали в нем своего и не тронули. Надо быть с ним настороже...

Клоп и Неждан слушали его, широко распахнув глаза.

– Так вот, значит, откуда его сила, – проговорил Неждан.

– Та-а!.. – протянул Клоп.

И тихий голос на задворках сознания:

– С-сделай это-х-х для нас-с...

Ночь прошла спокойно. На страже стоял Стоян, избавляя их от назойливого влияния духоплѣтов.

– Это было только сегодня, – предупредил он тягателей. – Дальше станете справляться сами.

Они углубились в Запредельный лес. Стволы стальных деревьев вблизи оказались ещё более внушительными. В гу-

стом подлеске постоянно что-то копошилось и шурило. Раз прошло что-то по-настоящему огромное, отчего подрагивала земля и юные сердца тягателей.

– Ёшки-матрёшки! Идём, глянем чего там! – закричал Любимка и ломанулся прямо в чащу.

Шлёп! Под ноги ему упал Глиняша, отрок замахал руками и растянулся в полный рост.

– Стоять! – раздался голос Стояна. – Приказа сойти с тропы не было. Двигаемся дальше.

Больше в кустах никто не буянил, тягатели добрались до места без приключений. Тропа вывела на обширную поляну, на которой почему-то ничего не росло, кроме травы, да и та поднималась не выше щиколотки.

– Располагаемся. И ждём!

С этими словами он исчез в лесу.

– Чего ждём? – недоуменно моргнул вслед Любимка, но ответа не получил.

Тягатели начали располагаться. Любимка устроился вместе с Наумом, Настей и Сойкой. Димитрий, как всегда, сосредоточил вокруг себя благородных – Остапа и Ярополка. Матфей тоже крутился рядом. Неждан тёрся подле Клопа, хотя друг вновь изменил ему с Несмеяной. Он что-то тихонько татакал, девушка молча слушала и вроде бы хмурилась чуть меньше обычного.

Неклюд сидел чуть поодаль от всех, и даже здесь умудрялся вести себя так, словно вокруг на много вёрст никого нет.

Конопат впал в уныние. Болтя сидел по другую сторону от тягателей и время от времени клацал зубами, словно для того, чтобы не забыть, как это делается. Шестерён шлёпнулся, где стоял. В руках сразу появилась книжица, куда он зарисовывал механизмы. На лице застыло блаженное выражение.

– Вот чудик, – сказал Любимка.

– Он счастлив... – в голосе Наума чуялась зависть. – Он совсем не боится.

– А чего бояться-т?! – Любимка хихикнул. – Жуков, чтоль, в траве?

– Кстати, хотела тебя спросить... – начала Сойка и вдруг замолчала. Синеволосая девушка замерла прислушиваясь. – Что это?! – она вскочила.

Лексий уже был на ногах, так же как Болтя с Настенькой. Остальные удивлённо глядели на них. А потом лес вокруг поляны заполнился шумом большого количества мелких и шустрых зверьков. Вскоре Любимка сумел их увидеть. Вокруг поляны по кругу стремительно скакало по ветвям, постоянно меняя высоту, бесчисленное множество существ не больше белки. Они перемещались столь быстро, что превратились в пёстрый шевелящийся ковёр, покрывающий лес.

– Что это за чу...

А потом этот ковёр соскользнул с деревьев и покрыл поляну. Любимке показалось, что он утонул в чёрном копошащемся месиве. По телу стучали и скребли сотни крохотных лапок. В уши лезли многочисленные шумы. Кто-то хихикал,

попискивал, повизгивал, шуршал, хрустел, скрябал и постви- стывал.

– Мой ремень! – возмущённо крикнул Ярополк.

Любимка не успел хихикнуть, как почувствовал, что его карман покидает медальон тягателя.

– Мечи-калачи! Стоять! – Он ухватил за цепочку, с дру- гой стороны тянули так, словно там был великан. Любимка упёрся обеими ногами в землю и закричал: – Ёшки-матрёш- ки! Не возмёмшь! – Соппротивление исчезло, Любимка поле- тел кубарем, зажимая в кулак серебряную стрелку. – Что?! Съели?! Так-то! – закричал, вскакивая.

Вокруг было огромное количество маленьких хохочущих куда-то бегущих мохнатых существ. Они деловито, как к се- бе, заглядывали в их сумки и мешки. Тягатели кричали и пы- тались отобрать у них свои вещи, но мало у кого получалось. Пёстрая волна вновь затопила пространство вокруг ног Лю- бимки. Он зажал медальон в кулаке и для надёжности при- жал к груди.

– Снуф! Снуф! Сну-уф!

Вкруг него по земле пронеслось что-то невидимое и хо- лодное. Крохотные существа встали так резко, что задние едва не растоптали передних. Раздался писк, хруст и воз- ня. Основная масса малышей развернулась и убежала к дру- гим тягателям. Некоторые остались, ошалело тряся крохот- ными головками. Любимка осмотрелся и наткнулся на при- стальный взгляд Лексия. Тот пытался вырвать из лапок су-

ществ пожёванный сапог, одновременно глядел на Любима и хмурился. Их взгляды встретились, сын богатыря разжал пальцы, его противники укатились вместе с добычей в общее месиво. Губы Лексия шевельнулись, словно он ругнулся, но смотрел он не на врагов, а на Любима.

Отрок отвернулся. Свободное пространство вокруг него сделалось ещё шире. Ощутил себя голым. Хотя вряд ли это заметил кто-то, кроме сына Алёши. Остальным тягателям просто было не до наблюдений.

Невозмутимого Неклюда самого приняли за вещь и тащили целой толпой, пыхтя и отдуваясь. Нелюдимый тягатель не пытался их разуверить. У Шестерёна попытались отобрать его драгоценную книгу – тульский тягатель яростно хлопал их ладошами и самой книгой, но попадал мало.

Одной лишь Сойке с помощью свиста удавалось держать мародёров на почтительном расстоянии. Одновременно с хохочущими существами на расстоянии держались и другие тягатели. Как всегда больше всех пострадал Наум. Толстоватый паренёк попал под свист и укатился к самой чаше. Там он тут же превратился в шевелящуюся охающую фигуру.

Это продолжалось минут пять, но тягателям показалось, что прошло не меньше часа. Затем шевелящиеся покров схлынул, из леса ещё какое-то время доносились хохот, топот и шуршание, потом всё стихло.

– Что это было? – проговорил Димитрий, сидевший посреди поляны с кольчугой, натянутой на голову.

– Топтуны, – спокойно раздалось из леса. На поляну с верхних ветвей дерева соскочила гибкая фигура. – Мелкие вредители, но могут наделать больших дел.

Он швырнул сыну богатыря его сапоги.

– А у меня ремень пропал! – сказал Ярополк плаксиво. – Хороший, кожаный. Маменька мне на именины подарила.

– У меня травы попортили, – Настенька печально смотрела на огромную дыру в мешке.

– У меня украли любимый ножик, – сокрушался Неждан.

– Ничем помочь не могу, – сказал Стоян. – Без сапог тягателю в Запределье не выжить, а у остальных ничего важного не украли.

Лексий скрипнул зубами и поглядел на Любима, словно это он был виноват в пропаже.

– А меня самого чуть не украли, – охая, Наум ковылял к ним от края поляны.

– Ха-ха! Так и скажи, твой толстый зад не прошёл через развилку, – Остап показал на два дерева, стоящих близко друг к другу. Между ними и застрял толстоватый тягатель.

– Та-та-та! – сказал Клоп с почтением. Вокруг них с Несмеяной был отчётливый круг не вытоптанной травы.

– Надо же, – сказал Стоян, – Несмеяна, тебя все ещё помнят.

Хмурая девушка пожала плечами и отвернулась.

– Что ж, повеселились и хватит. Тавр, выходи, – громко объявил Стоян.

Из густых ветвей спрыгнул худощавый богатырь. Он весь был обвешен котомками. Конопат задёргал ноздрями и двинулся к прибывшему, вытянув руки.

– Еда!

Плотно перекусили мягким хлебом и вяленным мясом. Тавр собрал пустые котомки и пропал в лесу. Стоян объявил получасовой отдых и канул следом за ним.

После продолжили стремительный переход. Наставник их не жалел – нёсся так, что даже Лексий и Сойка почувствовали лёгкую усталость. Остальные запыхались и молчали, дабы не тратить дыхание. Удивил всех Наум. Парень держался наравне со всеми, не падал в ямы, а из колючих кустов его выпутывать пришлось всего один раз.

– Отличный результат, тягатель! – похвалил его Стоян.

А Настенька даже стала отлучаться от него в лес, дабы сорвать особо редкую траву.

Когда солнце стало клониться к закату, а тени удлинились, роптать начали почти все. Молчал один Любимка. Стоянова карта стояла перед глазами, как настоящая, и он пытался прикинуть, на сколько они опережают похитителей Прутика. Пару раз так увлекался этим, что на полной скорости вбегал в деревья. После этого долгое время вместо карты перед глазами хороводили звёздочки. Остановились, когда тени заполнили лес почти полностью. Лишь по верхушкам деревьев скользили последние лучики солнца. Стоян вывел их на ещё одну поляну с мягкой травой.

– Здесь встанем на ночёвку. Димитрий, Лексий, Остап и Ярополк – тащите сюда валежник. Настенька и Сойка – хворост. Остальные ставят шалаши.

Спустя некоторое время посреди поляны весело трещал костёр, вокруг поднимались хвойные шалаши. Лес почти скрылся за стеной темноты.

– А эти не вернуться... – Неждан опасливо поглядел на лес, тревожно проверяя на месте ли его запасной ножик.

– Да, – спохватился Стоян, – отныне по ночам будут дежурить два человека. Они станут по разные стороны от спящих и начнут чисто мыслить. Коли все получится, спящих ни топтуны, ни шептуны не потревожат.

– Как это – чисто мыслить? – спросил Лексий. Он до сих пор злился, что оказался единственным тягачем, упустившим что-то серьёзное.

– Очень просто – ты должен стоять и думать о чем-то хорошем, не допуская до себя никаких мерзостей. Ни о ком нельзя думать плохо, нельзя замышлять зла, нельзя допускать недобрых мыслей о тех, кто спит под твоей защитой. Коли у вас не выйдет – мы сразу поймём и накажем вас. Все ясно?

– В теории все просто, но что на практике? – подал свой трескучий голос Шестерён.

– Когда вы стоите на их пути и размышляете о чем-то добром, светлом, возвышенном, для них это как слепящий луч – они не в силах пробраться мимо. А поскольку сами они не

умеют внушать гадости человеку, держать свет легко.

– Легко?! Ничего себе легко! Попробуй-ка подумай всю ночь о чем-то светлом! – возмутился Неждан.

– Ради своих товарищей – придётся, – отрезал Стоян. – Иначе никто и глаза не сомкнёт. С этими чудиками по-другому никак. Кстати, на моргулов это тоже действует. – Он подмигнул Любимке. Взгляд Лексия сделался задумчивым, он перевёл его на Димитрия, тот многозначительно ухмыльнулся и развёл руками.

– Но вернёмся к демонам, – продолжил Стоян. – Ни к одному богатырю они близко не подойдут. Потому что богатырь истинный – это не только земная тяга и мощь физическая, но и светлый взгляд на жизнь – никакого нытья и лешачьего брюзжания. – Он многозначительно поглядел на Ярополка. Любимка хихикнул, сын воеводы вспыхнул и долго бурчал, оправдываясь неизвестно перед кем. – В западных королевствах, – продолжил Стоян, – есть такие чудища – тролли. Ну как чудища, им чудища, нам на один щелчок. Но вот брюзжать и жаловаться на жисть они горазды. Поэтому наши богатыри, которые там бывали, наострились тех, у кого все плохо, троллями кликать. Прижилось...

– Ха-ха! У нас тоже есть один тролльчонок! – расхохотался Любимка, выразительно глядя на Ярополка.

– Молчи, холоп! Это тебе любая грязюка – привычная среда обитания. Мы же непривыкшие к такому, вот и высказываем своё мнение...

– Маменьке дома ты тоже своё мнение высказывал?

– А-а-а! Да я тебя, холоп!..

– Отставить перепалки. В этом лесу выживают лишь жизнелюбивые жизнерадостные люди, – наставительно молвил богатырь и улыбнулся, дабы продемонстрировать светлый взгляд на жизнь. – Вышло зловеще, поэтому тягатели поспешили согласиться. Раздался тяжкий вздох, и все разом повернулись к Несмеяне. Та отвернулась. – Либо очень сильные, – добавил Стоян и осклабился. – Заметили, что к Несмеяне не вяжутся даже демоны? Они её очень хорошо помнят. Те, кто выжил. До сих пор небось своих деток её именем пугают.

Девушка глянула на Стояна, потом опустила глаза и снова тяжело вздохнула.

Сказ 8 – Хранительница полигона

Ночь прошла не ахти как. Первыми дежурили Ярополк и Димитрий. Они провалили задание настолько быстро, что большинство тягателей не успели глаз сомкнуть. Наверное, поэтому сапоги Лексия остались при нем.

– Ясно. Минус два, – объявил Стоян. – Следующие Наум и Шестерён.

Остап скептически фыркнул, но толстоватый тягатель даже не поглядел в его сторону.

– Я справлюсь, можете спать спокойно – моргулы не пройдут.

Моргулы и правда не прошли. Прошли Топтуны. Произошло это после того, как Шестерён слишком увлёкся своим альбомом механизмов, потерял бдительность и задремал. Пока он спал, топтуны сделали стремительную вылазку и украли альбом. К несчастью это были не единственные потери тягателей: у Неждана пропал последний нож, Димитрий утратил замечательный плащ, а Остап – золотую серьгу. К счастью, топтуны оказались существами ловкими и не стали обрывать её вместе с мочкой, а аккуратно вынули. Больше ничего сделать не успели – Шестерён проснулся и, не обнаружив альбом, начал причитать и ругаться. К его радости Стоян прировнял альбом к сапогам Лексия и вернул его, хотя Наум решил, что он просто задумал похвастаться устрой-

ством тягоходного моста перед Данило-Мастером, которому Шестерён наверняка покажет свои зарисовки.

Стоян похвалил Наума и поставил следующую стражу – Настеньку и Любимку. Девушка уселась на одном конце поляны и принялась перебирать травы из своего мешка. Когда встречала прорванный пакет или изломанный стебель – просто отбрасывала в сторону, даже не хмурясь. А потом и вовсе замурлыкала песенку.

«Да. С той стороны Топтуны точно не придут», – подумал Любимка. Он отвернулся, твёрдо решив, что справится не хуже.

– Снуф! Снуф! Сну-уф!

Знакомые звуки и холод.

– Да что же это такое?! Ёшки-матрёшки! Отстаньте уже от меня!

– Мы приш-шли! С-с миром!

– Мы прох-хгнали топтунов-х!

– Мы х-хотим говорить-х!

– Не желаю... – воскликнул Любимка, оглянулся и приглушил голос. – Не желаю с вами говорить! Удите!

– Наш-ша добрх-хая воль-ля. Прох-хгоним топтуновх-х...

Отрок вскочил, но шёпот в голове уже пропал. Исчезли и мелкие вредители, весь остаток ночи прошёл в тишине и спокойствии.

– Два полоротых, – язвил Ярополк, выспавшийся и пол-

ный сил.

– Видите, – шептал Димитрий тягателям, готовым его слушать. – Он явно с ними договорился. Ещё одно доказательство.

Неждан и Клоп недоверчиво круглили глаза, а Лексий мрачно кинул:

– Может, ты и прав.

Он отвернулся и утопал на другой конец лагеря. Тмутараканские тягатели переглянулись.

– Уж если Лексий поверил... – молвил Неждан.

– Та-та! – закивал Клоп.

Димитрию пришлось закрыть рот ладонью и отвернуться, чтобы спрятать торжествующую улыбку. Похоже, дело сдвинулось с мёртвой точки. Ещё чуть-чуть – и удастся убедить даже неудачников, что стояли вместе с холопом против бера.

– С-славно! С-славно!.. – прошелестело в ушах. Княжич резко обернулся, но рядом никого не было. Лишь ветер запутался в траве и играл крупным опавшим листом.

Утром Стоян накормил тягателей невесть откуда взявшимся завтраком. Никто не видел, чтобы кто-то приходил или чтобы Стоян готовил. Все недоумевали, а Конопат был счастлив.

Далее был очень скоростной марш. Очень-очень-очень скоростной. К его окончанию даже Любимка уже не мог радоваться тому, что они так спешат к месту спасения Прутика. У него вообще больше не было сил.

Устали все. Один лишь наставник был бодр и весел. Стоян бегал вдоль растянувшейся колонны тягателей и раздавал тумачи и комплименты.

– Остап! Шире шаг! Ты же казак, а не какое-то недоразумение! Наум, кто-нибудь видел Наума? Что? Помер и просил его не тревожить? Не-ет! Помер – это не оправдание! Сейчас он у меня скорее вас побежит.

– Верится с трудом... – пробормотал Остап.

– Ты не веришь в своего наставника? – опечалился Стоян. – Гм. Что же мне сделать? Убыстрить Наума или замедлить вас? – Тягатели тревожно переглянулись. С первого наставника станется – нагрузит всех какими-нибудь брёвнами. Или заставит друг дружку тягать...

– Ага! Вижу, – сказал Стоян и исчез в лесу. Ребята непроизвольно прибавили шаг. На всякий случай. Кто знает, что у наставника в голове.

Поначалу сзади было тихо, потом раздался страшный хруст и топот.

– А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!

Мимо них, как метеор, пронёсся Наум. На спине его была прикреплена соты с диким мёдом, следом, грозно жужжа и раскачиваясь в воздухе, летела стая крупных пчёл.

– Ого, как бежит! – ревниво запыхтел Неждан.

– Этак он похудеет, – козырьком приложил ладонь Ярополк. – Остап, к чему придираешься станешь?

Казаку было не до зубоскальств.

– Какой интересный способ тренировки, – сказал он восхищённо. – Наставниче, а почему используете только на толстом?

– Его не жалко, – хихикнул Неждан.

Наум, даже используя весь свой многомудрый мозг, не мог понять, как он до сих пор жив. Под конец ему помогли Любимка и Сойка, а Настенька сочувственно блестя глазами на бегу рылась в сумке и предлагала то бодрящую травку, то восстанавливающую. Когда Наум, вместо того чтобы заглотить травку, занюхнул её, он так расчихался, что Сойка всерьёз принялась размышлять, нельзя ли использовать энергию чиха для ускорения бега. Этим тут же заинтересовался Шестерен.

– Если держать толстяка ровно вдоль земли и вызвать в нем чихание равномерной и умеренной силы, то бежать будет вдвое легче.

Он попытался что-то зарисовать в своём альбоме, но с разбегу врезался в дерево. Любимка застонал сквозь зубы. Показалось, что сейчас придётся нести двоих. Но Шестерён оказался крепче, чем казался. Вскочил, покрутил ошалелыми глазами и рванул следом за тягателями. Писать в альбоме больше не пытался, чихать Науму на ходу не предлагал.

Ближе к полудню Стоян сжалился и замедлил шаг. Потом и вовсе остановился.

– Отдыхайте и приводите себя в порядок. Вы должны выглядеть безупречно.

Подавая пример, сам достал из сумы расчёску и аккуратно причесал бороду и волосы. Деревянные зубья скрипели по волоскам бороды ничуть не приятнее Стояновых ногтей.

У Любимки расчёски не было, поэтому он ограничился тем, что поплевал на ладони и пригладил волосы. Впрочем, они тут же встали обратно ещё в более причудливой форме. Хотя отрока это уже не волновало: парня переполнял трепет – что же там дальше? Что нового интересенького ожидает их за следующим поворотом и когда же, наконец, они соберут отряд и отправятся спасать Прута?!

Когда все были готовы, наставник повёл их дальше. Лес расступился, и перед ними открылся простор. Среди суровых деревьев Запредельного леса пряталась небольшая уютная долина. Деревья густо обступили её, но ни одно не рискнуло зайти за невидимую черту. Трава здесь не подымалась выше щиколотки, а посреди долины...

– Ух ты! Вот это да!

– Мечи-калачи! Она существует!

Посреди круга стояла большая изба на кривых куриных ногах. Правда, ноги были, скорее, не птичьи, а драконьи – большие, в роговой броне, с длинными острыми когтями.

Стоян повёл их к избе. Трава была мягкая, ярко зелёная, травинка к травинке. Настенька присела и водила по ней рукой.

– Какая мягкая...

– Выкажи своё восхищение хранителю полигона, – сказал

Стоян с улыбкой. – Она будет рада...

– Она?! – вскинул голову Любимка.

К избе добрались без происшествий. По траве ходили странные волны, хотя ветра не ощущалось. Сойка что-то надумала, сунула пальцы в рот, но свистнуть так и не решилась.

Изба высилась огромная и неподвижная. Когти впились в землю, словно хотели утащить долину с собой. Стены сложены из толстых брёвен стального дуба, не такие толстые, как в тягательском тереме, но такие же прочные на вид. Крышу покрывала чешуя, подобная рыбьей, отливающая зеленоватым металлом. В одном месте её вспучивала широкая труба, обложенная камнем – такая широкая, что через неё прошла бы пара Наумов, не меньше.

Тягатели осторожно приблизились к чудищу. Изба подслеповато глядела на них тусклым запылённым окном и не реагировала на гостей.

– И что нам с ней делать?! – спросил Неждан.

Стоян отступил в сторону, давая понять, что полностью полагается на их решение.

– Я знаю, что надобно говорить, – Наум важно ступил вперёд. – Избушка-избушка, повернись к лесу задом, а к нам передом.

Захрустело, закричало, ноги дрогнули и приподнялись, а потом просели обратно. Больше ничего не изменилось.

– Чего это она? – Неждан поглядел на толстоватого паренька, потом на избушку. – Глухая, небось.

– Тут лес со всех сторон, – подал голос Димитрий. – Она и так стоит к лесу задом.

– Ха-ха, избушка такая же умная, как Наум, – развеселился Остап. – Или Наум такой же мудрый, как избушка! Ха-ха-ха!

Любимка не слушал их, он с восторгом глядел на странное сооружение. Потом с широкой улыбкой прокричал:

– Ну, здорово, изба лесная! Пришёл к тебе я – будущий сильномогучий богатырь! Давай соревноваться!

Тягатели замолкли. Потом кто-то хихикнул, другие рассмеялись, Ярополк крутил пальцем у виска.

Хрясь! Бах-бах-бах! Джух!

Изба задрожала и привсталала на корявых лапах. Бревна захрустели, скрипнули и вдруг вывернулись из своих пазов.

Вжух! Вжух! Вжу-ух! Толстенные бревна стального дерева вращались, как части мудрёной головоломки.

– Вот это да! – Шестерён подался вперёд, дрожащими руками пытаюсь коснуться этого механического чуда. – Изба-трансформер!

– Трапор... Транорп... Что?! – вытаращил глаза Наум. – Что за мудрёное слово.

– Изба осуществила трансформацию, значит она трансфор-мер.

Тягатели подались назад – кто знает, упадёт такое брёвнышко – костей не соберёшь. Только Любимка остался на месте, хотя бревна проносились, едва не касаясь его лица.

– Зацепов нет, а как мудрено складывается, – восхищался тульский мастер. Тут же явился альбом с зарисовками. Парень послунывил кончик пишушей палочки и принялся водить ей в книжице.

Теперь изба больше походила на огромного человека, сложенного из брёвен. Срип! Скри-ип! Бревенчатый человек обвёл рукой большой круг.

– Наперегонки вокруг поляны? – весело воскликнул Любимка. – Давай! Раз-два начали!

И он кинулся к лесу. В избушке что-то грохнуло, покати-лось, она сорвалась с места и, набирая скорость, ринулась следом. Через каких-нибудь пару скачков она поравнялась с Любимом.

– Ха-ха-ха! – от восторга тот так и подпрыгнул. – Врёшь, не возьмёшь!

И наддал, только пятки засверкали.

Топ-топ-топ! От избушкиной поступи дрожала земля. Когти вспарывали дёрн, от каждого скачка крыша подскакивала, а внутри что-то громыхало и ухало.

– Ха-ха-ха! – заливался Любимка на ходу.

– Дзинь, бац, бум! – отвечала изба. Потом к этому добавил скрипучий голос. – Скорей! Наддай, колченогая! Неужто нас малец безусый обставит!

Половину круга Любимка бежал впереди, потом земля ушла резко вниз – отрок ухнул в овраг. Пока выбирался с другой стороны, услышал над собой лихое:

– Иоху!

Над ним промелькнула большая тень, рядом, едва не задев, шлёпнулась пара брёвен. Любимку обдало землёй и обрывками травы.

– Мечи-калачи! Так не честно! – заверещал он, выкарабкиваясь из оврага. Едва оказался сверху, припустил за удалявшейся избушкой. – Не честно перескакивать!

Земля вновь опустилась, они с размаху вбежали в заросли огромных извивающихся гладких стеблей. Отрок не сразу понял, что это чудовищной толщины корни, выпирающие из земли. Они изгибались, словно толстенные змеи. Когти избы впивались в них с такой силой, что лопалась кора, из трещин выступала смола и древесный сок. Любимка скакал следом. Пару раз так приложился о корни, что из глаз посыпались искры. Лицо овеяло прохладой – это Воронов Глаз выдал порцию земной тяги на защиту и лечение.

– Не отстаёт, болезный. Переходим в ускоренный режим, – слышался скрипучий голос.

Щёлк-щёлк-щёлк. Изба ошетибилась брёвнами, словно взорвалась изнутри. Любимка заметил что-то пёстрое и шевелящееся. Бревна сложились по новому, превратив избу во что-то приземистое, похожее на бронированного паука.

Бам-бам! – по земле раскатилось ещё несколько брёвен стального дерева. «Она становится легче!» – понял Любимка, едва успев увернуться. Одним бревном так рвануло волосы, что холодные мурашки побежали по спине. Коли на во-

лосок ближе, окончились бы похождения Любима, будущего сильномогучего...

Но думать некогда. Полегчавшая изба развила такую скорость, что разом превратилась в крохотную точку на том конце поля.

– Ну уж нет! – позабыл обо всем на свете отрок. – Волна-тяга – выручай!

Он ринулся со всей доступной скоростью, нисколько не заботясь о препятствиях. Избушка, наоборот, как будто устала и замедлилась. Вскоре тягатель вновь подобрался к ней вплотную.

Дверь бревенчатого чудища отворилась, и из неё вылетела старушка. Любимка понял, что за пёстрое мелькало внутри избушки.

– Кха-а-а! – выкрикнула она в страхе. У Любимки замерло сердце. Он позабыл про погоню.

Кап-кап! Перед глазами упали тёмные капли. Любимка ощутил, как мир вокруг застыл, как замороженная в дно ручья лягушка. Отрок изо всех сил стал продавливаться сквозь затвердевший воздух, чтобы добраться до падающей фигурки.

«Скорее! Я должен её спасти!»

Он сократил отставание наполовину, когда застывший мир дрогнул, старушка просела. Любимка вытянул вперёд и вверх руки и наддал ещё сильнее. Ноги замелькали, как ножи Неждана, когда он принимается ими бахвалиться.

Кха-а-а-а-ау! Хлоп! Поймал!

Любимка подхватил летящую старушку, время вернуло привычную скорость, руки едва не вырвало из суставов. Может быть, и вырвало б, коли не прохладное покалывание – земная тяга сияющего рыцаря в очередной раз уберегла от повреждений.

Любимка замер посреди поляны с верещащей старушкой на руках. Избушка продолжала скакать, оставляя то здесь, то там тёмные бревна. Она уже была в два раза меньше первоначального.

– А нуй хватит! Всю Фросю мне развалил! – скрипуче воскликнула старушка.

– Фросю?

Любимка от удивления стал опускать руки.

– Стоять! Ать-два! – рывкнула старушка очень похоже на команду Стояна. Хотя, может, это как раз наставник делал это похоже на неё. – Девушку словил, так изволь до дому доставить. Ишь, сперва ухватит, а потом, дескать, и не причём. А ну, домой меня неси давай!

Любимка ошалел и потерялся, но послушно зашагал следом за, гм, брёвнами на ножках – избой это теперь не назвать даже с натяжкой. Мимо притихших тягателей перемещался почти бегом, ощущая стыд. Вот Ярик смеяться станет. А то и...

Изба вновь – щёлк-щёлк-щёлк – преобразилась и стала похожа на обычную избушку. Теперь она встала другой сто-

роной. Видны стали ещё одно окно, дверь и покосившееся крылечко. Старушка буркнула пару чётких команд. Отрок подошёл ближе, и она перелезла на крыльцо. Утратившая с десяток брёвен изба выглядела карикатурно низко. Бабушке даже пришлось пригibasь, чтобы попасть к двери. Только теперь Любимка смог разглядеть её внимательнее: одета в длинное платье с зелёными оборками и меховыми вставками, на голове лихо сидел грязный плат, повязанный не как у других женщин Руси, а, скорее, как у Остапа, только узел отчего-то не сзади, а на лбу. Сухонькие, как веточки, ручки сжимали большую метлу с длинными прутьями. Откуда взялась? Когда вывалилась из избы, ничего в руках у бабушки не было.

– Ой, потешил, касатик! Ой, ублажил! Я ить как будто в молодость вернулась! Кхе-кхе-кхе! – она скрючилась и ухватилась за поясницу.

Тягатели робко стали приближаться. Кто-то глядел молча, другие тянули к избушке руки, осторожно, как к кусачему коню. Первый наставник, наоборот, отошёл назад и, прошепав «Оставляю их на тебя!» – пух! – исчез.

– Потешил, касатик, – сказала бабушка громко. Во рту у неё было ровно два зуба: верхний правый клык и левый нижний. Это придавало ей немного жутковатый вид. – Держи приз!

В сторону Любима мелькнуло что-то серебристое. Шлёп – он поймал серебряный кругляш.

– Что это?

Он поглядел на ладонь. На кругляше изображён значок, похожий на бегущего оленя.

– Скороход, – пояснила бабушка. – Меня зовут Яга. Я ить, касатики, тоже ваш наставник. Мои знаки могут облегчить жизнь на полигоне, коли ими умело воспользоваться. Отдашь Стояну, он запишет...

– Дядьке Стояну? – Любимка обернулся. – Куда он делся?

– Отдыхать побег, – отмахнулась Яга. – Знает бабушку. Не мешает.

Она недобро ослабилась своими двумя клыками.

– Олень? Ха-ха! У Любимки рога выросли! – сзади подкрался Ярополк.

– Это кто тут над моими подарками хохочет? – оживилась Яга и вдруг громко и чётко добавила. – Ого! Да это У ТЕБЯ РОГА ВЫРОСЛИ!

Сын воеводы побледнел и цапнул себя за голову. Руки наткнулись на что-то твёрдое и длинное.

– А-а! Что это?! Что у меня?!

Он бросался от одного тягателя к другому.

– Рога! И правда – рога! – захохотал Неждан.

– Та-та-та-та-та!

– Оленьи. Как настоящие. Я в книжке видел, – заметил Наум.

– Клац-клац-клац!

– Почему «как»? У оленей такие и есть. Я сама видела...

– ответила Настенька.

– ОТМЕНЯЮ!

Последнее произнёс Любимка. Так же отдельно и громко, как Яга. Пространство над головой Ярополка подёрнулось туманом, руки парня провалились в него и коснулись волос.

– Что это?! – ошарашенный сын воеводы несколько раз повёл руками над головой, убеждаясь, что рога действительно исчезли.

– Доброй ты, касатик, – покачала головой Яга. Тягатели всю хохотали.

– Богатырский морок. Наставник же нас учил... – сказал Остап и расхохотался. Ярополк покраснел и ушёл за избушку дуться.

– Экие вы славные, ребята. Держи монету!

Мелькнула серебристая вспышка, Остап машинально поймал и с нарастающим восторгом глядел на кругляш с изображением тумана.

– Эй, а разве так можно было?! – заорал Неждан, указывая рукой на разбросанные по поляне бревна.

– Та-та-та! – бешено жестикулировал Клоп.

– Да коли бы мы знали, мы бы вас скорее Любима догнали! – воскликнул Матфей.

– А разве надо просить разрешения? – искренне удивилась старушка. – Бери от жизни что надо, и докажи, что ты этого достоин. Ха-ха-ха!

Любимка сжал монету.

– Мы тоже хотим соревноваться, – сказал Лексий.

– Ну тогда...

Шлёп! На голову Лексия шлёпнулось что-то жёсткое и колючее.

– Метла?! – сын богатыря брезгливо отпрянул. – Чего это ему так соревнование с избой, а мне...

– Да, вспомнила! – обрадовалась бабушка и выдернула у него метлу назад. – Метла тебе без надобности. Надобно стволы собрать, что моя Фрося уронила. Вперёд!

– И не подумаю! Я сюда не для тог...

Хлоп! Лексий распластался в пыли. Бабушка огрела его метлой, но выглядело это так, словно ему на плечи свалилась гора. Сын богатыря подскочил и с круглыми глазами ухватился за ближайшее бревно.

– Ух, силища! Больше, чем у Дыни. Лучше не перечить!

Остальные тягатели переглянулись и гурьбой ринулись помогать.

– Все собрали? – Яга прошлась вдоль сваленных брёвен, вода по ним сухонькой ладошкой и шевеля губами. – Тфуй, пропасть! Сбилась. – Она повернулась к избушке. – А тый чево встала? Для кого молодцы старались?

Изба скрипнула и подалась ближе. Щёлк-щёлк-щёлк! Бревна сами собой подсакивали и становились в пазы. Изба сразу же подросла в два раза.

– Все-таки это нечестно, – буркнул Любимка. – Так себя

облегчать во время гонки.

– А ктой тебе, касатик, сказал, что мир – честная штука? – обратилась к нему Яга.

– Когда стану сильномогучим – я сделаю мир честным! – горячо сказал Любимка.

Тягатели дружно заржали, Яга, прищурившись, взглянула на тягателя.

– Слыхала я таковые слова, не раз слыхала! Раньше было чаще, теперича, почитай, ты один такой...

Любимке показалось, что на лице старушки отразилась скорбь. Как будто могла увидеть будущее и углядела там для него чего-то скверное. Но отрок только упрямее нагнул голову: «От своего пути не отступлюсь!»

– Добро, – бабушка отвернулась от него и взглянула на избушку. – Все на месте?

Та скрипнула, немножко склонилась, точно кивнула.

– Ну и славной, – обрадовалась Яга и клацнула клыками. Тягатели вытаращили глаза. Как она это делает, ведь один слева, другой справа?! – Идёмте, покажу мой полигон!

Она потопала впереди бодрой совершенно не старушечьей походкой. Тягатели потянулись следом, перешёптываясь и обсуждая странности бабушки и избушки. Шестерён с трудом оторвался от изучения устройства избы, которая кокетливо поворачивалась к нему то одной стороной, то другой и в смущении шаркала лапками.

Яга вела их в ту сторону, где долина немного поднималась.

Пологий склон порос все той же мягкой зелёной травой. Они взобрались на пригорок навстречу небу, и Яга повернулась к ним, раскинула руки.

– Добро пожаловать на богатырский испытательный полигон.

Один за другим тягатели становились с нею рядом и застывали. То, что они увидели, выйдя из леса, теперь не казалось им простором. Это, скорее, был крохотный пятачок, небольшой газончик у входа. Настоящие просторы расстилались внизу.

Они стояли на краю настоящего обрыва. Далеко внизу простирался огромный котлован, по территории едва ли меньше Москвы вместе с её пригородами. На дне располагался целый мир.

– Ух ты! Глянь – озеро!

– А там! А там! Дуб! Огромный!

– Мечи-калачи! – в восхищении протянул Любимка. – Будет где развернуться.

– Твояй правда, касатик, – Яга подбоченилась и гордо глядела вниз. – На моем полигоне есть все!

Они и правда видели все, что только можно вообразить. В замкнутом пространстве котлована были и горы, и озера, огромный раскидистый дуб и рощи мелколесья, жёлтые пески и степная трава, то тут, то там были видны странные механизмы, устройства и строения – и все это располагалось так, что являло из себя гигантский лабиринт с десятками входов

и выходов.

– Мечи-калачи! Жду не дождусь, когда можно будет туда войти! – молвил Любимка.

– Не торопись, касатик. Спервай мы должны понять, кто из вас кто. А уж потом избранные поучаствуют в великих тягательских испытаниях.

Тягатели переглянулись. Каждый из них ощутил трепет и значимость момента.

Сказ 9 – Банные страсти

– Поглядели и хватит. Пора назад возвращаться. Мне ить ещо вас разместить и угостить.

– Угостить? – оживился Конопат. – Хорошая бабушка! Добрая!

– Ой, касатик! – умилилась старушка. – Кушать любишь? И в мускулах не кисель? Все. Ты мне тожа люб. Будешь мне на кухне помогать. Повеселимся.

Она потёрла ладони. Конопат млея, предвкушая много еды. Тягатели переглянулись – излишний энтузиазм бабушки пугал. Он очень напоминал воспитательный энтузиазм Стояна, а если пофантазировать и предположить, что бабушка была его наставницей, наверняка по пакостям она даст ему фору.

Впрочем, Любимку это мало волновало.

– БабЯг, а БабЯг, – весело воскликнул он.

– Дай, касатик, – повернулась та, подслеповато щурясь и глуховато выставив левое ухо.

– Я у вас ступу с метлой видел. Неужель правда в ней летать можно?

– А как жа, миленький. Чемууй вас Стоянчик учил, неужель про земную тягу не гутарил?

– Гутарил, конечно, это холоп ничего не понял, – влез Ярополк.

– Здорово, на тебе и покажем, – Яга ухватила его за плечи и вдруг подкинула вверх.

– Ай! – только и крикнул парень: больше ничего не успел – очутился вниз головой на мизинчике бабушки, на самом его ноготке.

Яга балансировала его, как палочку, чтобы не упал, а тягатель пучил глаза и тянул носочки, только бы не помешать.

– Земная тяга – это сила, помогающая управлять весом предметов. Умелай богатырь может управлять ею как пожелает. Может сосредоточить в том месте, которое ближе к небесам, и тогда предмет полетит...

Ярополка отчётливо потащило вверх, как летучий фонарик, который придумал Данило-Мастер.

– Ай! Улетаю, ловите скорей!

Бабушка легко подкинула его, потом цапнула за волосы и притянула к земле.

– ...А можно вернуть массу на место и тогда он... – Бах! Ярополк бахнулся навзничь и замер ни жив, ни мёртв. – ...А опытный богатырь может массы и добавить... – Она коснулась тягателя, того вжало в землю, аж отпечаток остался. Сама же бабушка заметно поднялась. Казалось, вот-вот оторвётся от земли. – А уж совсем умельцы способны не просто своей массы добавить, но и многократно усилить то, что имеется...

Бабушка приложила к Ярополку вторую руку. Глаза парня округлились, он медленно стал уходить под землю, словно

тяжёлый камень в зыбучий песок.

– А я вот про ступу хотел спросить, – громко сказал Любим.

– Ась, касатик, – бабушка отвернулась от Ярополка и изготовила ухо. Тягатель продолжал уходить под землю, разевая рот и пуча глаза.

– А метла зачем?

– От ить интереснай вопрос, – обрадовалась Яга. – Думаете, зачем?

– Рулить?

– Грести?!

– Сражаться?

– Ха-ха-ха! – по-детски задорно рассмеялась старушка. – Не угадали. Не угадали! Просто когдай летишь, нацепляешь днищем мусора всякого, чем ещё убирать как не метлой?

Тягатели загомонили, Любимка удивлённо огляделся по сторонам.

– А где Ярик?

Сына воеводы нигде не было видно, место, где он лежал, обозначал овал свежевзрыхлённой земли.

– Ой, совсем заговорила старушка! – воскликнула Яга. Она перехватила метлу, подпрыгнула и как-то по-особому притопнула. По земле прокатилась дрожь, тягатели подпрыгнули. Из почвы, как морковка из грядки, выскочил Ярополк, описал дугу и шлёпнулся на траву. – Прости, касатик. Не ожидала, что в тебе столь тяги. Как топор канул! Держи круг-

ляш! За лучшее, хи-хи-хи, плаванье!

После этого бабушка повела их на дальний край долины к самому лесу. Тягатели шли и недоумевали. Бабушка таинственно молчала.

Когда подобралась ближе, поняли, что с этой стороны к долине подступает не глухой лес, а ухоженный парк: за ровным строем деревьев открывалось пространство, во главе которого стояло длинное приземистое здание, очень напоминающее тягательский терем.

– Девочкий – направо, мальчикий – налево, – провозгласила бабушка. Сама целенаправленно потопала прямо. Тягатели удивлённо глазели ей вслед. Посередке дома дверей не было. Не доходя пары шагов до стены, Яга лихо гикнула и подскочила, мигом очутившись на крыше. – Чевоёй смотрите, болезные? Располагайтесь, отдыхайте. Позже вас позову...

Протопав по крыше, она исчезла. На черепице виднелись тёмные отметины – бабушка явно не впервые сокращала тут дорогу.

Лексий первым зашёл в терем.

– Нда, не разбежишься.

Обстановка напоминала терем тягателей в школе богатырей: такой же земляной пол, только посыпанный соломой, такие же лежаки, только ближе друг к другу и без сундуков. Очага и стойки с оружием тоже нет. Ярополк тяжело вздохнул, вспомнив, как плотно был набит его сундук в Москве.

– Та-та-та! – спросил Клоп.

– Занимаем места как в школе! – громогласно объявил Неждан. – А у кого были завидки, можно и те, которые успеешь.

Молниеносно переместившись, он занял место Димитрия и рассмеялся. Все поглядели на княжича, тот пожал плечами.

– В школе то место рядом с очагом, я люблю глядеть на языки пламени. Здесь очага нет, мне оно без надобности. Я лягу тут.

Он невозмутимо сел на лежак, который был рядом с местом Лексия. Неждан оскалился, то ли улыбаясь, то ли досадуя. Любимка с размаху лёг на лежак и закинул руки за голову. Мышцы гудели от пережитой нагрузки. Хорошо! Димитрий склонился к Лексию и тихо проговорил:

– Ну как? Понравилось убираться за холопом?

Лексий вскинулся.

– Чего?!

– Тише ты! Я хочу помочь нам всем избавиться от этого выскочки, – княжич кивнул в сторону светловолосого тягателя. – Присоединяйся к нам. Это не значит, что ты потеряешь свою независимость. Наоборот – это будет равноправный союз. Нас – группа, а ты – один. Мы сокрушим этого выскочку и снова станем каждый сам по себе.

Лексий задумчиво глядел на Любима. Тот не улежал и минуты – уже скакал по комнате и весело щебетал, как дурная птаха.

– Любимчик, говоришь?

– Как видишь, – небрежно пожал плечами княжич. – Он с Ягой взапуски бегал, а мы за ним убирали.

Наум расхохотался и что-то весело ответил Любиму. Это вышло непривычно громко для толстоватого тягателя. Это заметил Остап, и глядел на разошедшегося толстяка опасным прищуренным взглядом.

– Хорошо. Я помогу вам, – сказал Лексий. – Что там у тебя за план?

– План надёжный, и уже работает...

Димитрий ослабился и придвинулся ближе, а в самом тёмном углу терема мелькнула стремительная тень.

Бабушка явилась через полчаса. Они потопали за ней, как гусята за мамой. Сперва добрались до девичьего крыльца, дальше отправились полным составом.

Едва завернули за угол, встали, разинув рты.

– Вот это да! – вырвалось у Любимки. – Красотища!

Им открылся самый настоящий сад. Чего здесь только не было. Яблони, черешня, терновник, шиповник, груши, черёмуха, смородина, малина... Но царили здесь не деревья, царили здесь цветы.

Воздух был напоен пьянящими ароматами. Сойка с Настей буквально плыли по их волнам, даже Несмеяна сделалась не такой хмурой, как обычно. Она поглядела на Клопа и вдруг покраснела.

Скоморошистый тягатель подскочил к бабушке, что-то так такнул, та ослабилась в ответ, явив два своих клыка.

Наум расчихался, Любимка шнырял меж клумб, носом тычась то в один цветок, то в другой. Неждан глядел на Клопа и злился, Димитрий и другие благородные, не замечая цветов, о чем-то шушукались. К ним присоединились Матфей и Лексий. Несмеяна вновь начала впадать в печаль – даже яркие цветы не могли удержать хотя бы нейтральное настроение.

– Та-та! Та!

Перед ней появился Клоп. Лицо непривычно серьёзно, глаза сияют, а в руках...

Глаза девушки широко распахнулись.

– Это мне?!

Скоморошистый тягатель протягивал ей большой букет, сложенный из буйства красок и форм.

– Та!

Все стихло в саду бабушки Яги. Тягатели посмотрели на Несмеяну. Губы её дрогнули, Любимка подался вперёд – улыбнись! Давай же!

Девушка приняла букет и спрятала лицо в цветах.

– Как красиво, – проговорила она.

Вопреки ожиданиям Любима, небо нахмурилось, за тучами угрожающе грохнуло. Откуда ни возьмись, к парочке подскочила старушка.

– Нуй, нуй, тихо! – цепкие ладошки ухватили Клопа и

Несмеяну под локотки. – Идём! Сейчас я вас отвлеку! Да.

Когда букет опустился, Любимка увидел лицо девушки. На нем отпечаталось настоящее страдание.

– Мечи-калачи! Что с ней такое?! – спросил он и переглянулся с Наумом.

– Какая-то тайна, – предположил тот, торопливо отпуская ветку черешни. Губы толстоватого парня были измазаны соком.

Впереди за деревьями маячила ещё одна изба. Из трубы клубился уютный светлый дым. К запаху цветов примешались новые ароматы.

– М-м-м, – втянул воздух Любимка. – Как вкусно!

– Берёзовые, дубовые веники, душистое мыло, берёзовые полешки, пар и чистота! – Настенька тянула нос, казалось, что она сейчас взлетит.

– Это что – общая баня?! – Ярополк скривился.

У Любимки вдруг зачесалось все тело. Сразу ощутил себя грязным и усталым.

– Баня! Уря!

Для него общественная баня не была в новинку – в монастыре ходили мыться всем приютом. Вот только с душистым мылом там были проблемы – его попросту не было.

Деревья расступились, они стояли перед большой, пышущей паром избой. С двух сторон у неё было два крыльца. С одного – просторное, с широкими резными дверями, с окнами, затянутыми полупрозрачными занавесками. У входа

стояла бадья с чистой ключевой водой. В паре шагов устроена купель с удобными деревянными ступенями и перилами.

– Ух ты! Здорово! – заорал Остап и кинулся к избе.

– Стоять, касатик, – словила его за шиворот бабушка. Бравый казак повис, как кутёнок. – Это девичья половина, ваша – с той стороны.

Остап повернулся и потопал ко второму крыльцу. За ним потянулись парни.

– Ступайте, девицы, и почувствуйте себя как в горнице у любящего батюшки. Ужой бабушка для вас расстаралась.

Сойка с Настенькой ухватили под руки Несмеяну и увлекли за собой. Та все еще выглядела потерянной. Букет держала в безжизненно опущенной руке.

– И что это такое? – Ярополк озвучил общую мысль. Они стояли по другую сторону банного терема перед воротами, заложеными толстым засовом. Засова создателям сего места показалось мало, поэтому дверь была опутана массивными цепями, которые в центре закрывались на здоровенный висячий замок. Им тут же заинтересовался Шестерён.

– Как интересно... Такие штуки Данило совсем недавно придумал, откуда она тут?

– Точной, касатик. Данило Мастер по моему личному заказу эту вещицу изготовил. Потому как богатыри же – засов может и не выдержать.

– Не выдержать чего? – опасно спросил Ярополк.

– Слабаков, – отмахнулась бабушка. Она извлекла из складок платья огромный блестящий от смазки ключ и вставила в скважину.

Щёлк-щёлк. Замок упал в подставленную ладонь. Бабушка небрежно отбросила его. С глухим звуком замок ушёл в плотную землю наполовину. Цепи звякнули и разошлись, засов отодвинулся. Дверь распахнулась – очень похожая на дверцу, которой закрывают топку в русской печи.

– Заходьтей, касатики. Располагайтесь как дома.

Изнутри доносился рёв пламени, алые отсветы плясали по закопчённым бревенчатым стенам.

– А-а... зачем нам это надобно? – спросил Ярополк. Медлил даже Остап, который рвался в баню, когда стояли с девичьей стороны.

– Как зачем, балезнай? Хочешь быть грязюкой?! Баня тебе сил придаст, чистым сделает. И телесно и – хе-хе – душой.

Голос бабушки грозно загремел.

– А чего это наша баня больше похожа на каменоломню какую-то, а девчачья такая приятная и удобная? – спросил Неждан.

– А на той вы и суровые мужи, – бабушка показала в оскале пару своих клыков. Они угрожающе клацнули друг о друга, хотя это было невозможно. – Давай, кто смелай! Кто первый пойдёт?

В этот самый момент внутри что-то страшно зашипело, тягателей обдало паром, отчего у них затрещали волосы и

брови. Любимке показалось, что ещё чуть – и они вспыхнут алым пламенем. Наверное, поэтому даже Остап не купился на слово «смелый». Остальные тоже медлили, переминаясь с ноги на ногу. Любимка ступил вперёд.

– Я пойду. Недосуг мне тут. Надобно с каликой встретиться, разговор у меня к нему.

Он зашёл внутрь.

– Да! Касатик смелай! Уа-ха-ха! – Смех был настолько зловещий, что тягатели переглянулись и попятились. – Давайте, входите! Нечаво быка за рога тянуть! Какое вам испытание, коли вы бани простой боитесь?! – Почти силой Яга загнала всю компанию внутрь, ловко захлопнула дверь и шустро наложила засов. – Хе-хе! Каков улов! Интересно, сколь доживёт до конца баньки... – Яга легко подхватила замок и вставила его в цепи. На плотной земле остался глубокий отпечаток. Щёлк-щёлк. – Вот и все. Теперь не убежите, касатики. Теперь вы до конца с бабусей!

Старушка развернулась и бодро заковыляла вокруг бани к девичьей двери. Массивный замок зловеще покачивался на толстых цепях.

Внутри сразу попали в пекло. Противоположную стену от входа занимала огромная, гудящая от пламени печь и каменка. Справа ярусами под самый потолок уходили полати. У входа стояли несколько скамеек.

Любимка мгновенно вспотел. Казалось, что вся влага, которая была внутри, выступила через поры наружу.

– Уф! Ёшки-матрёшки! Вот это жара!

Он скинул сапоги, рубаху и портки, оставшись в одном исподнем. Легче не стало. Лишь внизу, у самого пола, лёгкий сквозняк охлаждал босые ноги. Голова как будто витала в облаке горячего пара.

– А вам, чтой жа, отдельное приглашение надобно? – раздался голос Яги откуда-то из-под потолка. Все поглядели вверх и увидели рядом с печью проход на другую половину бани. Тягатели начали разоблачаться, скамьи покрылись брошенными рубахами и портками. Димитрий долго медлил, но в конце концов разделся и он. – На полати, на полати! Кто выше, тот и круче! – кричала Яга.

Они расселись по полатам. Бабушка ухватила ковшик, сунула его в бочку, зажатую меж каменкой и печью, и обдала водой камни. Страшно зашипело, ударил столб пара, и тягатели задохнулись от жара.

– Тепло ли, касатики?

Она оглядела тягателей, сидевших на полатах, как напуганные воробьи в рядок.

– Не могу больше! – пискнул Неждан, соскочил вниз и кинулся к воротам. – Выпустите меня! – Он дёргал ручку, но дверь даже не подрагивала – настолько плотно её держал засов. – Воздух! Свежий воздух! – Неждан упал на землю и припал к небольшой щёлке под дверью.

– Я – все, – пролепетал Наум и сполз, закатив глаза.

– Эй, там, внизу. Стащи к себе этого рохлика и бахни ему

ковшик воды ключевой.

– Здесь есть ключевая вода?! – головы тягателей разом повернулись к бабушке. Та небрежно махнула рукой.

– Вонай у входа бочка...

Справа от ворот в самом углу терялся в тени выпуклый бок, покрытый пупырышками влаги. От него веяло свежестью.

– Прочь с дороги!

– Отстань!

– Не мешай!

У бочки тут же возникла давка. О Науме все забыли, парень тихонько соскользнул на дощатый пол. Там было прохладнее, толстоватый паренёк шевельнулся и сел. Голова поднялась в облако жара – словно по лбу получил, и бахнулся назад.

– Просьбу бабушки не исполнить?! – загрохотал голос Яги. Её силуэт резко вырос в размерах, пахнуло жаром.

Шлёп! На Наума шлёпнулась ледяная вода из ковша.

– Прости, бабуля. Я не успел, – крикнул Неждан и, разогнавшись, с головой занырнул в бочку, распахивая остальных локтями.

Любимка оказался единственным, кто не соскочил вниз. Сам не мог понять отчего: то ли исполнительность, то ли просто голова помутилась, а встать нету сил.

Яга зачерпнула ковшик и плеснула на каменку ещё раз. Пш-ш-ш-ш-ш! Пар ударил столбом, Любимке показалось,

что стальные крюки, вбитые в стену, раскалились и покраснели, как в кузне.

– Ну как, смельчак? Хорошо ли тебе?

– Хорошо, бабушка, – ответил Любимка, хотя у самого в глазах темнело от жара.

– Утий пути! – сюсюкнула Яга. Сама будто не замечала жара – даже испарина не выступила на лбу, в то время как по тягателям пот струился в три ручья. – Ложись туда, касатик. Коль тебе мало, я покажу тебе настоящую баню.

Она ткнула пальцем на самую высокую полку.

– Я?! – не смотря на жару, у него внутри все похолодело. Он спустил ноги и сел.

То место, где он был теперь, располагалось ровно посерединке меж полом и потолком. Полка, на которую указала Яга, была под самой крышей. Её почти нельзя было разглядеть за клубами раскалённого пара.

– Ну-кай ступай сюда, – сказала Яга, выбирая веник. – Сейчас мы тебя попотчует! – Любимка кое-как взобрался наверх. Лёг, ощущая грудью раскалённую поверхность дерева. Яга ухватила веники. Один – дубовый, второй – берёзовый. – А теперь поглядим, чего ты стоишь, касатик.

Вших-вших-вших! Веники загребали горячий воздух и делали его кипятком. Хотя Яга не коснулась его спины ни одним листиком, Любимке казалось, что его колотят раскалёнными прутами.

– Хорошо ли, касатик? Скажешь, когда остановиться.

– Хорошо, бабуля, ой, хорошо, – проговорил Любимка, сцепив зубы, чтобы сквозь них, кроме слов, не вырвались стоны.

Скорость вращения веников увеличилась. Любимке показалось, что его опустили в крутой кипяток и варят живьём.

– Ну как?! – весело спросила Яга.

– Ме-чи... ка... чи... – выдавил из себя отрок. – Оч... хо... шо...

– Хм! А так?

Веники впервые коснулись его плеч. Крутой кипяток показался Любиму прохладным. Теперь ему мнилось, что его бросили в кипящее масло, которое скворчит на сковороде. Разлапистые веники нагнетали горячий воздух, а в конце и хлестали сами. Пахло дубом и берёзой. Любимка понял, что ещё чуть – и он позорно сомлеет.

– Нет! Я выдержу...

– Что говоришь? Хватит уже?! – тут же спросила Яга.

– Нет... ба... ушка... – Любимка пытался говорить бодрым голосом, но обжигающий воздух, похоже, сжёг все внутренности, и вместо слов выходили хрипы.

– Все! – резко молвила Яга и откинула веники. – А теперь скорей-скорей-скорей!

Любимка ощутил, как его поднимают сильные руки, куда-то волокут, а потом...

– Скорей-скорей-скорей!

ПШ-Ш-Ш-Ш-Ш-Ш! Оглушительное шипение, словно в

бочку с водой опустили раскалённый прут. К небу вскинулись клубы пара. У Любимки перехватило дыхание. Он разинул рот и заорал на весь Запредельный лес то ли от боли, то ли от счастья.

Оказывается, Яга вытащила его на улицу с девичьей стороны и макнула прямо в купель с ледяной водой. После одуряющей жары бани это принесло такое облегчение, что отрок едва не расплакался. Когда он вышел по ступенькам из купели, ноги подрагивали от пережитого, но в тело влилась волна мощи. Взялась она, казалось, ниоткуда, и не имела ничего общего ни с темной волной, ни с земной тягой.

– Чуешь! Вижуй, чуешь! – обрадовалась Яга.

– Чую, – проговорил Любимка, с удивлением разглядывая собственные руки, словно видел их впервые. – Что это за сила?

– Это – сила леса, – проговорила Яга. – Сила дивов. Мы собираем её всю жизнь. Коли не останавливаться, можно достичь уровня богатыря. А коли присоединить к этому земную тягу...

Она вздохнула.

– Ёшки-матрёшки! – Любимка с восторгом глядел на собственные руки. – Ощущаю себя мечом, который только что выковали и закалили.

– Добро! – бабушка выглядела очень довольной. С губ не сходила улыбка, она то и дело потирала ладони, а узелок на лбу торчал так жизнеутверждающе, что бабушка казалась не

старушкой, а молодой девчонкой. – Отдыхай. Я пойду, погляжу, есть ли среди вас ещё крепкие люди...

Она исчезла в бане, а Любимка остался. Он лежал в купели и глядел на небо. Далёкое, пронзительно голубое. И облака. Гигантские и тяжеленные с виду, они легко и непринуждённо плыли по небу, а он – крохотуля на их фоне – не может подняться даже выше своего роста.

Вспомнилась ступа Яги и её демонстрация с Ярополком. Неужели и правда можно настолько выдрессировать земную тягу, что выйдет поднять свой вес под самые облака? «Мечи-калачи! Вот было бы здорово! Вот мечта более возвышенная, чем стать сильномогучим богатырём и послужить Руси». Вспомнился взгляд Миколы Стародуба – чистый и такой же пронзительный, как небо за облаками. И печальный.

– Нет, – сказал Любимка. – Это какое-то пустозвонство – летать под облаками. Земная тяга дадена, чтобы служить людям. Святогор не мог думать о пустяках, когда даровал силу своим потомкам...

– Хи-хи-хи! – раздалось приглушенное. Любимка привстал, вода плеснула на траву.

Из-за плотной ткани, закрывающей окна в женскую половину бани, доносился плеск и девичий смех. Любимка представил, как их девушки моются в бане, и покраснел. «Рази можно представлять девицу в таком виде!? Сойка... Настенька... Несмеяна...» Несмотря на то, что сидел в ледяной воде, сделалось жарко.

– Мечи-калачи! Уйдите, непотребные!

Но назойливые мысли возвращались. Не чуя себя, вылез из купели, вода шумно стекала с него, но сердце стучало ещё громче.

– Тихо! Ёшки-матрёшки! Тихо же! – шептал он, переживая, пока вода перестанет шуметь.

Он огляделся. Вокруг никого. Голос Яги доносился откуда-то издалека, со стороны мужской половины летели вопли и уханье. Их заглушал звонкий девичий смех. Опять Сойка и Настенька. А это чей голос? Неужели Несмеяна? Начал медленно подкрадываться к дальнему окну, затянутому светлым полотном. Звуки были приглушены, но хорошо разборчивы.

– А тебе который из ребят больше по душе? – звонкий насмешливый голос Сойки.

– Мне? – Настенька явно залилась краской. – Я даже... не думала...

– Брось, Настя, – слышен плеск и смех, – нас никто не слышит... А если и слышит – что с того?

Любимка замер, показалось, что Сойка смотрит на него прямо сквозь стену. Несмеяна по-прежнему молчала.

– Мне нравится... – пролепетала девушка. – Мне...

– Ну ты, Наська, и скромняга. Хочешь, я тебе скажу? – Травница ничего не ответила, но, похоже, Сойке и не нужен был ответ. – Если смотреть по внешности, то очень неплох Ярополк...

– Что?! – Любимка зажал рот обеими руками.

В бане замолчали, потом разговор продолжился.

– У него такой нос... Но как человек он гниловат... – си-неволосая девица.

Уф! Любимка утёр лоб. Чуть не выдал себя. Не бывать тебе разведчиком с таковой выдержкой.

– Димитрий тоже такой представительный. Остап казак лихой, но эти отцовские щеки. Как представлю его с таким же пузом, как у атамана... Бррр!

Настенька рассмеялась.

– А Лексий? – Этот голос прозвучал столь неожиданно, что Любимка даже вздрогнул – выходит, Несмеяна тоже участвовала в разговоре.

– Лексий! – в голосе Сойки появилась явная злость. – Урод он, вот что! Чего ты вообще его вспомнила? Тебе то, небось, Клоп по душе...

– Клоп... – проговорила Несмеяна и голос её непривычно потеплел. – Он нескладный... – И замолчала.

Любимке в голову пришла очень непривычная картина – Несмеяна печально смотрит вдаль и... улыбается. Хотя, когда она пыталась улыбнуться давеча в саду, добром это не кончилось.

Несмотря на то, что мысли вроде бы были достойные, рука сама собой потянулась к ткани окна. Едва понял это, краска вновь ударила в голову.

– Я только на эту улыбку и взгляну, – попытался убедить себя. – Это ли ни чудо – Несмеянина улыбка. Одним глаз-

КОМ...

Девушки замолчали, из бани донёлся плеск и шарканье. Внутри явно не сэкономили на свете. На плотном полотне видны отсветы огня и силуэты.

Вот Сойка. Стройная, округлая и без привычных очертаний одежды. Любим ощутил, как сердце набирает обороты. Все мысли вылетели из головы, осталось одно лишь желание заглянуть... Он протянул руку к пологу. Если все сделать осторожненько...

– А Любимка? – робкий голосок Настеньки. – Что вы думаете о Любимке?

Отрок застыл, словно его пригвоздило молнией и обратило в камень одновременно.

– Любимка? – переспросила Сойка. Её силуэт дрогнул и повернулся боком. У Любима от жара закружилась голова. Тут и без заглядывания все видать, а если уж проделать дырку... – Любимка – он хороший, – сказала Сойка. – Добрый. Весёлый. Он – хороший друг!

– Да, точно. Хороший друг, – согласилась Настенька.

Любимка ощутил обиду: «Чего это Ярик так красавчик у них, а я просто друг?! Вот так и будь добрым!»

Девушки опять начали плескаться и рассмеялись, но отрок их уже не слышал.

«А вы тогда тоже... Тоже для меня!.. для меня... Друзяки! Вот! Получили?» – едва не крикнул это вслух. Молнией сверкнул вопрос – а кто тогда не друг? Перед глазами встал

портрет Варьки. Серьёзной, с книжками.

За полотном опять захихикали. Портрет Варьки подёрнулся рябью и вдруг начал проясняться. Только теперь у неё не было книжек. Да и завязочек многочисленных тоже. Любимка покраснел ещё больше и протянул руку к занавеске. Я должен это увидеть! Ведь Варька такая же, только с двумя косами...

– На твоём месте я бы это не делал, – раздался тихий голос. Любимка так подскочил, что едва не очутился на крыше бани.

Оглянувшись назад, увидел калику Олега, тот сидел на корточках на перилах купели и скалил зубы. Любим резко выпрямился и отошёл – от ушей можно зажигать лучины.

– Ежи-положи! Просто Ягу хотел позвать... – и замолчал, не зная, куда деть руки.

– Я так и понял, – сказал калика, немного притушив улыбку. – Но тебя не правильно могли понять. Я уже вижу Союку, вложившую в рот свои любимые указательный и мизинец. Да и Несмеяна вряд ли стала бы молчать. Не думаю, что Яга оставит без внимания, что её любимая баня разлетится по брёвнышку по всему Запредельному лесу. – Любимка что-то замычал, пытаясь оправдаться, и сам понял, как неубедительно выглядит. – Ладно, я не за этим. Я гляжу, бабушка тебя попарила?

Олег прищурился и оглядел Любимку с ног до головы. Отрок обрадовался смене темы. Прислушался к себе и понял,

что сила, которую ощутил в себе во время купания в купели, не ушла.

– Едва живой остался, – плечи отрока передёрнулись. Воспоминания вызвали почти физическую боль.

– Да, Яга на это способна. Но без этого не собрать с такой скоростью природную силу.

– Природная сила?! Это как у дивов? Я думал, богатыри её не могут приобретать...

– В отличие от твоей темной волны природная сила тяге не помеха, но стяжать её очень мудрёное и кропотливое занятие. У хороших дивов на это уходят годы. Поэтому чем старше див, тем больше его сила.

– А как же... – Любимка повёл плечами и притопнул ногой.

– Это умудряется делать одна лишь Яга. Да и то не каждый выдержит её методы.

Олег улыбнулся, будто что-то вспомнил.

– Неужели это останется со мной навсегда?!

– Нет! Потихоньку уйдёт. Особенно если тебе придётся напрягать усилия всего тела. А тебе придётся, ведь впереди испытания...

– Мечи-калачи! Дядька Олег! Я об этом хотел с вами говорить. Прутика украли и я...

Калика приложил палец к губам и глазами указал на баню. Там как раз подозрительно притихли.

– Позже поговорим, – одними губами произнёс калика

Олег. – Время еще есть. Они не выходили из леса Хруста.

Шух. И он пропал. Любимка вздохнул и оглянулся на баню. Игривое настроение ушло. В голове засел одинокий Прутик, который печально вздыхал и тоскливо глядел вникуда.

– Обязательно тебя спасу! – сказал Любимка тихо. – Клянись!

Где-то далеко в небе раздался одинокий гром.

Сказ 10 – Уголки тёмного леса

Под сводами тёмного леса застыла фигура в чёрном плаще. Из-под надвинутого капюшона торчали острый нос и слабый подбородок. Тонкие губы шевелились, издавая то плаксивые причитания, то холодные рубленые фразы. В хрупком теле с зелёными глазами обитало два разума, и в этот самый момент они держали совет друг с другом.

– Мы – демоны – используем людей для своих целей, – говорил холодный голос. – Пытаемся очернить их в глазах Отца. Но есть в мире тот, кто поставил целью искоренить род людской, стереть из истории, будто они никогда не появлялись на этом свете. Его зовут Ревнивый Отпрыск или Чёрный Скоморох.

– Чёрный Скоморох, – выдохнул Харлам. – Никогда не слышал о таком.

– Многие считают его легендой, страшной сказочкой, но я наблюдал восхождение Мрака. Порой ему помогала тайная сила – ненавязчиво, незаметно, но всегда точно в нужный момент.

Харлам задрожал, не в силах вообразить силу, которая может управлять перводемоном.

– Когда я продумывал свой план, очень боялся, что эта сила вмешается и все испортит. Ведь она всегда была за перводемона. А я желал все сделать сам, чтобы никому не быть

обязанным, – Вий замолчал. Тело стояло неподвижно. Одна половина лица была спокойна и печальна, вторая кривилась нетерпением и страхом. – Но сейчас я вижу, что эта тайная сила не ревнива. Она позволила мне попытаться самому. Терпеливо стояла рядом и наблюдала. Наблюдала, как я не справлюсь. И вот теперь, когда мы загнаны в угол, она протягивает руку помощи. Так же, как некогда перводемонку Мраку.

Он опять замолчал.

– Но это же хорошо, хозяин. Это значит, что мы не должны впадать в спячку. Это значит, что мне не придётся возвращаться ТУДА! – человека в плаще передёрнуло. На лбу выступил холодный пот.

– Возможно, это значит, что я теперь тоже достоин, – проговорил Вий. – Я достиг уровня перводемона. Поэтому мне предложена помощь... – Но в голосе не было радости: – Вопрос даже не в том, стоит ли воспользоваться этой помощью... – проговорил демон голосовыми связками человека. – Вопрос в том, есть ли у меня возможность отказаться.

На какое-то время воцарилась тишина. Слышно лишь, как пыхтела и дёргалась половина тела Харлампа. Часть под контролем демона была неподвижна.

– Почему вы сомневаетесь?! – осторожно спросил Харлампа.

– Когда дают слишком много, потом и потребовать могут не меньше... – в ледяном голосе прозвучал страх. – А могут

и вовсе – забрать все. Тебе ли не знать...

Они вместе подняли взгляд и оглядели длинные ровные ряды зверей: лоси, медведи, кабаны, волки... Все размерами не меньше чудовищного бера, встреченного ими в лесу. И все неестественно неподвижны для диких животных. Особенно для тех, в ком угнездился демон низшего порядка. Всяк знает, что такие демоны ни на миг не знают покоя и передают беспокойство носителям. Теперь эти существа просто стояли и ждали: мохнатые хвосты подёргивались, кисточки на ушах подрагивали, лова каждый звук.

Человек в плаще вскинул руку.

– Чёрный Скоморох... Или кто ты там есть. Я принимаю твою силу!.. – Он сжал ладонь в кулак. По рядам одержимых зверей прошла волна. Теперь они скалились и грозно били бока хвостами. Горящие глаза обратились к одинокой фигуре в тёмном. – Мы станем союзниками... – проговорил Вий едва слышно. – Но когда я получу силу перводемона... Тогда посмотрим...

Он вскинул кулак, и толпа одержимых зверей двинулась через лес.

Его грудь тяжело вздымалась, руки дрожали от усталости, пальцы скрючило от напряжения.

– Все! Больше не могу, – простонал Лютик и рухнул в траву, как подкошенный.

Остальные выглядели не лучше. Прутик, Грох – брат Кре-

чета и Иваш были с ног до головы покрыты царапинами, сисяками и ожогами. Они не могли говорить, все, к чему их сейчас тянуло – это лечь и умереть. Даже простое ощущение неподвижности казалось для них блаженством. Один за другим они попадали рядом с одержимником.

Но больше всего досталось дивам. Солнце два раза совершило по небу полное путешествие, а они ни разу не выпустили из рук мечи и кинжалы. Лютик – Лютиком, но слишком большое количество опасностей вылетало из леса столь стремительно, что на них не успевала подействовать отгоняющая мелодия.

Одержимый комар величиной с кулак, едва не пригвоздил Иваша жалом к дереву, а муравьи размером с собаку всерьёз вознамерились утащить их в муравейник. Тот был сложен из стволов и высоту имел не меньше тягательского терема.

Были ещё крохотные змейки, которые плевались жгучим ядом, и противно орущая птица, которая едва не разрушила магию музыки Лютика.

– Теперь все позади, – выдохнула Ксана.

– Нельзя долго разлёживаться, – отозвался Шустр и с досадой добавил: – Но и без этого никак. Вы просто не сможете идти дальше.

Женщина поглядела на него удивлённо. Откуда он берет силы?

– Я уже связался с нашим человеком, – сказал маленький див. – Он говорит, что пока все чисто.

– Человеком? – приподнялась Ксана.

– Не придирайся, – отмахнулся Шустр. Он прикоснулся к тёмному камню, висевшему на груди, и стал подниматься. – Отдыхайте, я посторожу.

Лютик поглядел на него недобрый взглядом, ладонь легла на рубаху – под ней висел точно такой же амулет. Одержимника передёрнуло. Убрав руку, завалился навзничь и почти сразу захрапел.

Они встретились с каликами днем перед обедом у раскидистого дуба, что рос в одной из зон полигона Яги. Волнуясь и перебивая друг друга, Любимка и Сойка поведали историю похищения Прутика. Настенька стояла рядом и время от времени молча кивала. Наум остался в лагере – настал его черед помогать Яге в трапезной.

– Ты говоришь, в твоей деревне все это время скрывался Лютый одержимник! – калика Фёдор хмурил кустистые брови и с шумом выпускал воздух через раздутые ноздри. – Чего сразу не сказала?! Ты ж меня дурнем выставила, девка!

Это был пожилой уже грузный человек с мясистым красным лицом полностью затянутый в глухую многослойную броню. Над железным воротом с заклёпками буйствовала растительность. Голова Сойкиного калики больше походила на волосяной взрыв. Кривая неопрятная борода торчала вниз, два уса, как сяжки насекомого – в разные стороны. Волосы на голове будто сговорились и выросли стоймя и все в

одну сторону, но не прямо, а набекрень.

Лицо Сойки сделалось злым и упрямым.

– Ответствуй, девка! – голос Фёдора звучал гулко, словно он сунул голову в огромный самовар и так орал.

– Зла на вас была! – выдавила девица сквозь зубы. – На богатырей то есть. Столько раз они заходили в деревню, ни один не догадался, что с нами происходит.

– Лютик умеет навести мару... – примирительно заметил Олег.

– И я хотела забыть, – добавила Сойка. – Я решилась бежать, когда узнала, что Лютика нет в деревне. Было очень страшно, ведь он не жалел беглецов. Но я не могла... не могла иначе.

Она тряхнула головой, чтобы волосы скрыли лицо.

– Надо было сказать, – уже не так грозно сказал Фёдор. – Ужо бы я тогда его в бараний рог!..

Широкими ладонями он показал, как крутил бы Лютика.

– Ага, а он бы вам плясовую сыграл, то-то бы вы свои железяки растрясли... – влез Любимка. Он засмеялся было, но никто не поддержал его веселья. Отрок закашлялся и замолк.

Калика Фёдор набычился.

– Э-э, парень. Шутковать любишь? Поглядим на твои шуточки на испытании. И так мне тут всю девку расслабили. Поединок проиграла.

Сойка вспыхнула и сжала кулаки. Любимка взревел:

– Не проиграла она! Просто удара от друга не ждала!

– Теперь жду, – тихо молвила синеволосая девица. Любимка глянул на неё, но смолчал.

– Нечего тебе по лесам лазить и прошлое ворошить, – отрубил Фёдор. – Надо на испытании сосредоточиться. Мы для вас столько приготовили – только успевай удаль свою показывай. А с одержимниками настоящие богатыри разберутся!

Он ударил кулаком о кулак.

– В кусты, значит, – снова не удержался Любимка.

– Что?! – взревел Фёдор. Его так затрясло, что доспех задребезжал на всю поляну. – Ух, распустил ты своего подопечного, Олег!

– У каждого свои методы, – пожал плечами калика.

– Вот и поглядим на испытании, чьи лучше! – Фёдор повернулся к Сойке и ткнул в неё пальцем. – Слышала, девка? И ты, и рохлик этот толстый – шкуру с вас спушу, коли проиграете этому!..

– Дядька Олег, чего он так разошёлся? – громким шёпотом спросил Любимка. – Настю дядька Стоян тренирует. При чем здесь калики?

Фёдор поглядел на него и расхохотался. Олег виновато потёр затылок ладонью.

– Ну, вообще-то калики занимаются своими подопечными, пока ведут их до школы. Да и потом тоже. Я же тебя нашёл уже в школе, так что... – он развёл руками.

– Мы отвлекаемся от дела, – сказал калика Савелий, он же

Дыня. – Калики имеют право воспитывать своих подопечных, как пожелают. Кто прав, а кто нет – покажут испытания. Так что давайте вернёмся к делу.

Дыня снова надел свой ношенный дырявый кафтан. Босые ноги загребали пыль.

– Мнение Фёдора мы узнали. Скажи своё, – Олег был рад смене темы.

– Насте я тоже не советую соваться в эти взрослые игры. Тем более личной причины у тебя нет, – Савелий поглядел на скромную девушку. – Я хочу научить тебя паре приёмов, чтобы ты не ударила в грязь лицом. Надеюсь, ты делала то, что я тебе говорил?

Девушка кивнула и виновато поглядела на Любимку.

– Наська, не гляди так. Прутик – не твой друг, и ты пока не богатырь, чтобы за незнакомый люд заступаться...

Настенька робко улыбнулась.

– Я тебе трав подобрала. Они природную силу подпитывают. Видела, каким ты из бани вышел... – сказала и вдруг хихикнула. Они быстро переглянулись с Сойкой, та, совершенно не скрываясь, скалилась.

– Что?! Значит, прав был дядька Олег, когда сказал, что у тебя пальцы во рту были, когда я... Того... Собирался...

Он смутился.

– Коли бы ты за нами тогда подглядел, – весело сказала Сойка, – я, кстати, не против была, тебя бы Несмеянка так укатала, что нам бы с Наськой только соскребать тебя оста-

лось...

– Вот и решили, – перебил их Дыня и вопросительно поглядел на Олега.

– А ты, стало быть, идёшь на поводу у этого? – хохотнул Фёдор. – Добро. Нам будет легче на испытании.

Он хлопнул Любимова калику по плечу и громко захохотал. Тот поморщился, но ничего не ответил. Он повернулся к отроку:

– Любим, я как твой калика и добропослушный богатырь предлагаю тебе отказаться от затеи со спасением Прутика. Богатыри сделают это лучше тебя.

Любимка яростно дёрнулся.

– Эй! А как же! Мы договорились!

– Но являясь твоим каликой и не последним богатырём, я понимаю, что остановить тебя невозможно. Поэтому я готов взять тебя с собой. Но строго на моих условиях.

Лицо отрока преобразилось.

– Дядька Стоян! Вы самый лучший калика! Да я за вас! Да я!..

На том и расстались. Олег обещал известить Любимку сразу, как только будет получен сигнал от сторожевых деревьев.

Сойка вышла задумчивая. Любимка понял, что её не убедили слова Фёдора.

– Ничего, Сойка, – сказал. – Время покажет, кому идти, а кому не стоит. Совсем не обязательно тебе мстить. Насто-

ящий богатырь не мстит – он наводит порядок!

– Чтобы порядок был, – мрачно молвила девица, – надо вовсе таких тварей, как Лютик, на землю не пускать...

В избе Яги собрались почти все богатыри, которые готовили полигон для испытаний тягателей. Ради такого дела избушка вобрала в себя в два раза больше брёвен, чем в ней было изначально. Такую громадину лапы удержать уже не могли, поэтому избушке пришлось усесться прямо на землю. Зато в GRIDнице просторно, и никакой толкучки.

Руководил советом Стоян – первый наставник тягателей и главный распорядитель пятьдесят седьмых тягательских испытаний. Он сидел во главе длинного стола. По правую руку от него сгорбился Горшик – писарь Харитона, по левую – Яга.

Особнячком в самом тёмном углу расположился Фрол. К столу подсаживаться не стал – я, де, здесь просто наблюдатель, ничего не решаю, но вид имел таков, чтобы всяк сразу понял: коли что-то придётся не по душе – молчать не стану. Рядом с ним, сливаясь с темными стволами железного дерева, высилась воронёная фигура. Над платом сверкал острый, как кинжал, взгляд.

За столом рядком расселись все калики: небрежный Олег с Прозорливой Сумой, Савелий в рваной старой рубахе, портах и босой, да Фёдор, как всегда в броне с многочисленным метательным оружием на бесчисленных крючочках и

петельках. Кроме них присутствовала пара средних богатырей: Тавр и Годун – оба худые и серьёзные.

– Я собрал вас здесь, чтобы сообщить последние вести из Москвы, – Стоян поглядел на Горшика. Писарь невозмутимо глядел прямо перед собой, – и приказ князя Александра, который он передал с помощью...

Он опять поглядел на Горшика. Фрол в своём углу шевельнулся и кашлянул.

– Грхм!

Наставник на миг замолчал, давая уряднику высказаться. Показалось, что тот попытается подвергнуть сомнению канал связи.

– Что ж, давайте послушаем, – проговорил Фрол.

– Нам сообщают о странных людях, которые пришли со стороны княжества и вторглись в Чашу Хруста. Предположительно они направляются в сторону пещеры Потерянных Душ.

Калики Савелий и Фёдор переглянулись.

– Мы только что обсуждали этих людей с тягателями. Откуда о них стало известно князю?

– Я отправил отчёт из лагеря близь Мокеевки. Но оказалось, что у князя больше информации, чем у нас. Мы знаем о двух людях, владеющих силой, и двух похищенных. Нам же сообщили об отряде из шести участников. Горшик.

Писарь шевельнулся и бросил на стол пачку картинок.

– Шустр – див с манией сильного хозяина, – начал пе-

речислять глухим, голосом. – Во времена последней войны сражался на стороне князя Владимира. Потом пропал. Кому служит сейчас – неизвестно. Природная сила сопоставима с земной тягой, фехтовальщик, способен непродолжительно перемещаться по воздуху.

Богатыри склонились, разглядывая картинку.

– Парень совсем не изменился, – Фёдор попытался пригладить торчащие усы, но безуспешно. – Мелкий, а злобный. Помню, как-то служили мы в одном отряде, дело было под Новгородом...

Он поймал строгий взгляд Стояна и замолчал, прервав себя громовым кашлем.

– Где провёл все эти годы – неизвестно, – закончил Горшик. – Это первый контакт после войны.

– Дальше, – кивнул Стоян.

– Ксана по прозвищу Танцующие кинжалы, – продолжал писарь.

На картинке стройная молодая женщина, темноволосая и темноглазая, вокруг в воздухе висят двенадцать кинжалов.

Олег едва подавил возглас удивления, быстро поглядел на Стояна. Тот выглядел спокойным, но калике ли не знать своего друга и соперника! Первый наставник обеспокоен, очень обеспокоен. Калика и наставник встретились глазами. Полумрак Ягиной горницы мигнул и пропал. Оба богатыря одновременно провалились в прошлое, на семь лет назад...

– Здравствуй, добрый молодец! Не здесь ли принимают в богатыри? – девичий голос. Такой звонкий и задорный, что у юного паренька Стойки дух захватило, будто в жаркий день взял да окунулся в омут, полный ледяных ключей. Даже сейчас сквозь века этот голос звенит, как молодой колокольчик. Ни капли не изменился, не стёрся.

– В богатыри не принимают, – на этом фоне голос молодого Стояна кажется скрежетом рубанка. – За претендентом должен явиться калика...

– Оставь этого зануду, – Олег очень хорошо помнил свои слова. Первые слова, сказанные Ксане. – Идём, девица, я тебе все покажу. Меня зовут Олег. А тебя?

Да, Олег тогда не растерялся. Может быть, поэтому она любила его больше других...

– А меня – Ксанка. Я стану сильномогучим богатырём, как Илья Муромский, и докажу, что девица может быть сильнее парня.

Сквозь годы проступает юное девичье личико. Несмотря на подростковую угловатость даже теперь для Олега это самое прекрасное воспоминание.

Её косы были неопрятны и растрёпаны, выбивались из-под косынки, но от этого выглядели ещё привлекательней. В тот день на Ксанке было тёмное платье с подолом до земли, и это никак не мешало ей порхать, словно пташка. Глаза у девицы озорные и упрямые, обнажённые до локтей руки всегда исцарапанные и грязные. Да и лицо чумазое. Но, странное

дело, от этого девушка делается лишь милей.

А ещё у неё кинжалы. Целых двенадцать штук заткнуты за пояс, торчат в разные стороны. Два из них в запястных ножнах, один пристегнут ремешком к правой лодыжке. Это, конечно же, секрет, но Ксанка открыла его почти сразу, не успев толком познакомиться с ребятами. Впрочем, девушка, как и все дивы, умела чувствовать живую природу. В том числе и людей. Ей ли было не знать, что перед ней стоят два будущих её лучших друга. А быть может, и больше, чем друга.

А ещё она умела заставить свои кинжалы танцевать. Все двенадцать разом. И не было в мире зрелища более прекрасного, а впоследствии – и смертоносного.

Конечно же, Стоян оказался прав – её не приняли в школу, хотя калики взглянули на неё – невозможно отказать такой милой и полной энтузиазма девушке. Но земной тяги в ней было очень мало, и путь в школу богатырей закрылся, не успев толком поманить. Ксанка перепутала силу, движущую кинжалы, с земной тягой. Она была дивом и использовала природную силу сырой земли.

Олег вспомнил Любимку, который попал в ту же ситуацию и все же стал богатырём. Да. Любим не умеет отступать, а Ксанка не умела огорчаться. Едва ей объяснили, что она никогда не станет богатырём, она нахмурилась, прикусила тонкую губу, раздумывая. Они с Олегом стояли напротив неё, и оба любовались этим захватывающим зрелищем. Тогда и родился их треугольник.

А Ксанка хитро улыбнулась и объявила:

– Хорошо. Тогда у меня новая мечта! Вы двое учитесь и становитесь богатырями, а я ни в чем вам не уступлю. Клянусь моими танцующими кинжалами!

И она звонко рассмеялась.

Мельтешение образов и воспоминаний. Потом было много всего. Стоян боролся с Олегом за её внимание, она смеялась и давала надежду то одному, то другому.

– Ха-ха-ха! Два богатыря бегают за обыкновенной дивой! Это ли не значит, что я сильнее богатырей?

Олегу вспомнилось счастье, когда он обнаружил в себе каличье чутье. «Я – самый молодой калика! Ха-ха! То-то Стояшка разозлится!»

А потом настал роковой день. Стоян не просто обнаружил чутье калики, но сразу же разглядел в молодом и неотёсанном паренёчке с простым именем Иваш серьёзный потенциал земной тяги. Опытные калики глядели – не углядели, а он смог. А потом ещё и не побоялся отстоять своё мнение перед первым богатырём и князем.

Эта весть облетела всю Москву, а потом и все княжество. О самом молодом калике Олеге тут же позабыли. Зато о Стояне гутарили по всем корчмам: мол, молод, а чутье на земную тягу имеет такое, что творит настоящие чудеса.

Олег до сих пор помнил свою боль и досаду. В кои веки сумел серьёзно обойти Стояна, и на тебе...

Молодой Стоянка ходил петухом: грудь вперёд, хвост рас-

пушил по пёрышку. Перед Ксанкой, конечно же. А Олегу прямо сказал:

– Никогда тебе меня не обойти. Вся жизнь вторым проходишь. Так и с Ксанкой будет.

Тогда и ударило в голову Олега. Всю ночь он промаялся, а утром взобрался на колокольню Архангельского собора и забил во все колокола. Собрался люд – что случилось, отчего набат? Тут и объявил Олег:

– Клянусь сильномогучего тягателя отыскать и вырастить из него нового сильномогучего богатыря.

Грянул гром, ахнули люди. Стоян лично пытался отговорить дурня. Но явился князь Александр, узнав, что к чему, помрачнел. Всяк в княжестве помнит его слова:

– Не давши слово – крепись, давши – держись. Да будет так. Если кто калику Олега увидит – гоните в шею с московской земли. Нет ему здесь места, пока клятву не исполнит.

Ахнула Ксанка, подскочила к Стояну и крикнула:

– Специально ты такое натворил! Не прощу тебя! Уйду вместе с Олегом!

Только знал Олег, что идёт он туда – не знаю куда, да ещё за тем, чего не может быть. Ибо уже давно не родила земля русская тягателей с таким количеством земной тяги. Не пожелал он Ксанке такой судьбы, прогнал.

– Ступай к Стояну. Или меня жди. Я вернусь и стану первым каликой. Вот тогда и поговорим.

Эти слова уязвили гордую девицу прямо в сердце.

– Ах так! Не нужна я вам?! Ну и ладно! Клянусь, что стану сильнее богатырей! Ненавижу вас! Вернусь и отомщу!

С тех пор прошло четыре года. Ни слуху ни духу не было от Олега. И про Ксанку ничего не слышно. Как в воду канули.

А потом Олег вернулся с Несмеяной и разом исполнил половину обещания. А Ксанка так и не вернулась. Полдня они тогда с Олегом сидели в горнице богатырей и вспоминали. А теперь ясно стало, что не забыла девица свои злые слова. Связалась с силами, которые против богатырей пакости замышляют...

Все эти воспоминания молнией мелькнули меж двумя богатырями, в горнице не успело пройти пары мгновений.

– Это та самая, из-за которой... – бухнул Фёдор и указал пальцем на Олега. Дыня молча двинул его локтем в бок. Несмотря на доспехи, богатырь захлебнулся словами. – Гхм! Понял...

– Тоже див, – продолжал Горшик, словно ничего не замечая. – Пыталась поступить в школу богатырей. Ей отказали по причине малого количества земной тяги. Девка озлилась и поклялась быть не слабее своих сверстников, попавших в школу. После случая с Олегом покинула княжество и порвала все связи. Где была – неизвестно. Это первый контакт после ухода.

В горнице повисла тишина. Казалось, что сильнее других молчат Стоян и Олег. Горшик поднял следующий рисунок:

маленький человек со светлыми волосами и с разделённым лицом – одна половина невинная и улыбающаяся, вторая – с дьявольской усмешкой и красным цветом зрачка.

– Лютик. Одержимник. Участник отряда Полуночи. Внут-ри носителя – демон Услады. Оружие – музыка, в более ши-роком смысле – звук и вибрации. Считался погибшим, где был все эти годы – неизвестно.

– Уже известно, – поднял руку Фёдор и грузно придвинул-ся к столу. – Я отыскал Сойку рядом с деревенькой одной – Ухабинцы зовётся, в Малороссии на границе. То ли ихняя, то ли наша. Там тихо, спокойно, как теперь выясняется, от того, что заправлял в ней одержимый человек. Вот этот.

Он ткнул пальцем в изображение парня.

– Интересно получается, – проговорил урядник со свое-го места. – Одному из богатырей было известно местополо-жение опасного преступника, но ни князь, ни глава тайной службы... – он покосился на Горшика, – об этом ни сном ни духом...

Сказал и тут же замолчал – мол, продолжайте, это просто мысли вслух.

– Говорю же, не знал я, – повторил грузный калика. – Сой-ка мне не рассказала ничего. Тихая деревенька...

– А про испытания в том приказе князя что говорится? – спросил Савелий. – Не стоит ли их прервать? До тех пор, пока мы не остановим эту группу.

Он повёл рукою в сторону картинок на столе.

– Примерно это нам и приказали. Только вот останавливать испытания нам не позволено. Князь обещает, что задержит наблюдателей, которые должны прибыть на испытание, на один день. Они считают, этого должно хватить...

– Узнаю подчёрк Харитона, – каркнул из своего угла Фрол. – Как всегда считает, что все учёл и лучше нас все знает.

Горшик поднял взгляд от сложенных на столе рук и пристально поглядел на урядника.

– Надо признать, – сказал Стоян, – что время и правда подобрано верно. Сегодня Стражи Древа передали сигнал, что их отряд покинул Чашу Хруста. Мы уверены, что день они потратят на отдых. Потом отправятся к пещере Душ. Мы как раз успеваем перехватить их там.

– Не забывайте Вия, – каркнул из угла Фрол. – Наш уважаемый Харитон считает, что этот враг тоже отправился в Запредельный лес.

– Мне сказали, что Вия можно не опасаться. Он утратил силу и ещё долго ничего не сможет сделать, – молвил Стоян. – О нем в приказе ничего не говорится.

Горшик придвинулся и заговорил:

– Я предлагаю отправить небольшой отряд. В отряде должно быть достаточно богатырей, чтобы без труда одолеть противника и помешать их планам.

Стоян запустил руку в бороду. Волоски тихо хрустели под крепкими ногтями.

– Да, это будет наилучшим выходом. Подготовка полигона почти закончена, до прибытия наблюдателей с учётом задержки, обещанной из Москвы, два дня. К тому же теперь у нас есть один дополнительный богатырь, – он глянул в сторону Болта. Воронёный остался невозмутим, зато Фрол зашевелился, закричал. – Если поторопимся, то успеем до начала испытания.

Он откинулся на скамье. Горшик молвил тихим голосом:

– По нашим данным каждый из вышеназванных ведёт с собой по простому человеку. С Шустром идёт Иваш – сбежавший бывший богатырь.

– Да, сбежал прямо из-под носа у богатырей и писарей, – язвительно вставил Фрол.

– Ксана ведёт парня из далёкой северной деревни. Известно то поселение тем, что в нем родился Кречет – самый безумный из Полуночников.

Богатыри переглянулись.

– Лютик шёл один, но в Мокеевке на скорую руку захватил мальчишку из местных. Имя – Прут.

– Эти трое нам не опасны, – молвил Стоян. – Проблемы может доставить первая тройца.

– Кто пойдёт? – спросил Горшик.

– Я! – поднял руку Олег. – Любим рвётся спасти Прутика, я считаю, что для подготовки к испытаниям ему полезно...

– Нет! – каркнул Фрол и хищно подался вперёд. – Олег, не играй со мной. Ты прекрасно знаешь, что Любим... эээ...

дорог князю. Делайте что хотите, но Любим должен остаться под присмотром в лагере.

Он замолчал, втянувшись обратно в полумрак своего угла. Лицо калики сделалось упрямым.

– Не тебе решать, урядник. Это наши богатырские дела. И потом, Стоян – ты же обещал парню.

Первый наставник смутился и опустил глаза.

– Я обещал, чтобы унять прыть Любима. Он порывался залезть в Чашу Хруста, а это верная погибель.

– Уж не хочешь ли ты сказать?.. – Олег отпрянул, словно не верил собственным глазам.

Стоян досадливо отмахнулся.

– Моё мнение тут не важно. Про Любима в приказе из Москвы тоже сказано. Все тягатели должны остаться на полигоне. Так что, Олег, подбери себе трёх спутников. Думаю, этого будет достаточно.

Олег хотел что-то возразить, но удержался. Скамья скрипнула под ним.

– Хорошо, – проговорил он, хмуро зыря на Стояна. – Отпусти со мной Дыню, кого-то из писарей и... – он поглядел на Фёдора. – Пойдёшь? У твоей подопечной счёты с Лютиком.

– Оно мне надо? – здоровяк широко зевнул. – Я ж девицу убедил, что не её это дело. Я лучше моих лишний раз погоняю. Должны же мы победить...

– Хорошо, возьму Тавра, – сказал Олег.

Один из средних богатырей молча кивнул.

– Добро, – Стоян поднялся. – Испытания проведём через два дня. Завтра явятся наблюдатели, послезавтра объявим день отдыха и тишины. К тому времени вопрос должен быть решён.

Олег пожал плечами.

– Не думаю, что будут проблемы. Они сами загнали себя в западню. Им просто некуда деться.

– Вот и славно, – урядник тоже поднялся. – Не забудьте провести с отроком беседу. Он же неуправляемый, обязательно полезет, куда не след...

И в очень довольном расположении духа он удалился. Стали расходиться и остальные. На крыльце первый наставник остановился рядом с Олегом. Обоих распирало заговорить о Ксане, но Стоян сказал:

– Чего-то урядник больно довольный?

– Не к добру, – поправил Прозорливую Суму калика. – Ты говорил, что на Костяя напал кто-то, умеющий запирать земную тягу? Разве Болт этим не славен?

– Это слишком серьёзное обвинение, чтобы я мог заявить об этом сейчас, – молвил наставник и вздохнул. – Мне испытание надобно провести, и междоусобица – последнее, что бы я хотел здесь увидеть.

– Иногда я рад, что тогда ушёл из княжества, – невесело проговорил Олег. – По крайней мере я – вольный человек. Надо мной нет твоих обязанностей.

– Правильно, ты всегда был поглупее меня, – рассмеялся Стоян.

После пары минут пререканий и шуточек, опять посерьёзнили.

– Что с Любимом делать станем? – спросил Олег. – Я обещал ему все рассказывать...

– Любиму следует думать совсем о другом, – нахмурился Стоян. – Моргулы никак не идут у меня из головы. Мы отогнали их, но как бы они не вернулись в самый неподходящий момент. На испытании, например.

– Любим об этом даже не думает. Он очень сдружился с этим Прутиком. Добровольно не откажется от мысли пойти ему на помощь.

– Есть у меня одна идея, Яга подсказала, – задумчиво проговорил Стоян. – Она может разом решить все проблемы. Научить Любима обращаться с тягой и волной, укрепит его перед лицом темных тварей и отвлечёт от спасения Прутика...

– Но?.. – поглядел на него Олег. – Наверняка у этого способа огромное «но».

– Но ему как-то надо выжить.

Олег с тревогой глянул на Стояна, тот никак не показал, что шутит.

Сказ 11 – Любимка против Несмеяны

После собрания все шло своим чередом: тягатели пообедали, отдохнули, сбегали вокруг котлована. Потом Стоян собрал всех на краю обрыва.

– Я долго думал, – сказал он, – и, наконец, решил. Настало время испытать силу Несмеяны – здесь от неё никто не пострадает.

– Как же никто? А мы?! – заволновался Ярополк.

Лексий смотрел скептически. У Любима загорелись глаза.

– Ёшки-матрёшки! Наконец-то я увижу сильномогучего тягателя в деле!..

Он подался вперёд.

– Внимание! – выкрикнул Стоян. – Поединок. Несмеяна против...

В лесу сделалось тихо. Любимка запрыгал, вытягивая руку:

– Я. Я. Я.

Сердце прыгало в груди вместе с ним.

– Да угомонись уже, – дёрнул его Ярополк. – Такого слабака никогда не выберут...

– ...Любим! – закончил наставник. Тягатели притихли и сразу загомонили с новой силой.

– Что? – опешил отрок. – Дядька Стоян... Вы меня признали?

На лице отрока расплылась самая дурацкая улыбка в мире. Он вскинул кулак и заорал во все лёгкие:

– Да! Обещаю – не посрамлю! Покажу себя!

– Тихо-тихо, успокойся, – улыбнулся Стоян. – Я выбрал тебя, потому что ты и так проклят – тебя не жалко. – Тягатели засмеялись, Димитрий многозначительно переглянулся с Лексием и Матфеем. – К тому же ты всегда умудряешься выбраться из любых передраг, – серьёзно добавил наставник, – авось и здесь выживешь. – Любимка засмеялся, но, поймав колючий взгляд наставника, осёкся. По спине пробрало морозом – похоже, дядька Стоян не шутит. – На краю полигона мы расчистили специальное место. Во-он там, рядом с раскидистым дубом.

– А я знаю. Мы там вчера с каликами... – Любимка осёкся – разговор о странных людях в Чаше Хруста должен был остаться секретом. Он покраснел и смутился.

К счастью, тягатели давно уже воспринимали его вопли как ничего не значащий шум – навроде шелеста листвы или свиста сверчка.

Путь вниз оказался не таким уж и крутым, зато длинным – огибающим котлован почти на четверть. Когда спустились, большинство тягателей запыхалось и вспотело. Лишь потомственные и Несмеяна выглядели как ни в чем не бывало.

Пройдя у самой стены, тягатели с любопытством погля-

дывали на полигон. Одно дело – пялиться сверху, совсем другое – увидеть все вблизи. Хотя ничего толком разглядеть не удалось – от полигона их отделяла высокая зелёная стена из переплетённых колючих ветвей, поросших плющом. У огромного раскидистого дуба она отклонялась вглубь, а потом вновь прижималась к склону.

– Все отходим и прячемся во-он за те деревья, – скомандовал Стоян. – Я не шучу: Несмеяна – сильномогучий тягатель, даже потомственные могут пострадать.

– А как же вы? – спросил Лексий. – Небось, останетесь и станете смотреть?

– Нет уж, – Стоян зябко передёрнул плечами. – Я предпочитаю наблюдать за этим с помощью...

Глиняша на его плече шевельнулся и оторвал от себя осязаемый кусок. Глина зашевелилась и превратилась в ещё одного человечка, только крохотного и без рубинчиков.

– Ой, что будет, – пискнул Наум и опрометью бросился к далёким деревьям. – Наставник даже Глиняшу бережёт.

Тягатели потянулись в укрытие, Любимка с Несмеяной остались стоять друг напротив друга. Отрок ощущал себя необычно. С одной стороны – это ж Несмеянка. Хоть и нелюдимая и печальная, а все же своя. Притерпелся уже, она – как сестра. С другой стороны – ощущал в ней что-то чужое, опасное, отчего девушка сама страдает и может заставить страдать других.

Стоян отошёл не так далеко, как остальные. Пух! Волосы

его дрогнули и невесомо поплыли по воздуху.

– Высвободи силу! – крикнул Несмеяне. – Тебе это пойдёт на пользу.

– Но я не хочу, – ответила Несмеяна. – Не хочу никому навредить.

– Мы здесь как раз для того, чтобы ты никогда больше не могла никому навредить, – крикнул первый наставник. – Здесь никого лишнего. Коли ты навредишь тягателю – стало быть, он не достоин проходить испытание. Не сдерживай себя, Несмеяна. Начинай. – Девушка все ещё медлила. – Я знаю про твои срывы, – сказал Стоян уже тише. Несмеяна и Любим слышали его голос, а вот отошедшие к деревьям тягатели нет. – Энергия земной тяги копится в тебе и переполняет. Сколь бы ты ни сдерживалась, рано или поздно она все равно выплеснется. Сделай это здесь и сейчас, и живи спокойно целые месяцы. Так тебе легче будет на испытании.

Любимка ощутил холодок в груди. Дядька Стоян говорит так, словно внутри Несмеяны сидит стихийное бедствие и вырывается время от времени.

«Тем лучше, – подумал он. – Значит, наставник поверил в меня. Я не подведу!»

– Не бойсь, Несмеяна, – сказал. – Я стану хорошим громоотводом.

И улыбнулся. Девушка вздохнула и начала.

Среди гигантских ветвей дуба метнулся ветер, рванул волосы Любима. Сверху упала листва, кусочки коры и мелкий

мусор. Начала подрагивать земля – ощутил даже через толстую подошву сапог.

Лицо Несмеяны кривилось и ломалось, словно она не могла решить, какое настроение ей по душе. А потом... Любимка не поверил своим глазам – лицо девушки исказили эмоции радости. Они были столь непривычны для всегда печальной Несмеянки, что казались неуместными. Сердце отрока сжалось, он отступил на шаг – почудилось что-то демоническое в этом веселье.

– Хе... – губы девушки искривила усмешка, глаза сверкали. – Наконец-то! Как долго я терпела...

Гул нарастал, вибрация через ноги вгрызалась во внутренности. Любимка ощутил, как бурчит в животе. Поспешно переступил с ноги на ногу, чтобы хоть на миг прервать контакт с дрожащей землёй, но теперь вибрировал сам воздух, само пространство.

– Мечи-калачи! Что мне делать-то? Я должен на неё напасть? – выкрикнул он.

– Постарайся остаться живым, – объяснил направленный голос Стояна. Самого наставника нигде не видеть. Крохотный любимец схоронился под самые корни дерева.

– Прости, Любим... – сказала Несмеяна сквозь страшное веселье. – Я уже не смогу это остановить... Я так долго... удерживала себя... Не смогу...

А потом мир обрушился на Любимку. Его сорвало с места, закружило и грянуло о деревья. Деревья? Нет, это были

уже сломленные стволы. Любимка сжался и попытался удержать себя целым. Перед глазами упали капли, их тут же смыло. Они упали ещё раз. В кармане разогрелся и засиял Глаз Ворона. Любимка ощутил прохладное покалывание по всему телу. Это означало, что угроза была повсюду. Ощущение свежести сдуло, словно попал в чудовищный вихрь, который способен был слизнуть кожу, оставив одно дымящееся мясо. Мир сошёл с ума. Любимка уже ничего не понимал и ничего не видел, он просто пытался выжить.

В пространстве перед Несмеяной родился и ударил перед собой скрученный жгут силы – земная тяга была столь плотно сжата, что отрок мог видеть её невооружённым взглядом. Едва родившись, она закрутилась и взвилась вверх, как огромное щупальце гигантского осьминога. Вверху щупальце разделилось на два почти бесплотных хлыста, которые тут же напитались энергией и сделались толще исходного. Потом разделились ещё и ещё раз. Теперь Несмеяна и правда напоминала чудовищного осьминога с девятью хвостами.

Граум! Один из хлыстов-щупалец упал на землю. Земля треснула, пласты сдвинулись, образуя ступеньку высотой в несколько саженей. Земля на срезе спёкшаяся и почерневшая, словно её опалил змеиный огонь.

Любимка стоял посреди этого хаоса ни жив ни мёртв. Если такой ударчик придётся по нему, никакая волна или тяга не спасут – точно так же располовинит...

Хрясь! Хрясь! Граум! Три удара слились в один. Три жгу-

та мощи ударили прямо туда, где стоял Любимка. Он приоткрыл один глаз. Потом второй. Я жив? Только и успел, что зажмуриться – самая детская из всех защит.

За спиной раздался ужасающий хруст. Обернулся и онемел от ужаса: через ствол дуба крестом легли две трещины, которые со скрежетом начали шириться. Любимка стоял прямоком между ними, шкурой ощущая, как ему повезло.

Огромное дерево неспешно распалось на четыре куска. Боковые замедленно упали в разные стороны, тот, что сверху, резко просел, помедлил и завалился назад. На месте чудовищного дуба осталась торчать к небу обгрызенная со всех концов гигантская щепка.

Перед глазами вновь полыхнули капли. Их сорвало и утащило без следа. Пыхнул прохладой Глаз Ворона. Её тоже смыло и утащило.

Упрямо наклонил голову и повернулся и Несмеяне. Девушка больше не стояла перед ним: она поднялась над землёй, под ней ширилась и углублялась воронка – земная тяга была столь плотной, что девушку выдавливало вверх. Ужасные жгуты силы изгибались и бились вокруг, теперь больше похожие на молнии.

– Мечи-калачи! – закричал Любимка и понял, что не слышит своего голоса. – Я не могу проиграть!

Он прикрылся рукавом и шагнул к девице. Его откинуло назад. Напряг мышцы и устоял. Лишь ноги пропороли в дёрне две полосы.

– Врёшь! Не возьмёшь!

Он снова ступил вперёд. Один из жгутов-щупалец ударил совсем рядом. Любимку отбросило назад и впечатало в остатки дуба.

– Я не сдамся! – закричал он. Связки вылетели изо рта лоскутками, под кожей лопались капилляры. – Я стану сильномогучим!

Он сделал ещё один шаг. Капли и вспышки прохлады появлялись и исчезали постоянно. И тут его захлестнуло одним жгутом. Небо расколосось красными трещинами и осыпалось на бедную голову Любима. Перед зрачками плыли тёмные кляксы. Глаз Ворона непрерывно качал тягу, а между ними вихрилась тоненькая, но прочная перегородка – природная энергия бабуся. Она связала воедино тёмную каплю и земную тягу, и силовые жгуты Несмеяны больше не могли их смыть.

Его закрутило и понесло, как сорванный ветром лист. Но теперь он знал, что выстоит. Темные капли замедлили время, земную тягу направил в ноги, представляя, как они тяжелеют. Хаотичное движение прекратилось. Косым росчерком поделил небо и воткнулся в землю. Несмеяна все ещё висела, разнося в щепки остатки дуба.

– Я стану сильномогучим! – прокричал Любимка и удивлённо понял, что все ещё может издавать звуки. – Вперёд!

Он выдрал ноги из мягкой земли и двинулся на Несмеяну. Кляксы кружились перед глазами, выпивая силу тела,

но земная тяга возвращала её и поддерживала. Впервые Любимка мог использовать силу перводемона так долго и так осознанно.

Продавливаясь через затвердевший воздух было вдвойне сложно, ведь никуда не исчез мощный ветер, который исходил от девушки. Но зато жгуты мощи двигались очень медленно, и он мог изменить направление движения, чтобы избежать их.

Голова Несмеяны была запрокинута, глаза закатились, на лице застыла чудовищная радость.

– Радость, – проговорил Любимка. – Ёшки-матрёшки! Так вот отчего ты всегда грустная. Ты бережёшь нас!

Ближе. Ещё. Он совсем рядом, уткнулся в кокон мощи, который свила вокруг себя девушка. Воздух трещал от напряжения, уворачиваться от жгутов стало тяжелее. Каждое его неловкое движение Несмеяна встречала взрывом хохота.

– Несмеяна! – крикнул он. – Вернись! Ты выпустила пар, не надо больше!

Бац! Его стегнуло жгутом, едва не сорвав тёмные капли с глаз. Закричал от боли и досады. Сверху донёсся хохот.

Она меня не слышит.

– Ах, ты так! Я заставлю тебя очнуться. Есть же у тебя сердце.

И он ступил прямо под удары щупалец.

Бах! Бах! Бах! Любимка подумал, что настал его конец. Он больше не мог удерживать концентрацию. Тонкая пере-

мышка природной силы, стягивающая вместе тёмную волну и земную тягу, гнулась и ломалась. Он кричал и плакал одновременно.

Любимка знал – достаточно сделать шаг назад и все кончится. Но он упрямо прижимался к оболочке мощи Несмеяны.

– Мечи-калачи! Есть у тебя сердце! Есть?!

Девушка перестала хохотать, радужки выкатились из-под век, в них появилось недоумение.

Бах-бах-бах-бах! Теперь щупальца мощи били целенаправленно и не переставая. Земля под ногами Любимки превратилась в бурлящее месиво. Он словно стоял в кипящем котле. Только вот кипела и исходила пузырями сама земля.

Ничего не видел, ничего не слышал. Лишь сжался в комок и изо всех сил прижимался к кокону мощи. У него больше не было разумных мыслей. Осталось одно единственное стремление, которое он сделал смыслом своего существования.

Несмеяна нахмурилась. Как такое может быть? Это уже не весело. Это...

Небо потемнело и покрылось тучами. Сверкнула молния. Кокон мощи распался, щупальца пошли вразнос, истончились и с неровным свистом пропали. Сапоги Несмеяны мягко коснулись земли.

Они стояли друг перед другом. Печальная Несмеяна и избитый пережёванный Любим. Он поднял на неё взгляд. На почерневшем от синяков лице сияли чистые голубые глаза.

Как кусочки неба.

– Теперь я понимаю, отчего ты такая печальная, – проговорил Любимка. – Бережёшь нас. Эмоции радости гораздо мощнее эмоций печали.

Девушка тяжело вздохнула. «Я же говорила, что не надо было этого затевать», – всем видом говорила она.

– Несмеяна. Это было не зря, – закричал Любим. – Теперь я тебя понимаю. И я тебе обещаю, Несмеянка. Клянусь! Мы с тобой ещё повеселимся прямо на Соборной площади Кремля. Ты будешь хохотать в полный голос, и никому от этого не станет плохо.

Сказал и сел наземь – ноги больше не держали. Несмеяна поглядела на него и вдруг улыбнулась. Слабенько, почти незаметно, и это была простая человеческая улыбка.

Хрясь! Через пустое пространство легла трещина. Несмеяна приняла свой обычный мрачный вид и тяжело вздохнула.

– Спасибо, Любим. Я никогда не забуду твоих слов...

– Ух! У-у-у! Ух! У-у-у!

Словно гигантский кузнечик, делая огромные дуги, к ним прыгала ступа. В ней сидела Яга и отталкивалась метлой от земли, прутья пружинили и выстреливали ступу на огромные расстояния.

Из укрытия к ним шагал Стоян. К тягателям они подобрались одновременно. Яга лихо затормозила и соскочила со ступы.

– А я ить говорила! Говорила, да! – торжествуя, кричала

она.

– Да, говорила, – хмуро кивнул Стоян, склонившись над Любимом и исследуя его синяки. Отрок морщился и отдёргивала голову.

– Дядька Стоян. Хватит меня тыкать! На мне как на собаке...

– Да нет, от таких ран любая собака издохнет...

– А я гутарила! Не зряй моя банька была! А? Касатик?

Яга была очень довольна собой.

– Это было слишком опасно! Больше ты меня на такое не уговоришь. Когда его поперёк туловища бахнуло, думал все – останутся от тягателя две половинки. А он ещё и специально под удары полез.

Любимка ощутил холодок внизу живота.

– Ёшки-матрёшки! Как это две половинки? Разве не все оговорено было?

– Я верила! – бодро ответила бабушка.

– А я надеялся, – криво ухмыльнулся Стоян. В его побледневшие щеки медленно возвращалась кровь.

– А дерево удачно разнесли, – отвернулся от Любимки Стоян. – В этом я не ошибся.

– Да, спасибо, касатик. Страсть как надоело поливать, подстригать. Умаешься, целый день почитай уходил. А теперачи чай? Нетуй дерева – нетуй проблем! Ха! Молодцы тягатели!

После поединка Любимка храбрился, заявил, что готов

бежать вместе со всеми вокруг полигона. Но сил хватило лишь взобраться наверх и кое-как доковылять до терема тягателей.

– Несмеяна и Любим свободны, остальные приступают к занятиям, – объявил Стоян.

– А чего это им такие поблажки?.. – сунулся было Ярополк. Небо нахмурилось, порыв ветра дёрнул волосы.

– Если желаешь, можем повторить, – улыбнулся наставник. – Я думаю, Несмеяна не будет против?

Он поглядел на девушку, та тяжело вздохнула. Сын воеводы заткнулся. Любимка пытался протестовать, но силы совсем оставили его – едва не упал.

– Топай-топай, – сказал ему Стоян. – Ты заслужил отдых.

Любимка ощущал страшную слабость и упадок сил. Только это не позволило ему спорить дальше. Не хватало ещё при Ярике сомлеть и упасть в обморок. То-то смеху бы было.

На подгибающихся дрожащих ногах добрал до лежака и рухнул в полный рост. Заснул уже в воздухе, и даже осязаемый удар головой о дощатый настил не пробудил его.

Снилось ему, что Несмеяна все ещё перед ним. Жгуты мощи бьют, не переставая, а он даже не может пошевелиться.

– Ну же! Я должен это сделать! Иначе не стань мне сильномогучим...

И тут один жгут попал прямо по плечу. Боли не было, сознание не покинуло его. Любимка просто полетел, вращаясь и ощущая себя заключённым в кусок камня. А потом этот

камень треснул...

Шух. Любимка открыл глаза. Над ним склонилась тёмная фигура. Одна рука приложена к груди, вторая ко лбу. Над темным платом мерцают два внимательных жестоких глаза.

– Тяга земли! – голос, который ни с чем нельзя перепутать. – В тебе её нет! – Глаза воронёного расширились, он отпрянул, как от чумного. И тут в кармашке ожил Глаз Ворона – земная тяга заполнила тело Любимки, как вода пустой сосуд. Богатырь прищурился, его ладони снова легли на Любима: одна – на лоб, вторая – на грудь. – Так вот в чем секрет...

Любимка ощутил, как рука, что на животе, вытягивает из него энергию, а та, что на лбу, наоборот – отдаёт. Потoki земной тяги выправлялись, делались стройными и правильными. Да, именно так. Теперь отрок чувствовал это.

По жилам пронёсся ледяной вихрь, напитывая тело силой. Любимка ощутил, как земная тяга раздула жилы, кровеносные токи потащили её по телу, заполняя самые отдалённые, самые крохотные клеточки. И везде, где они появлялись, происходило восстановление и обновление. Синяки рассасывались на глазах, мелкие разрывы мышц зарастали, дрожь проходила, сила возвращалась.

Любимка ощущал, как тело наполняется мощью. Ощущение было схоже с тем, какое испытал в бане у бабуси Яги.

– Мечи-калачи! – прошептал он. – Так здорово!

Он попытался подняться, но руки воронёного крепко при-

жимали его к лежаку.

– Рано, – донеслось из-под плата.

Глаз Ворона исправно качал тягу. Любимка ощущал, что она двумя большими кругами ходит по телу через приложенные руки богатыря. Когда он отнял ладони, отрок хотел его поблагодарить, но не смог даже пошевелиться.

– Лежи, – тихо сказал Болт. – После прокачки тяги всегда так. Не можешь даже пальцем пошевелить. Когда расслабление пройдёт – станешь как новенький.

– Ёшки-матрёшки, – проговорил Любимка слабо. – Думал, вы злока какой... А вы вона как! Вовек не забуду.

Болт бросил на него странный долгий взгляд. Любимке почудилось в нем что-то затаённое и глубокое. Все изломали морщинки в уголках глаз – Болт ухмылялся.

– Не меня благодари, малыш. Я исполняю волю урядника Фрола.

– Что-о?! – от удивления отрок даже сел. В глазах потемнело, не упал назад только потому, что оперся о растопыренные руки.

– А ещё урядник просил передать – Олег с каликами выходят ближе к полудню. Тебя не берут. Дальше – думай сам.

Шух. Любимка разинул рот, но богатыря больше не было в горнице. Отрок рухнул обратно на лежак и уставился на стропила крыши.

Думай сам.

Он получил помощь от человека, который ненавидел его.

Что это было? Ловушка? Или урядник решил исправиться? Не похоже на него. Уй, как Варвары не хватает!

Думай сам!

Что бы это ни было, Болт не обманул. Расслабленность прошла, и через пару минут уже смог спустить ноги на пол, а ещё через десять даже пройтись по гриднице. Силы возвращались стремительно.

Огляделся по сторонам. Пустые лежаки, из небольших оконцев падают косые лучи. С улицы доносится шелест листьев. И тишина. Только теперь до него дошло, что время побудки давно миновало.

– А где все?! Неужели я проспал, а дядька Стоян не стал будить?!

Любим нахмурился. Это и правда заговор. Все, как и сказал дядька Болт. Хотел уже выскочить во двор, как вдруг услышал под окном шум шагов и голоса.

– Вот урядник прилипчивый. Едва избавился от него. Любим спит?

– Дрыхнит. Со вчера почитай дрыхнит. И сегодня побудку проспал. Послей Несмеянки так просто не встанешь.

Первый голос мужской, будто в чем-то не уверен. Интересно, в чем сомневается дядька Олег? Второй же скрипучий и женский – бабуся Яга.

– Я погляжу?

– Гляди, касатик. Глядий. Сколь влезет...

Любимка юркнул под одеяло. Дыхание сделал глубоким и

медленным. Скрипнула дверь, зашелестела солома на полу. У отрока пот выступил на висках – было очень сложно улежать неподвижно и не сбить дыхание.

Солома ещё какое-то время пошелестела, скрипнула дверь.

– Ну что, унял своей совесть? – скрипнул голос Яги.

– Я ж ему обещал, – в сердцах бросил Олег. – И собирался сдержать обещание. Да только прямой приказ князя. Эх, ничего тут не сделать!

– Ну ты же зашёл, – голос Яги сделался мягче. – И Стоян тебе запретил.

– Со Стояна все как с гуся вода. А мне – противно!..

Голоса отдалились и затихли. Любимка так и подскочил. Мечи-калачи! Обманули! Так я и знал! Взрослым ни на грош доверия нет!

Сел на лежак и начал надевать сапоги. «Не стану я бока отлёживать, пока вы Прутика спасаете. С вами пойду. А то и вовсе опережу. Так и знайте!»

О Болте даже не вспомнил. Ему казалось, что сам очнулся таким бодрым именно в тот момент, когда к нему явился калика. Скатал одеяло с соседнего лежака и сунул под своё: «Пушай думают, что я дрыхну». Отступил на шаг и захихикал, потирая ладошки. Ни за что не догадаются, что меня нет. Ярополку надоест кочергой тыкать, прежде чем поймёт. Выскользнул за дверь. На небе хмурятся тучи. «Эх, Несмеянка. Обязательно придумаю, как тебя спасти. Но не теперь.

Сейчас очередь Прутика». Встал у двери и прислушался: во-круг терема тихо, главное – не наткнуться на Ягу.

К лесу двинулся через задний двор. Здесь лежала куча на-воза, вяло жужжали мухи, бродила одинокая курица.

– Бди! – сказал ей Любимка и перемахнул через забор.

С вершины дерева, стоявшего на другом конце поляны, за ним наблюдали глаза над темным платом. Через пару минут Фрол услышал:

– Надобно выступать. Кубышка заглотила приманку. Ка-лики почти готовы к выходу.

– Ха-ха, – урядник ударил кулаком о ладонь. – Эти бога-тыри – как дети. Легко предугадать любое движение...

Любимка в это время стремительно скользил уже по краю полигона. Впереди росли две берёзки. «Когда миную их, ме-ня уже никто не остановит».

– Фиуть! – Его кувыркнуло по земле. – Куда это ты со-брался? – звонкий девичий голос.

Любимка подскочил и замахал руками:

– Тише! Сойка! Мечи-калачи! Не шуми, не то набегут, разорутся.

Синеволосая девушка наклонила лоб и пошла на него.

– Я уже здесь, – сказала она, – и я орать не стану, а ка-как врежу тебе промеж глаз, чтоб другой раз неповадно было. Не погляжу, что после Несмеянки чуть живой!

– Сойка. Да что я сделал-то?!

Любимка примирительно выставил перед собой ладони.

– Куда это ты собрался? И мне ничего не говоришь?

– Но тебя же твой калика не отпустил. А я обещал Пру...

Она вдруг схватила его за руку и дёрнула вниз. Они ска-
тились по склону и затихли. Наверху раздались шаги, что-то
проговорил знакомый голос. Любимка затаил дыхание. Это
же дядька Стоян. И как его Сойка так рано засекала? А де-
вушка тащила его все дальше.

– Туда давай! – указала она рукой на странное сооружение
из дерева и камня. Они втиснулись в большую щель между
землёй и камнем.

С одной стороны ему в бок упёрся острый выступ, с дру-
гой – мягкий бок девушки. Он ощутил жар. Так близко Сой-
ку ещё не видел. Мог сосчитать каждый синий волосок на
макушке девушки, среди волос виднеются ухо и щека. Кожа
гладкая, с едва заметным пушком. Так и хочется протянуть
руку и коснуться...

– Уф, – сказала Сойка через какое-то время. – Чуть не
попались. Сейчас и остальные появятся. Я нарочно первой
прибегла, как чуяла, что ты фортель выкинешь!

Мгновение – и её уже нет рядом. Мягкое прикосновение
и пушок на щеке исчезли. Остался один каменный выступ,
впившийся в бок. Любимка вздохнул и полез наружу.

– Да что случилось?! Дядька Стоян нас не видел...

– Ну ты даёшь! – синеволосая девушка смотрела почти с
восхищением. – Разве не помнишь – вокруг наставника все-
гда шныряют его любимцы! Если бы хоть один нас заметил...

Любимка испуганно огляделся.

– Может, они все ещё здесь?!

– Нет. В лагере он рассылает их не дальше чем на десяток сажений. Тем более он следит за остальными. Я едва сумела оторваться.

– Сойка, ты просто чудо! – закричал он. Девушка без предупреждения залепила затрещину.

– Ай! За что?!

– За все хорошее! А за плохое щас добавлю!

– Нет-нет-нет! – Любимка подскочил и снова выставил перед собой ладони. – Сойка, Прутик – мой друг. Я не могу его бросить. А тебе не надо его спасать – зачем зря подвергать себя опасности?

– Дурень! – Яростно ударила его Сойка. – Мой друг – ты. И я не могу тебя бросить, хоть ты ещё и тот дурила!

Её пылающий взор прожигал насквозь. Сердце Любимки радостно ёкнуло. Нелюдимая ершистая Сойка назвала его другом. Внезапно вспомнилось девичье хихиканье за банной занавеской: «Любимка... Друг. Просто друг!» Вновь ощутил мягкое прикосновение Сойкиного бока, такого мягкого, нежного... Он покраснел. Вместо радости вдруг окунулся в глухую печаль.

– Друг я вам? Ага! – в голосе звучала детская обида. – Ярополк так у них красавец с носом, а я – просто друг...

Синеволосяя девушка вытаращилась на него, словно не верила собственным ушам. Потом расхохоталась, как сума-

сшедшая.

– Любимка, ну ты даёшь!

Он окончательно потерялся, не зная, куда девать руки и взгляд.

– Чего я даю-то? Неправда рази?

– Идём! – насмешливо сказала Сойка. – Мы же с тобой будущие богатыри, некогда о чувствах думать. – Она отвернулась и зашагала по лесу. Но Любимка заметил, что кончики ушей у неё такие же красные, как его щеки. – Мы должны управиться за день, – немного погодя сказала она. – Я слышала, что испытание раньше, чем послезавтра, не начнут – ждут каких-то шишек из княжеств!

– А ты знаешь, куда идти? – с надеждой спросил он. Это было самое слабое место его плана. Собственно, на этом он и кончался – выберусь из лагеря, а там поглядим.

– Я помню карту, – сказала Сойка. – Скорей всего, они вышли из леса близь гор.

– Ого! Сойка! Тут есть горы?!

Она поглядела на него с восхищением. Девиче хотелось много ему наговорить, но она лишь качнула головой и промолчала. Он же был беззаботен и бодр.

– Я иду, Прутик! Помощь уже в пути!

Золотистая и синяя головы исчезли в лесу.

Сказ 12 – Деревня пёсиглавцев

Прошли меньше версты и оказались у сплошной стены хмурых темных стволов стальных деревьев. Подлесок здесь был заботливо убран, лес просматривался на много шагов вперёд, но от этого не становился более дружелюбным.

Тягатели переглянулись.

– Ты знаешь, боязно одним. Запредельный лес все же... – сказала Сойка и криво улыбнулась. У Любимки гора с плеч упала. Она и правда ведёт себя с ним, как с другом – кому, как ни другу, поведать о собственных страхах.

– Не бойсь, Сойка. Сам боюсь.

Оба расхохотались, как два дурачка. Сразу полегчало. Переглянувшись, двинулись дальше. Чем глубже заходили в лес, тем больше страха выдавливалось бесшабашным ощущением свободы. Когда впереди показались первые кусты, и стало совсем темно, Любимка вдруг раскинул руки и закричал:

– Эгей! Мы – вольные тягатели! Мы свободны! Свободны!

А Сойка просто вставила в рот два пальца и выдала лихой свист. После этого их страхи окончательно испарились. Какие там одержимые звери, тёмные твари и злобные люди?! В тот момент ничто не могло их испугать. Все было им по плечу.

Друзья весело топали по лесу, дурачились, смеялись. За-

дирали головы и пытались разглядеть небо. На какое-то время они совершенно забыли, зачем и куда идут.

– Ты знаешь, Любим, – сказала Сойка. – Я никогда не была так счастлива... – Она вновь пронзительно и лихо свистнула, а Любимка просто хохотал от души, зная, что ему с ней не тягаться. – Даже когда вырвалась из Ухабинцев, – сказала она, все ещё улыбаясь.

Вверху, у самых крон деревьев, пронеслась тень. Сразу сделалось зябко и неудобно. Любимка вдруг ощутил себя маленьким, одиноким и слабым. Тени опустились из-под крон и закружились вокруг двух замерших людей.

Моргулы? Совсем забыл про темных тварей. Неужели они вернутся в такой неподходящий момент?

Взгляд его упал на Сойку – синеволосяя девушка ёжилась, обхватив себя за плечи.

Он представил, что она все детство провела в унылой деревне, где заправлял неуравновешенный и злобный Лютик. Представил, каково это – потерять друга, все время быть рядом с тем, кто погубил его, и ничего не мочь сделать. Нельзя уйти. Нельзя отомстить. Нельзя прекратить эту муку...

Он вдруг ощутил боль. Настоящую физическую боль, которая пронзила его. Темные капли колыхнулись перед глазами, недоумевая. Защитить! Где опасность?

– Уйдите, – шепнул им Любимка. – Сам управлюсь.

– Сойка, – сказал он и замолчал. Слов не было. Слова просто не вмещали того, что сейчас творилось в его душе, и чем

он хотел поделиться.

Тени отпрянули от него, словно обожглись. Моргулы не придут. Ныне им нет места в его душе. Не сомневаясь более, решительно шагнул к девушке. Руки бережно легли ей на плечи, глаза взглянули в глаза. Сойка смотрела потерянно, с лёгким испугом. Её синие волосы перепутались, на щеке царапина, одна ресничка выпала и висит совсем рядом с глазом. «Как бы не попала», – подумал Любимка и едва не рассмеялся – на душе сделалось легко и покойно.

– Сойка, ты назвала меня другом!.. – он послунявил мизинец и аккуратно вынул ресничку. – Ёшки-матрёшки! Ты не представляешь, как много это для меня значит. Я тебе обещаю: ты больше не будешь одна. Я всегда тебе помогу. Забудь то время, когда была одна. Погибшего товарища помни, а чувство одиночества – забудь.

И, подчиняясь порыву, он прижал её к себе. Она напряглась в его руках, а потом дрогнула и расслабилась.

– Спасибо... – тихо, как ветер, прозвучало под сводами леса.

Спустя какое-то время они отпрянули друг от друга и немного смущённо отвернулись в разные стороны.

– Ну... Это... Ёшки-матрёшки, – сказал Любимка. – Идём что ль?

– Конечно, – криво улыбнулась синеволосая девушка и снова стала сама собой – лихой и бесшабашной Сойкой, внучкой самого известного разбойника. – Вернём твоего

Прутика, а потом таких дел наворотим – все семь княжеств вздрогнут.

– Семь? Это какие же? Москва, Новгород, Минск, Тула, Сеча, Тмутаракань... Какое седьмое?!

– А ты разве не слыхал легенду о тайном княжестве?! – глаза Сойки заблестели.

– Нет! Расскажи...

– Слушай! Я посвящу тебя в эту тайну...

Громко болтая и хохоча, они все дальше углублялись в хмурые Запредельные леса...

Нападение было стремительным и незаметным. Ни Сойка, ни – тем более – Любимка ничего не успели заметить.

Из-за ближайшего толстого ствола выметнулось нечто пёстрое и стремительное. Раз! Сойка улетела меж стволов, не успев даже пикнуть. Раз! Любима в грудь припечатало чем-то жёстким с острыми краями. В потайном кармашке проснулся Глаз Ворона. Земная тяга погасила удар и защитила тело. Перед глазами расплылись капли. Время замедлилось. Успел ощутить окружающее пространство и сориентироваться. Рукой ухватился за проносящуюся рядом ветвь, изменяя движение полёта. Ногами оттолкнулся от ствола и встал в боевую стойку.

На том месте, где они только что шагали, стояло странное существо: крупное, выше взрослого человека, плечи широкие, бугрятся мускулами, поросли жёсткой шерстью рыжеватого пятнистого окраса, задние ноги толстые, мощные, но,

скорее, волчьи, нежели человечесьи, а на плечах сидит оскаленная собачья голова с торчащими треугольными ушами.

– P-рау! – сказала морда, уставившись на отрока злыми рыжими глазами.

– Мечи-калачи! – завопил Любимка. – Чего мы тебе сделали?!

Там, куда улетела Сойка, зашуршало и охнуло – девица появилась вся в хвое и опавших листьях, в волосах запутались сучки.

– Ты сам напросился, – рявкнула девчонка, поднося пальцы к губам.

– Сиу-сиу-сиу! З-зец-з-зец!

Любимка узнал режущий свист и поспешно убрался в сторону. Хорошо помнил, как Лексий остался без рубашки. Чудище резко отвернулось и встопорщило шерсть на загривке. Его сбило с ног, мохнатая фигура с визгом кувыркнулась меж толстых корней. Но когда чудище поднялось, заметных повреждений на нем не было.

– У него такая же шкура, как у бера, – сказал Любимка. – Теперь моя очередь.

Вдарил чудищу в незащищённый бок. Шлёп. Кулак замер на полпути. Зверь поймал его когтистой лапой.

Отрок не успел ничего предпринять, как из раскрытой звериной ладони ударил фонтан невидимой силы. Любимку отбросило – едва успел сгруппироваться. Земная тяга окутала прохладным коконом. Бах! Спиной влетел в один из

стальных стволов.

Перед глазами вспыхнули искры. Тяжело сполз на землю. Сверху свалилось что-то тяжёлое, едва не вбив голову в плечи. Любимка снял предмет. Руки оттягивало гнездо с тремя парами вытаращенных глаз. Удивление в них быстро сменилось голодом.

– Пиу! Пиу! Пиу!

Теперь перед отроком маячило три распахнутых клюва с красными бездонными глотками.

– Ребята, обождите, – сказал им Любимка. – У меня серьёзная битва.

Хотел аккуратно отставить гнездо в сторонку, но тут на него налетело что-то пёстрое и горячее.

– Не тр-рожь! От-дай!

Гнездо вырвали у него из рук. Чудище, которое так злобно на них нападало, теперь повернулось к нему спиной, поскуливало, тычась оскаленной пастью в гнездо. Птенцы не испугались – заверещали ещё требовательней.

Взгляд зверя остановился на Любимке. Рыжие глаза сощурились. Чудище очень бережно поставило гнездо на траву и пошло на Любима, хищно наклонив голову.

– Стой-стой. Мы можем договориться, – выставил перед собой ладони отрок.

Клац! Челюсти на волосок не достали до руки, едва не оставив отрока без пальцев. Клац-клац! Звероголовый не прекращал попытки оттяпать тягателью руки.

Пронзительный свист врезался ему в спину, подняв жёсткую шерсть. Чудище снова сбило с ног, оно кувыркнулось через голову, собирая кусты и пни.

– Это что за чудо? – Сойка встала рядом с Любимом, не отнимая пальцев от губ.

– Не знаю, но оно заботится о птенцах, – Любимка поглядел на гнездо. Птенцы пищали, казалось, ещё чуть – и их вывернет наизнанку.

– Да, твои пальцы пришлись бы им по вкусу, – сказала девица.

– Костяшками бы подавились.

Звероголовый вскочил на лапы и оскалился. Его взгляд заметался от одного тягателя к другому. Он вскинул морду и завыл. Вой наполнил лес, словно ветер, Любимка ощутил холодок по спине.

– Чего это он?

Сойка побледнела.

– Зовёт.

В ответ донёсся такой же вой. Ещё и ещё.

– Так он не один!

– Нехорошо это. Ой, нехорошо.

Синеволосяя девица дёрнула Любима, так, чтобы за спинами у них оказался ствол стального дерева, глазами обшаривали лес.

– Куда скрыться? Может, этих в заложники взять? – она указала глазами на птенцов. – Он явно за них переживает.

– Сойка! Ты чего?! – к девушке обратились огромные глаза, полные щенячьей обиды. – Мы должны защищать слабых, я не брать в заложники!

– А нас кто защитит?!

Любимка был так возмущён, что повернулся к зверю спиной.

– Мы же будущие богатыри!

Сойка только фыркнула.

– Это ты ему скажи...

Из чащи раздался топот и порывивание, и вот уже вокруг них носилось по кругу никак не меньше десятка пятнистых звероподобных тварей. Тот, что был первым, стоял на месте и зыркал злобными глазами.

– Вспомнил, – закричал Любимка. – Братец Иоанн рассказывал о них. Это – пёсиглавцы.

– Я очень рада, – сказала Сойка. – Теперь я знаю, что мне напишут на могилке: «Сожрана пёсиглавцами».

– Они не жрут людей, – сообщил Любимка. – Братец Иоанн сказывал, что они разрывают жертвы на куски и оставляют непогребёнными. За это их уважал перводемон...

– Тебя что, Наум укусил? Хватит умничать, лучше вспомни – они по деревьям лезают?

Первый пёсиглавец вскинул лапу, рыкнув что-то. Остальные взяли тягателей в кольцо.

– На дерево! Быстро! – крикнула Сойка и поглядела вверх.

– Ка-ак? – Любимка потукал пальцем по гладкому стволу

без ветвей.

– Рау! – махнул лапой пёсиглавец. С десяток чудищ разом скакнуло на них. Капли упали перед зрачками Любимки, он шагнул, заслоняя Сойку от несущихся когтистых лап и оскаленных пастей. Девушка выхватила кинжал и застыла, готовая драться.

Но ни о каком сопротивлении речи не было. Даже с каплями в глазах Любим не сумел увернуться от всех атакующих. Сойку смяли до того, как успела свистнуть.

Их прижали к земле, на каждой руке и ноге уселось по паре зверюг. Как Любимка не силился, вырваться не получалось. Видел только кроны деревьев и синее небо в прорехе. Рядом пыхла и ругалась Сойка.

Перед ними вырос пёсиглавец, которого они встретили первым. В одной лапе он нёс гнездо, второй ткнул в Сойку.

– Ры? – птенцы пищали и разевали рты. У Любимки замерло сердце.

– Нет! Не её, глупые птенцы! Меня!

– Ры?

Когтистый палец ткнулся в Любима.

– Да! Я вкусный! Кути-кути! Фьють-фьють!

Птенцы запищали сильнее. Один из птах едва не вывалился из гнезда.

– Ры-ы! – ослабился пёсиглавец.

– Эй, а чего это сразу он?! – вскричала Сойка. – Я тоже вкусная!

Она попыталась вывернуться, но держащие её звери налегли на руки девицы всем весом. Птенцы продолжали тянуть головы к Любимке.

– Так-то! Я вкуснее! Кути-кути! Фьють!

Не обращая внимания на их пререкания, пёсиглавец склонился над Любимом и поводил носом туда-сюда. Отрок ощутил страх. Сейчас его разорвут на куски и скормят птенцам. Ярополк со смеху помрёт.

Он дёрнулся, но держащие его пёсиглавцы только крепче сжали лапы. Острые когти пропоролы кожу.

– Ёшки-матрёшки! Давайте поговорим, – крикнул отрок. – Я готов кормить этих птенцов до выхода из гнезда, только отпустите.

Пёсиглавец оскалился и задрал рубаху Любима. Бок обдало прохладой, по коже побежали мурашки – тело не верило, что с ним может произойти что-то плохое.

– Любые прихоти. Буду песни им петь, выгуливать по лесу. Пожалуйста.

Пёсиглавец потыкал пальцем в бок.

– Ай! Кто, собственно, родители этих птах? Ёшки-матрёшки! Может, они против такой еды. Птахи не едят мясо... А-а-а-а!

Пёсиглавец пробно куснул его за бок, Любимка задергался и выгнулся, но стальная хватка лап не ослабла ни на миг. Оскаленная морда вновь появилась перед тягателем. Отрок мог поклясться, что она улыбается.

– Пиу! Пиу! – кричали птенцы.

– Погод-дите. Ед-да. Буд-дет, – почти членораздельно гавкнул пёсиглавец. Любимка расширил глаза.

– Ты умеешь говорить?!

Пятнистый зверь широко разинул пасть, отрок ощутил прикосновение клыков к незащитной коже.

– Оставьте его! – завопила Сойка.

Сейчас пасть закроется, и он лишится большого куска тела. Рана может оказаться смертельной, и тогда он не спасёт Прутика. Не станет сильномогучим...

– А-а-а! – во все лёгкие заорал Любимка, пробуждая все, что у него было. Тёмная волна и земная тяга всколыхнулись, закружились и опали – сил не хватило.

Клыкастая пасть сомкнулась на его боку...

Прутик пришёл в себя. Сознание вернулось резко, толчком. Он быстро сел и тут же прикрыл глаза. Мир изломался и поплыл. Пришлось замереть, переживая дурноту.

– Очнулся, наконец, – раздался женский голос. – Вовремя. Через пару минут выступаем.

Мальчик испуганно оглянулся. Чаща Хруста. Там было настолько трудно, что даже не успевал бояться. Страх вернулся сейчас, плотный и удушающий.

– Успокойся, малыш, – сказала Ксана с улыбкой. – Опасность позади. Здесь на тебя никто не нападёт.

Прутик прикрыл глаза и затих, пытался убедить себя, что

ужаса не существует.

– Не понимаю, Лютик, – услышал он голос женщины. Ей явно надоело изображать из себя мамку. – К чему было брать такого мальчика?

– Молчи, женщина. Тебе не понять моего мудрого плана, – ответил звонкий голос.

– Да ты сам его не понимаешь, – засмеялась женщина. – Ты же не знал, что скрыто в том парне.

– Это называется – творческое чутье, – высокопарно заявил дударь.

– Хватит спать.

Прутика грубо пихнули, глаза пришлось открыть. Перед ним стоял маленький мечник.

– Дальше пойдёшь сам, хватит, натаскались...

– Не пойду я никуда, – набычился Прутик. – Я одержимым людям не помогаю. Не хочу, не буду, не стану!

Он вскочил на ноги и нос к носу уткнулся в Шустра. Див брезгливо отстранился.

– Хочешь остаться один посреди диких лесов?

– Как ты можешь так говорить? – к Прутику подскочил молодой парень с большими, как у девицы, карими глазами. Борода у него была неопрятная, одежда потрёпанная. – Они хотят дать нам силу! Ты понимаешь, о чем я? Это ощущение ни с чем не сравнить. Сила бурлит в твоих жилах, переполняет тело мощью. Я испытал это раз... – Парень дрожал и изгибался. – И я хочу это вернуть!

Вожделение его росло с каждой секундой.

– Мне не нужна сила демонов, – Прутик гордо отвернул голову. – Я собираюсь стать богатырём.

Парень замер, потом затараторил ещё быстрее.

– Богатырём? Я был богатырём. Одно другому не мешает.

Поверь. Наоборот, силы складываются, и ты...

– Чего ты его уговариваешь? – Лютик поднялся и спрятал дудочку за пазуху. – Может, он твой соперник?

– Что!?! – Иваш обернулся так резко, что едва не упал. – О чем ты?

– Демонов не так много, на всех может не хватить, – весело сказал дудошник. Он повернулся к Шустру: – Ну что, выступаем?

Иваш поменялся в лице. Когда он снова посмотрел на Прутика, во взгляде пылала злоба. Пальцы скрючились, словно готовы были рвать и раздирать.

– Тихо! Тихо, – Шустр встал между Прутиком и бывшим богатырём. – Лютик шуткует. Скучно ему...

Див с укоризной поглядел на одержимника.

– Ты, Иваш, не беспокойся. Вас здесь всего трое. Так что никаких соперников пока нет.

– Двое их! Двое! – закричал Прутик. – Не буду! Не стану! Не хочу!

Одержимник улыбнулся и поглядел на Ксану.

– Видишь какой. А ты говоришь – зря привёл. Из него выйдет отличный домик для демона.

Ксана подкинула кинжал и ловко поймала его двумя пальцами за лезвие. Прутик даже вздрогнул. Лезвия острые, чуть ошибись – и оба пальца упадут наземь. Но женщина не ошибалась.

– Возьмёшь силу – так же сможешь, – рассмеялась она, перехватив его взгляд.

– Не буду, – буркнул мальчик и отвернулся. – Не стану. Не хочу.

– Вот заладил. Никто тебя спрашивать не станет, – закрычал на него Иваш, хватая за плечо. – Как надобно, так и сделаешь.

– А вот и не сделаю! – закричал Прутик в ответ. Они стояли, яростно пожирая друг друга глазами. – Он меня спасёт, понял?! – сказал мальчик. – Придёт и освободит. Он обещал, слово дал, клялся.

– Кто это «он»? – опешил Иваш.

– Любим! Он придёт за мной!

– Любим?! – Иваш поменялся лицом, его затрясло. Он ухватил Прутика за плечо. – Опять этот Любим! Во все дыры залезет!

– Вы с ним знакомы? – пролепетал мальчик, отодвигаясь.

– Он отнял у меня все! Он лишил меня силы, забрал богатство и... Ярость! Он забрал мою Ярость!

Голос Иваша вознёсся под своды леса и скатился в невнятное бормотание. Прутик так и просиял.

– Ага! Я знал, что Любимка – не пустозвон! Значит, он и

правда дрался с одержимыми людьми и победил!

Дивы и Лютик переглянулись.

– Так, значит, ты все-таки сомневался, малыш? – расхоталась Ксана.

– Я знал! – Прутик упрямо нагнул голову. – Любимка спасёт меня! Вот увидите! Теперь я точно знаю! – Пронзительный юный голос далеко разносился под сводами леса. Даже хохот трёх человек и причитание ещё одного не способны были его заглушить. – Любимка придёт. Я знаю, верю, помню...

Черных капель не было перед глазами, но мир застыл.

Клыки пёсиглавца касались бока, но пасть не смыкалась. Замерли звери, держащие Любима и синеволосую девицу. За спиной пятнистого появилась новая фигура, куда более огромная и устрашающая. Отрок не сразу признал в нем ещё одного пёсиглавца. Плечи чудища бугрились мускулами, такими крупными, что глядя на одно, уже не видишь второго. Голова была под стать плечам, пасть распахнута, зубы мягко, почти нежно, лежали на загривке пятнистого.

И тишина. Даже птенцы притихли. Слышно, как шелестит высоко листва от едва заметного ветерка, да цокают коготки любопытной белки.

Чпук. Осторожно пятнистый разжал зубы и отодвинул пасть от бока тягателя. Так же медленно огромный пёсиглавец убрал свои клыки от его загривка.

– Р-ра! Р-раз-зве я не гов-вор-рил не трог-гать люд-дей?

Огромный пёсиглавец умудрялся гавкать членораздельно.

Прочие пёсиглавцы выглядели на его фоне, как шакалы рядом с матерым волчищем. Пятнистый Рра прижал уши, сделался меньше ростом, подобострастно приседая и поскуливая.

– Кун-гур! Раз-зве р-речь ид-дет о нап-падении?! Мы иг-рали! Ва-ва, иг-рали!

– Я виж-жу, как вы иг-рали, – гавкнул огромный Кунгур. – Раз-зве я не говор-рил не кор-рмить птах плоть-тью?!

– Говор-рил, – ещё больше сжался Рра. – Мы игр-рали! Вес-село игр-рали!

Он вильнул задом, очень неубедительно изображая игривого пса.

– Ва! Ва! Ва! – закивали другие пёсиглавцы. – Игр-рали!

– Р-р-рау! – Кунгуру было достаточно лишь повести в их сторону бровью, и они тут же исчезли.

Сойка быстро поднялась на ноги, отряхивая юбку. Руки спешно пытались привести в порядок спутанные волосы. Любимка уже стоял, настороженно зыряка на чудищ.

– Люд-ди слаб-бы! – гавкнул пятнистый, упрямо наклоняя лоб. – Люд-дям не срав-вниться с нам-ми в сил-ле и кр-расоте! Пос-ставить на своё мес-сто мы долж-жны! Мы – высшая рас-са, он-ни – наши раб-бы!

Любимка с Сойкой переглянулись. Рра откинул всяческое притворство, говорил, как думает. Кунгур задумался, обра-

тив горящий взор на ребят. Любимка ощутил себя очень неудобно. Словно и правда огромный пёсиглавец решает отпустить этих слабых существ или сожрать на месте.

– Мож-жет, люд-ди слаб-бы, – гавкнул он, – но сред-ди них есть богат-тыри. Нам с ним-ми не спр-равиться. Нас звал Мрак, мы был-ли с ним. Он говор-рил, как ты. Где он сей-час? Богат-тыри изг-нали ег-го! Всех. Убили бы нас, но князь Алек-ксандр добр. Он прост-тил нашу рас-су. Поз-волил нам жить тут и заб-был прош-шное.

– Дем-моны верн-нутся! – злобно оскалился Рра. – Их не уб-бить!

– Зат-то мож-жно уб-бть нас! Я сдел-лал выб-бор! Стая – с богат-тырями! Ес-сли дем-моны верн-нутся, мы за-щи-тим люд-дей!

Рра поник и отступил в сторону.

– Мы игр-рали, – проскулил он, всем видом выражая покорность. – Игр-ра люд-ди! Пр-ростите! Вы слаб-бы! Ес-сли нап-пугались!

– Прос-стите нас. Прос-стите нас, – гавкнул Кунгур. Он выглядел столь виноватым и расстроенным, что Любимка поспешил поменять тему:

– Мы не держим зла. А с этими чего? – указал на птенцов. – Наську бы сюда, она бы их...

Кунгур прикрыл глаза, из полураскрытой пасти донеслось едва слышное поскуливание. Тут же сверху спустились две птицы, размерами они были явно меньше птенцов. Это их не

смутило. Они покружились над гнездом, будто совещаясь, и улетели. Вскоре одна из них уже пихала большого червяка в пасть птенца.

– Вот как над-до, – гавкнул Кунгур. Рра отвернулся, всем видом показывая, что его способ куда лучше.

Вожак обратился к тягателям.

– Куд-да вы ид-дете? Мы мож-жем пров-водить!

– Ёшки-матрёшки, спасибо, конечно, – воскликнул Любимка, – но мы справимся сами. Мы – тягатели. У меня украли друга, мы идём его вернуть. – Сойка двинула его локтем в бок. – Ёшки-матрёшки, чего ты пихаешься. Они же друзья, – Любимка посторонился от девушки и продолжал. – Странный дудошник, который своей музыкой заставляет всех плясать. Он украл моего друга. Я обещал спасти Прутика, и я это сделаю.

Сойка закатила глаза.

– Тяг-гатели? – Кунгур задумчиво глядел на них, его соплеменники вновь появились из леса и возобновили бесконечное кружение. Рра отступил в тень листвы. Глаза прищурены, кожа на лбу собралась в плотную складку.

– Дуд-дарь! Хррр... – донеслось из его приоткрытой пасти.

Кунгур растянул пасть в широкой немного жутковатой улыбке:

– Др-рузья! Вы пр-росто долж-жны зай-ти в наш-шу деревню!

Любимка замотал головой:

– Вы не понимаете. Мы спешим...

Сойка тяжело вздохнула, как будто сбывались её худшие опасения.

– Мы скор-ро! Над-до об-бсудить! Мы не зад-держим!

Пёсиглавец глянул на своих поверх их голов, те подхватили ребят сильными лапами и увлекли через лес. При этом чудища радостно погавкивали, крутили задами и вели себя, как весёлые дружелюбные псы.

Любимка попытался сопротивляться, но где там! Пёсиглавцы были проворны и сильны. Чтобы остановить их, потребовалось бы применить земную тягу. После того, как звери проявили дружелюбие, это было бы равносильно коварному предательству. На это отрок никак не мог пойти.

Тем более что они не сумели совладать с Рра и его товарищами. Где уж справиться с пёсиглавцами, когда с ними их чудовищный вожак.

– Время есть, – крикнул отрок Сойке. – Мы только заглянем и назад. Может быть, короткий путь подскажут.

Синеволосая девушка пожалала плечами и отвернулась. Если друг – дурень, тут уж ничего не поделаешь. Сама она сразу смекнула, к чему приведёт словоохотливость Любима.

Лес закончился, они выскочили на обширную светлую поляну.

– Ёшки-матрёшки! – других слов у Любимки просто не нашлось. Сойка присвистнула.

Вся поляна была покрыта треугольными хижинами, сложенными из длинных жердей и густых веток. Прямо как в их лесном лагере. Разве что у тягателей один костёр на всех, а тут от каждой хижины вверх уходил столбик дыма. Между шалашами прохаживались многочисленные звероголовые существа.

Одни были такие же серые и крупные, как Кунгур, хотя ни один из них не достигал размеров вожака. Другие шустро носились вокруг всего, что попадалось на глаза. Размеры у них были меньше, а расцветка пёстрая и пятнистая, как у Пра. «Как волки и шакалы», – подумал Любимка.

Вожак повёл их по деревне, и тягатели смогли разглядеть пёсиглавцев во всех подробностях: большие, крупнее обычного человека, на задних волчьих ногах, с могучими мохнатыми торсами, под мехом бугрятся мускулы, передние лапы кончаются вполне человеческими ладонями, только вот когти на них длинные и острые. На плечах этих чудовищных тварей сидели оскаленные волчьи или пёсьи головы с торчащими ушами. Любим приметил, что на зверях надето подобие одежды – такие же мохнатые, как шерсть самих существ, штаны.

Их увидели, Любимка и Сойка в мгновение ока очутились в окружении мохнатых тварей, которые кружили вокруг и гавкали отрывисто.

– Кто?

– Здесь?

– Что?

– Надо?

– Вам?!

Любимка поглядел на Кунгура. Тот на голову возвышался над остальными членами племени.

– Он-ни гос-ти.

Серые пёсиглавцы подбегали и тыкались в пришельцев мокрыми холодными носами, пёстрые нарезали круги и норовили зайти сзади. Лапы гулко топали по плотной земле.

– Гляд-ди! Дав-вай! Ег-го! Сож-жрём! – гавкнул один, очень похожий на Рра, той же масти. Его рыжие глаза плотоядно глядели на Любима.

– Нет! Мы! Не! Едим! Люд-дей! – набросился на него сам Рра. – Забыл рраз-ве?!

Он покосился на Кунгура. Любимке показалось, что взгляд вожака стал насмешливым.

– Но! Эт-то! Же! Дет-тёныш! Он-ни! Даж-же! Не! Заметят! – заскулил первый пёсиглавец.

– Нет! – рывкнул Рра. – Не поз-зорь нас!

И отвесил соплеменнику хорошего тумака. Тот взвизгнул и пропал за ближайшей хижинкой. Навстречу им высыпала новая группа пёсиглазцев, на сей раз серой волчьей масти. Они никого сожрать не предлагали, наоборот – очень дружелюбно обнюхивали и виляли задами.

– Кто?! Кто эт-то?! – гавкали они.

– Я – Любим, тягатель, – сказал Любимка. – А это – Сойка,

внучка Соловья.

Девушка ткнула его в бок и прошипела.

– Зачем ты сказал?!

– А чево? Родителей не надо стыдиться.

– Стыд тут не причём. Ты удивишься, скольким людям успел насолить мой дед. И многие не прочь отыграться на внучке.

К счастью, пёсиглавцы явно не знали, о чем речь. Они запрыгали и затаивали ещё веселее.

– Ой, какие милые! – закричала Сойка. Из ближайшей хижины выскочило с десятков крохотных щенков – по-другому Любимка их не мог назвать. Маленькие, они шустро перебирали четырьмя конечностями, свешивали розовые языки набок и глядели темными влажными глазами. Любимке захотелось вытянуть губы трубочкой и сюсюкать.

Следом за щенками появились менее крупные пёсиглавцы в разноцветных юбках и жилетках.

– Это наш-ши жён-ны, – объявил Кунгур. – Твоя спутница идёт с ним-ми. Мы же пойд-дём к войн-нам.

К счастью, синеволосяя девушка не расслышала последних слов, глядя детёнышей. Она позволила увлечь себя в одну из хижин. Следом скакали веселее дети и шествовали улыбающиеся жены пёсиглавцев.

Кунгур повёл Любимку дальше. Обогнув деревню с юга, они очутились на большой ровной площадке. Здесь стояло множество приспособлений, которые напомнили отроку

двор школы богатырей.

– Здесь мы уч-чим войн-нов.

На площадке и правда стояло с десяток юных пёсиглавцев. Щенками их назвать у Любимки не повернулся бы язык. Чуть поодаль от них собралось столько же взрослых тварей, в когтистых лапах они держали самые настоящие луки.

– Ого! Вы пользуетесь человеческим оружием? – воскликнул Любимка и смутился. – Простите. Может быть, вы использовали их раньше нас? Братец Иоанн ничего не говорил о вашей расе...

– Ист-тория наш-ших отнош-шений запут-тана и тём-мна. Мы прич-чинили люд-дям мног-го зла. Мы жив-вы только благ-годаря добр-роте княз-зей.

Любимка ощутил в его голосе печаль. Он улыбнулся как можно шире и сказал:

– Ну, теперь вы добрые. Кто прошлое помянет... – и он захохотал. Пёсиглавцы облегчённо загавкали. Выглядело это страшновато. «Это они так смеются», – убеждал себя отрок.

– Теб-бе буд-дет интер-ресно. Ты – войн. Мы трен-нируем наш-ших щен-ков.

Он показал лапой на молодых пёсиглавцев. Те стояли, очень сосредоточенно глядя на лучников.

– Они уворачиваются от стрел, – понял Любимка, прикидывая, сумеет ли сам сотворить подобное. Слишком уж близко стоят лучники.

– Нет, – сказал Кунгур. – Они учат-ся их прин-нимать.

Вшух-вшух-вшух! Стрелы сорвались с тетив. Молодые пёсиглавцы даже не пытались увернуться. Наоборот, они выпячивали груди, словно хотели поглубже в тело принять стрелы. Раздался скулёж и вой. Кого-то сбило с ног, кто-то сам опустился на колени, хватаясь за грудь. Ни у кого не выступила кровь.

– Что это?! Зачем?! – всполошился Любимка.

– Ты прав. Стрелы и лук – не наше оружие. Мы тренируемся держать удар.

Молодые пёсиглавцы уже оправались. Они набросились на тех, кто громче всех скулил и кого стрелы сбили с лап. Они кусали их, пихали и щипали. Те огрызались, все это могло показаться страшным, если бы не походило на возню щенков. Не прошло и минуты, как все прекратилось. Щенки вновь выстроились в ряд, выпятив грудь. Матерые пёсиглавцы наложили новые стрелы.

– Без боевых-вых наконечников, – пояснил Кунгур. – Когда шерсть окрепнет, будут боевые!

Он поставил дыбом свою шерсть и ткнул в неё когтистым пальцем. Любимка коснулся и отдернул руку – словно пучок игл. Он вспомнил, как Сойка резанула свистом по Рра, а потом шкуру одержимого бера.

– Мечи-калачи! Да вам никакой доспех не нужен.

– Да. Только оружие богатырей способно пробить шкуру, – Кунгур был доволен, как дворовый пёс, у которого чешут за ухом.

Сказ 13 – Колодец Потерянных Душ

Так прошло полдня. Любимка увидел много нового, его везде водили, все показывали. Когда проголодался, его тут же потащили к кострам, где прямо над огнём на вертеле жарилась большая туша кабана.

Вспомнил о своей цели только за полдень.

– Эй, мне надобно идти. Я должен отыскать товарища. Где Сойка?

Кунгура рядом не оказалось, остальные пёсиглавцы отрицательно закрутили головами.

– Не пон-нимаем! Дож-дись вожд-дя!

– Ёшки-матрёшки! Да послушайте же, дуры ваши головы. Идти мне надобно. Товарища спасать!

Он даже показал двумя пальцами по ладони, как идёт. Пёсиглавцы вновь замотали мордами.

– Вождь! Вождь! Вождь!

– Экой вас! – разозлился Любимка и попытался пройти мимо них.

– Вождь! Вождь! Вождь! – гавкали они и не пускали. Их становилось все больше. Отрок похолодел. Неужели ловушка?

Он попытался увильнуть, проскочил одного, другого. Тут

же на него навалилась целая толпа и оттеснила назад. Куда бы он ни совался, всюду натыкался на встопорщенную шерсть и оскаленные морды.

– Да что же это? Пустите меня!

И тут он нос к носу столкнулся с пёстрой мордой Рра.

– Хоч-чешь уйти?! – гавкнул тот, оглядываясь.

– Да. Там мой друг! Прутик! Его украл одержимник. Я должен ему помочь.

Морда Рра застыла, глаза сверкнули.

– Прут-тик? Демон-ник?! – гавкнул он, оглядываясь на других пёсиглавцев. Те продолжали нарезать круги.

– Да! Я должен...

– Все! Тс! Тих-хо! – гавкнул пятнистый. Он вытянулся вверх, поднимая передние лапы.

– Я от-веду! От-веду! К вож-ждю!

– А он пой-дет?! – заволновалась стая.

– Пой-дет! Пой-дет! – ответил Рра, кося на Любимку блестящим глазом.

– Ну ладно! Веди меня, – сказал он.

Рра направился в самую гущу хижин. Время от времени он останавливался и принюхивался, высоко поднимая нос по ветру.

Пёсиглавцы, которые не пускали Любима, какое-то время следовали рядом. Потом стали появляться новые, старые пропадали. Вскоре поменялись все, кто удерживал Любима. Отрок заметил, что большинство из вновь присоединив-

шихся имеют пёстрый окрас.

– Кун-гур теб-бя не пус-тит, – вдруг остановился и по-вернулся к нему Рра.

– Как это? – разинул Любимка рот. – Ёшки-матрёшки! Но почему?!

– Он пос-слал к богат-тырям.

– Что-о?! – Любимка округлил и рот и глаза. – Тогда мне тем более надо убираться! Помоги мне, Рра!

Пятнистый пёсиглавец поглядел на него странно, потом кивнул.

– Пом-могу. Но под-другу над-до ос-тавить.

– Сойку? Почему?..

– Он-на вне опас-ности! Прид-дут богат-тыри, заб-берут.

– Но...

– Если пой-дём к ней. Попад-дёмся.

Любимка задумался.

– И ничего нельзя сделать?

– Нич-чего! Нич-чего! – загавкал Рра. Он указал когтистой лапой на лес. Деревья совсем близко, никого из серых рядом не видно.

Отрок нахмурился. Нехорошо выходит. Вроде как товарища бросает. Но, с другой стороны, Сойка желает мести, а он желает спасти Прутика. У кого желание благородней? Может быть, не случайно все так повернулось?

– Добро. Идём, – решился Любимка. – Сойке я потом все объясню...

Они покинули деревню вместе, где лес ближе всего подходил к хижинам. Пёстрые пёсиглавцы трусливо оглядывались, при каждом звуке прижимали уши. Чем дальше отходили от деревни, тем уверенней выглядели зверолюди.

– Куд-да?! Куд-да?! – загавкали пёсиглавцы, когда он и отошли достаточно далеко.

– Чаща... М-м, как это говорил дядька Стоян? – Любимка задумался. – Чаща скрежета? Нет. Чаща...

– Хрус-ста! – гавкнул Рра, вытаращив глаза.

– Точно! – обрадовался Любимка. – Значит, ты знаешь это место?

– Зна-ем!

– Да!

– Мы!

– Туд-да!

– Не!

– Ход-дим!

Пёсиглавцы заволновались и забегали скорее обычного. Лишь Рра остался спокоен.

– Тогда спасибо, – сказал Любимка. – Вы мне укажите направление, дальше я сам.

– Да-да-да! – закивал лобастой головой Рра, глядя на остальных. – Ид-дите! Я пров-вожу! Ид-дите!

Пятнистые забегали, загавкали.

– Как мы теб-бя ос-ставим?!

– Ид-дите! Я! Не пойд-ду до кон-нца!

Любимка приплясывал в нетерпении, пока они договаривались. Наконец, пёсиглавцы попрощались и отправились обратно в деревню, а Рра повёл Любимку в самую чащу.

Стволы делались все толще, подлесок все гуще. Пятнистый всегда находил среди зарослей удобные прорехи. Любимка представил себя здесь без проводника и поёжился. Хорошо, что наткнулись на пёсиглавцев, иначе безнадежно заплутал бы и никого не нашёл.

Почва стала повышаться. Сквозь дёрн чаще стал проступать камень. Лес поредел и измельчал. Кусты и вовсе исчезли. Теперь Любимка видел далеко вперёд. Склон сделался круче, деревья – чахлыми и корявыми.

– Точно, Сойка же говорила про горы, – обрадовался Любимка.

Последний участок пути прошли по голому камню. Когда достигли вершины, Любимка ахнул – из глухого леса они попали в настоящие горы. Впереди, насколько хватало глаз, простирались скалы, а прямо под ногами начиналось глубокое ущелье.

– Вот он-на! – гавкнул Рра, вытянув руку. Когтистый палец указывал на тёмное пятно внизу. Любимка пригляделся – похоже, пещера.

– Что это за вход? – повернулся отрок к пёсиглавцу. – Откуда ты знаешь про это место, коли вы сюда не ходите?

Пёсиглавец смутился. Взгляд сделался блуждающим, уши прижались.

– Я... Я... – он разевал пасть и юлил задом.

Любимка поглядел мимо его плеча вниз и закричал:

– Гляди, Рра! Вот они! Мечи-калачи! Вот мой друг!

Далеко внизу по извилистой тропе шли люди. До них было рукой подать, только надобно сперва спуститься.

Пёсиглавец выдохнул и тихонько отступил в сторону. Любимка заметался по краю.

– Рра! Как спуститься?! Скажи мне, скорее!

Но пятнистый вёл себя странно. Он вздёрнул уши, пристально вглядываясь вниз. Потом вскинул морду и завыл. Люди остановились и поглядели на них.

– Видишь, – сказал Лютик, – какой я мудрый. Теперь у нас есть и носитель, и тёмная волна.

– Да, – Шустр улыбнулся. – Приятная неожиданность.

– Прутик! – заорал Любимка во всю мочь. – Я пришёл! Я непременно спасу тебя!

Иваш скривился и пробурчал что-то злобное.

– Да! Я верил! Любим! – закричал мальчик в ответ.

– Цыц! – дёрнула его Ксана, опасливо разглядывая склоны. – Шустр, нам бы поторопиться. Уверена, богатыри вот-вот появятся.

– Эй, Рра! – выкрикнул Лютик. – Тащи этого сюда! Мы спешим!

– Что значит «тащи этого сюда»? – Любимка оглянулся на пёсиглавца. Тот преобразился. Больше не было ни дружелюбия, ни подобострастия – на отрока глядели хищные глаза,

пасть приоткрылась, решая, куда лучше цапнуть. – Эй! Мечи-калачи! Ты чего?!

– Прау!

Пёсиглавец бросился на него. Клац! Любимка лишь в последний момент отпрыгнул, спасая от зубов ногу.

– Предатель, – нахмурился Любим. – Добро! Не стану с тобой церемониться!

Перед глазами упали чернильные капли, Глаз Ворона окутал тело прохладой. Движения пёсиглавцы резко замедлилось. Он тянул оскаленную пасть, чтобы ухватить вторую ногу. Вместо того чтобы увернуться, Любимка присел и двинул навстречу кулак.

Время ускорилося. Бац! Кулак хлестнуло болью пополам с прохладой, Пра отбросило назад, он застыл, мотая лобастой головой.

– Ты!.. – пятнистый вскочил на задние лапы. – Ты не богат-тырь!

– Я – будущий сильномогучий богатырь, – гордо выпрямился Любимка.

Капли в глазах колыхнулись, замедляя время. Любимка впервые использовал их для нападения. После сражения с бером и поединка с Несмеяной они слушались, как родные. Глаз Ворона исправно качал земную тягу, не позволяя мышцам порваться от чудовищных перегрузок.

Раз! Раз! Рррраз! Три мощных удара мотнули оскаленную пасть влево, вправо и вниз. Клацнули зубы, пёсиглавец рас-

пластался по камням.

– Чего ты с ним возишься? – крикнул снизу звонкий голос Лютика. – Парень – слабак.

– Слабак? – поднял бровь Шустр. – А разве не он лишил тебя дудочки? – Лютик взревел и бросился на дива, тот без труда избежал атаки. – Видно, парень кое-чему научился с тех пор, как ты с ним столкнулся, – уже серьёзно добавил див.

– Придётся подняться и помочь этому дурню, – зло бросил Лютик.

– Я сделаю... – сказала Ксанка и ступила вперёд, отпуская Прутика. Тот распластался на камнях, как пришибленная лягушка.

– Стой! – воскликнул Шустр напряжённым голосом. Лютик с Ксаной посмотрели на него. Маленький див к чему-то прислушивался, зажав в кулаке тёмный камень на цепи.

Лютик перестал улыбаться, Ксана тревожно оглядела склоны ущелья.

– Богатыри, – кинул одержимник. – Ещё далеко, но любимцы уже здесь.

– Стоян, – проговорила Ксана. Красивое лицо женщины слегка побледнело, но выглядело решительным.

– Нет, скорее, Олег, – качнул головой Шустр. – Я его Прозорливую Суму за десяток вёрст чую...

– Эх, какой план сорвался, – сплюнул Лютик. – Эй, шавка! Спускайся! Не то уйдём без тебя!

Участники отряда один за другим скрывались в пещере.

– Любим!.. Я... – крикнул Прутик, но ему заткнули рот и утащили за собой.

Рра отскочил от Любима.

– Не пон-нял! Бр-рать?! Не бр-рать?!

Он недоуменно крутил головой. Любимка стоял перед ним и пытался отдышаться. Бодрость, подаренная ему Болтом, закончилась. Вчерашний поединок с Несмеяной напомнил о себе: голова кружилась от слабости, ноги дрожали и подгибались.

– Уйдём без тебя... – донеслось снизу ущелья.

– Рррау! – рыкнул пёсиглавец и рванул прямо в пропасть.

Любимка подковылял к краю и поглядел вниз.

Бах! Бах! Бах! Рра прыгал по почти отвесным стенам, используя едва заметные уступы, чтобы поставить лапу и оттолкнуться. Далеко внизу тягатель увидел крохотные фигурки. Та, что принадлежала Прутику, что-то кричала и махала ручками. Женская ухватила его и затащила в пещеру.

– Мечи-калачи! – закричал Любимка, отгоняя подступающую слабость. – Вам от меня не уйти!

Прищурился, глядя на удаляющуюся вниз пёструю тушу. Потом отошёл назад, вдохнул пару раз глубоко, нагнетая животительный воздух.

– Поехали!

Не давая себе опомниться, разбежался и сиганул с края обрыва. Ветер принял его в объятия, рванув волосы. Капли

перед глазами колыхнулись и закружились. Он описал великолепную дугу и приземлился точнёхонько на спину пёсиглава.

– Но! Лошадка! – завопил Любимка, хватаясь за шерсть и сжимая ногами загривок зверя.

От неожиданности тот соскользнул со склона и, взвизгнув, какое-то время летел вниз в свободном падении.

Потом зверь вытянул в сторону руки и вонзил когти в камень: страшный скрежет, шум осыпающихся камешков – падение остановилось. Любимка с уважением выдохнул. Вот так когтищи! В камне остались глубокие борозды.

Рра сиганул дальше, Любимку словно не замечал. Бах-бах-бах! Камень крошился под мощными лапами, ни одного места пёсиглавец не касался дольше доли секунды. Любимку мотало и дёргало, руки соскальзывали. Он вжимался в горячее пёсье тело, но пальцы слабели и разжимались.

Кляксы исчезли из глаз, земная тяга больше не холодила кожу. Он был пуст. Очередной рывок застал врасплох. Любимка понял, что летит не вместе с пёсиглавецом, а просто рядом. Не успел испугаться, как мохнатая туша рванула в сторону, а он – бах – жёстко приземлился на гладкий камень. Какое-то время не понимал где он и что он. Перед глазами прыгали звезды, а тело притворялось, что его нет, а есть лишь одна бесплодная душа, которая летает, летает...

Потом навалилась боль, и Любимка понял, что жив. Усилии воли заставил себя отжаться от земли. Кое-как поднял-

ся и заковылял в сторону пещеры. Суставы скрипели и похрустывали, перед глазами темнело и плыло, но он упрямо шёл, а потом даже бежал. Пару раз оступался и падал на колени – на штанинах остались кровавые пятна. Подниматься каждый раз было все труднее, но он справлялся и тащил себя дальше. Капли вновь явились перед зрачками, высасывая остатки сил. Глаз Ворона помогал как мог, но и он был на пределе. Пещера сомкнула над Любимом своды.

– Прутик! Где ты, Прутик! – закричал он. Сил почти не осталось, но отроку было все равно.

– Любим! Спаси меня! Я здесь! – донеслось из глубины коридоров.

Скорее. Я должен их догнать. Кляксы расплывались и блекли, словно он бежал столь быстро, что они размазывались по глазу. Краем сознания понял, что все ещё видит каменные стены. То тут, то там попадались пучки странного растения, похожего на мох, которые давали неяркое сияние, достаточное чтобы осветить путь.

Глаз Ворона не переставая мерцал в потайном кармашке, через щёлки в одежде били ослепительные лучики света. Земная тяга постоянно залечивала надрывы в мышцах и органах. Но бесконечно это длиться не может.

– Любим, стой! – сзади тоже появились голоса. – Не убегай от нас!

Эти крики остались далеко позади. Калики не могли его догнать.

– Аха-ха-ха! – хохот Лютика. – Он следует за нами! Не все ещё потеряно!

– Мы все равно не успеем его опустошить, – отозвался другой голос. – Не до него, унести бы ноги...

Голоса вновь стали отдаляться. Любимка нахмурился. Чего добиваются одержимники? Сами загнали себя в тупик, но идут так, словно в конце пещеры их ждёт спасение.

– Лю-ю-бим-м... – далёкий мальчишеский крик.

Отрок прибавил шаг, хотя это было уже невозможно. Он выметнулся в огромный каменный зал, который был поделён на две половины широким провалом. Любимка едва успел затормозить, носки сапог зависли над бездной, вниз полетели мелкие камушки – канули в темноте без звука, словно дна у провала нет вовсе. Через бездну проложен верёвочный мост. Светящийся мох покрывал почти весь потолок зала, а вот провал был тёмным, словно даже растения трусились приблизиться к отвесному склону.

Верёвки скрипели и качались. Доски, из которых были сложены перекладыны, стонали и хрустели. Беглецы уже вступали на ту сторону.

– Прут! – закричал отрок.

– Любим... – отозвался мальчик и замолчал, словно ему заткнули рот.

Лютик шёл последним. Он развернулся и достал дудочку.

– Богатыри далеко. Мы успеем забрать...

– Нет, – закричал маленький див. Зих-зих-зих! Два меча

замелькали с чудовищной скоростью, Шустр поднялся в воздух и приземлился напротив Любима. – Уходи! Ты ему не поможешь!

– Сам уходи! – взъярился Любимка, дёргая из ножен кинжал. – Не то скину!

Див оскалился.

– Как пожелаешь...

Взих! Взих! Двумя взмахами он вспорол воздух, а вместе с ними и канаты. Любимка вдруг ощутил, что под ногами нет опоры.

– Поглядим, как ты умеешь летать, – расхохотался маленький див. Зих-зих-зих! Взмахивая над собой мечами, он плавно перемещался к противоположному краю.

– Шустр, ты что творишь?! – заорал на него Лютик. – Я чуть дудку не выронил!

– Но не выронил, – улыбнулся див, приземляясь рядом. Одержимник яростно глядел на него, Шустр распахнул рубаху, будто случайно из-за пазухи выпал тёмный камень на цепочке. Серебряная лапа, сжимавшая чёрный камень тускло сверкнула в свете стен.

Лютик хапнул себя за грудь, где висел точно такой же амулет. Какое-то время он пожирал маленького дива глазами, потом разжал руку и отвернулся.

– Ты ещё пожалеешь! Что стало бы, если угробил носителя темной силы Мрака?

– Не исключено, что его сила переселилась бы в кого-то

из них...

Он оглянулся на плотную группу, в которой были Иваш, улыбочивый парень и Прутик.

– Да ты что? – Лютик осклабился и поднёс дудочку к губам. – Давай посмотрим...

– Некогда, – Шустр взмахнул рукой. – Взгляни – они уже здесь!

Любимка болтался на противоположном конце провала, чудом зацепившись за последнюю ступеньку.

– Прутик! Я найду тебя! Обещаю! – кричал он.

– Какой упорный молодой человек, – сказала Ксанка. Она шлёпнула по щеке потерявшего сознание мальчика. Тот пришёл в себя, вытаращил глаза.

– Любим! Спаси меня!

– Да! Гляди хорошенько, – сказала женщина-воин. – Тебя никто не спасёт!

– Любимка... – упавшим голосом проговорил мальчик – он увидел, в каком состоянии находится спаситель.

Крак-крак! Доска, за которую держался тягатель, переломилась.

– А-а-а-а-а! – крик метнулся вдоль отвесных стен и затих в бездне.

– Аха-ха-ха! – залился хохотом Лютик. – Шустр. А если ты ошибаешься? Если после смерти носителя Мрак вернётся здесь и сейчас?

Див качнул головой.

– Если бы все было так просто, этот парень давно был бы уже мёртв.

Бах-бах-бах-бах! Из пещеры на той стороне провала выметнулось нечто стремительное и ударилось чуть ниже того места, где стояли беглецы.

– Какого демона?! – Лютик пошатнулся.

– Белоголовый калика, – крикнул Шустр, обнажая мечи. – Надо уходить!

Савелий отталкивался от противоположных стен, звуки ударов укатились вниз, потом, почти без перерыва, начали подниматься.

В тот момент, как из прохода показался Олег, рядом с ним встал калика Дыня с Любимом через плечо.

– Едва успел, – сказал он и поглядел через провал.

– А вот мы, похоже, не успели, – ответил ему Олег.

На другой стороне разгоралось золотистое сияние. Див и одержимник поспешили к нему. Олега словно толкнули в сердце, третий спутник противника был ему знаком.

– Ксана? – проговорил он, но женщина была ближе всего к сиянию. Вот она коснулась его, женский силуэт замерцал и стал полупрозрачным.

– Скорее, – крикнула она. – Врата скоро закроются...

На миг их взгляды встретились, Ксана улыбнулась и подмигнула ему, как умела только она. Вспышка – и женщина пропала.

Рядом с каликами появились Горшик и Тавр. Они мол-

ча смотрели, как следом за женщиной в сиянии растворился Лютик. Потом Шустр поглядел на богатырей и ухмыльнулся.

– Любим! Спаси мен... – крик Прутика обрезало, словно ножом. В каменном зале повисла тишина.

– Прутик! Прут! – Любимка глядел на противоположную сторону. Сияние затухало.

– Стало быть, Харитон был прав, – сказал калика Олег, обращаясь к Горшику. – Пещера с колодцем душ оказалась вратами в иной мир?

– Или иной или наш, – сказал писарь меланхолично. – Мы уже четыре года исследуем её, но секрет не раскрыли. Животные пропадают, теперь вот дивы с одержимниками исчезли, сами мы так и не сумели активировать механизм...

– Ушли?! Что значит «ушли»?! – Любимка крутил головой. Перед глазами плавали тёмные круги, и это не были черные капли.

– Эта пещера может служить порталом. Твоего друга не вернуть, увы.

– Вы знали это и допустили их сюда? – воскликнул Любим.

Олег скривился от досады.

– Нам пришлось сделать круг, чтобы убедиться, что пёсиглавы не сделали ничего плохого двум тягателям, которых там не должно было быть...

– Вы! – Любимка не слышал его. Он уставил обвиняющий перст на калику. – Вы обманули меня! Обещали, что возъ-

мёте с собой, а сами заставили драться с Несмеянкой. Если бы не Болт, я бы встать не смог...

– Болт? – лицо Олега вытянулось. – Здесь замешан урядник?

Он переглянулся с Горшиком. Зрачки того резко расширились и запульсировали.

– Любим, нельзя вести себя так по-детски... – молвил Савелий сурово. – Ты уже не прежний ребёнок, который от обиды убегает из школы. Если бы не твоя выходка, мы бы успели их догнать и остановить.

Каждое слово ложилось тяжёлым камнем на плечи отроку. Его душу разрывало от вины. Хотел что-нибудь сказать в оправдание, но перед глазами появился образ Прутика.

«Любим! Спаси меня! Любим!»

И тишина. Тишина и пустой каменистый склон.

– С-с-сдрас-с-ствуй, Любим-х. А вот и мы-ых, – заполнил уши вкрадчивый голос.

Сказ 14 – Пиршество темных тварей

– Уйдите! – закричал Любим, слепо ступая в проход. –

Отстаньте от меня!

– Что с ним? – раздался голос Олега.

– Смотрит он не на нас, – заметил Дыня.

– Моргулы. – Зрачки Горшика приняли обычный вид.

Любимка вдруг сорвался с места и канул в темноту.

– Любим, стой! – крикнул Олег, но отрок не остановился.

Калика беспомощно поглядел на товарищей.

– Ступай, мы осмотримся, – сказал Савелий. Калика кивнул и скользнул следом за тягачем.

– Мы тут! Мы-ых тебя с-слыш-шим!

Любимка бежал все скорее, шаря по стенам, как слепой.

Темные силуэты стремительно мелькали в темноте.

– Отстаньте. Не до вас. Я... не выполнил... обещания...

Я все испортил!..

Среди коридоров пещеры Потерянных Душ было одно расширение. Стены здесь раздавались в стороны, а светящегося мха было больше, чем в узких участках. В углу получившегося грота журчал подземный ручей. Олег выметнулся из коридора и резко затормозил.

– Сойка! Ты чего тут? Я же сказал – ждать наверху!

– Я услышала крик... – лицо девушки было словно обсыпано мукой. Она указала на пол.

– Любим!

Олег увидел распостёртое тело в углублении меж камней. «Как в гробу лежит», – мелькнула неуместная мысль. Калика присел.

– Что с ним? – он приложил палец к жилке на горле отрока – сердце билось, и куда быстрее положенного, словно Любим со всех ног нёсся в гору.

Девушка присела рядом и эхом повторила вопрос:

– Что с ним?

– Моргулы, – тихо ответил калика. – Они дождались своего часа. Подкараулили Любима в упадке сил и душевного настроения...

– Нужно что-то делать! Зажечь огонь! Вынести его на свет...

Калика кивнул и поднял отрока на руки. Сойка шла рядом, руки тянулись помочь, но богатырь справлялся сам. Девушка суетливо поправляла одежду. Когда вышли на свет, Любимка сделался ещё страшней: лицо и ладони приобрели бледноватый синюшный оттенок, будто из него выкачали кровь.

– Что же это?! Как же?! – Сойка не находила себе место. – Как нам спасти его?

– Никак, – ответил калика мрачно. Он уложил отрока на

камни и сел рядом.

– В прошлый раз мы жгли огни! Факелы! Костры! Они не могли подобраться!..

– В прошлый раз он был полон сил, свет его души отгонял их лучше любых костров. А сейчас...

Олег опустил руки.

– Что сейчас?! – закричала девушка.

– Они уже внутри, – сказал калика. – Сейчас все зависит от него. Мы можем только охранять его до последнего...

– Нет! – каркнуло сверху. По дороге к ним спускались урядник Фрол и два воронёных богатыря. – Отрок Любим изымается до дальнейших распоряжений. Вы свою миссию провалили. Возвращайтесь в расположение полигона тягателей. Я доложу о вашем бессилии первому богатырю и князю.

– Вы не можете нас выгнать, – калика Олег встал и двинулся навстречу уряднику, заслоняя собой тело отрока. – Любим – мой подопечный и...

– Калика Олег, – из-за правого плеча урядника выдвинулся Болт. – Вам был отдан прямой приказ. Ты уверен, что желаешь устроить открытый бунт? Знаешь, до чего это может довести?

В его глазах светилось торжество – воронёный наслаждался каждой секундой. Глаза лихорадочно блистали над тёмным платом, скрывающим лицо.

– Нет, Болт. Они не желают устраивать бунт. Я уверен, – смягчив голос, сказал Фрол. Вместе с охраной он спустился

вниз и встал напротив калики и Сойки. – Если вы опасаетесь за подопечного, можете вернуться в пещеру и остаться. Если все пройдёт удачно, скоро вы получите отрока...

Он оборвал речь, словно недоговорил важную часть.

– Так вы знаете, что делать с проклятием? – спросила Сойка с надеждой. – Вы поможете ему?

– Да, – не моргнув, ответил тот. И поглядел на Болта. – Мы знаем что делать.

Олег посмотрел на Розга. Тот стоял чуть поодаль, и в глазах его было гораздо больше чувств.

– Ступайте, я прослежу, чтобы с парнем не случилось ничего плохого, – сказал второй воронёный богатырь. Сойка удивилась, глядя на него. Показалось или урядник слегка поморщился при этих словах?

– В любом случае Олег прав – с моргулами он справиться должен сам, – закончил Розг.

– А коли не справится, знать, он не тот, кто нам нужен... – заявил Фрол. Олег дёрнулся, рука нашарила Прозорливую Суму. Болт подобрался и положил руку на рукоять кинжала. В глазах сияло злое торжество. Розг тоже ступил вперёд.

– Не надо... – проговорил он.

– Не надо, – тихо сказал Дыня, кладя руку на плечо Олега. Он уже давно тихо вышел из пещеры и молча наблюдал за происходящим.

Олег скрипнул зубами и скинул руку.

– Я буду рядом, – глухо сказал он.

– Мы будем рядом, – добавил Дыня. – Если с ним что-то произойдёт по вашей вине...

Он многозначительно умолк и двинулся следом за каликой, увлекая онемевшую Сойку. Горшик и Тавр наблюдали за всем из пещеры. Оба не молвили ни слова, глядя на перепалку богатырей.

– Нельзя его оставлять... – лепетала Сойка. – Это неправильно.

– Если мы останемся, это и правда будет бунтом, – молвил Дыня, увлекая её в пещеру. – Тогда нам придётся покинуть княжество. А Любим все равно останется в их руках.

– Но ведь у него есть шанс?

– Шанс есть всегда... – проговорил Горшик, его зрачки снова дрогнули. – Когда нет выхода – молись. Там, где не хватает сил человеческих, помогут лишь небесные силы...

– Любим в большой опасности, – тихо сказал Харитон. – Он нуждается в нашей помощи.

Они находились в палатах ума. На сей раз кресел и табуретов не было. Они просто стояли и глядели друг другу в глаза. Вернее, Харитон глядел в глаза, а Варвара в затемнённые стекляшки.

– В нашей помощи? – удивление на миг оттеснило тревогу. – Но что мы можем? Мы здесь, а он там.

– Вопрос не в том, что мы можем, – пророкотал суровый голос Харитона. – Вопрос в том, на что мы готовы решиться.

Закопчённые стекляшки бесстрастно глядели на девушку. Она знала, о чем он думает, и это знание переполняло её страхом, во рту пересохло. Чтобы выдавить следующие слова, ей пришлось приложить усилие:

– На все, – сказала она.

Какое-то время отец всматривался в дочь, потом кивнул.

– Так я и думал, – какое-то время он молчал.

Варваре даже показалось, что отец колеблется, если такое чувство вообще можно приписать первому библиотекарю.

– Хорошо, – проговорил тот. – Пусть твоё нерациональное чувство хоть раз принесёт пользу. Приступим...

– Но как? Как тебе помогут ещё одни глаза, ведь я нахожусь здесь, меня нет в Запредельном лесу?!

– Зато у тебя есть внутренняя связь с Любимом. Это позволит вам соединиться...

Он замолчал, о чем-то сосредоточенно задумавшись.

– Но как? – она все ещё не понимала.

– Глаз Ворона, – ответил Харитон.

Глаза девушки расширились.

– Так вот зачем ты дал мне ту книгу! Неужели ты предусмотрел это еще тогда, когда тайно давал Любиму Глаз Ворона?! – она не могла найти слов. – А ведь ты был уверен, что он умрёт. И все равно сделал закладку на будущее?! То, что Любим обретёт власть над Глазом, было невозможно! И ты все равно сделал это!

– Невозможное – возможно, – без улыбки сказал Хари-

тон. – Так, кажется, утверждает наш друг. Кто знает, может стать, у него есть своя Головоломка в глубинах сознания. Конечно, он использует её неосознанно...

Кровь отхлынула от лица девушки. Она выглядела, как заключённый, которого сию минуту поведут на казнь.

– Ясно. – Слова царапали горло. – Что я должна делать?

– Тыпустишь меня к себе в голову, дальше я все сделаю сам.

Его тонкие длинные пальцы коснулись стекляшек. Варвара широко распахнула глаза, словно хотела в последний раз впитать этот мир. Хотя здесь не было мира, это лишь его палаты ума.

– Да. Я впусти... – губы не слушались её.

– Добровольно впустишь, – он не позволил себе даже тени торжества, но Варвара отчётливо его ощущала. Как бы он ни изучил её, как бы точно не предсказывал её поступки, наверняка есть вещи, которые даже для него секрет. И теперь он счастлив, что узнает всё.

«Он и так владеет мой жизнью. Теперь он замахнулся на душу». Девушка содрогнулась. Варя всегда была очень правильной девочкой. Она слышала, как шепчутся за спиной девицы и даже писари отца: мол, дочь книжника серьёзна не по годам, не интересуется вещами, которые интересны детям её возраста. Как глянет своими зелено-рыжими глазами, так оторопь берет, и уже не хочется сюсюкать. И только она одна знала, что порой у неё возникают мысли, достойные толь-

ко маленькой девочки. Глупые бестолковые мысли. И хотелось ей порой того же, чего хотят все эти шумные говорливые девицы у колодца: присоединится к ним, обсуждать парней, щебетать беззаботно. Кто знает, была бы жива мама, может быть, так оно все и обернулось бы. Но мамы не было, а отец воспитал такой, какая есть. И Варвара совсем не желала, чтобы Харитон узнал о том, что она не изжила подобные мысли, а просто загнала их глубоко внутрь.

А ещё там был Любим. И её отношение к этому отроку. Она сама до конца не разобралась в чувствах, которые испытывала к нему. И вот теперь отец сможет копаться в них, как дворовая девка Дуняша в грязном белье. Девушка содрогнулась.

Обдумать бы, что я могу противопоставить ему. Возможно, есть способы, которые позволят сохранить тёмный уголок в голове, куда не проберётся и Зелёный Сглаз...

Проблема в том, что он припер её к стенке. Решать нужно прямо сейчас.

– Если тебе не безразлична судьба Любима. Он сейчас в смертельной опасности. Я понимаю, что пустить в голову другого человека, и не просто человека, а твоего отца – это страшно. Я могу выведать все твои секреты, заглянуть даже в самые сокровенные уголки твоей души.

«Словно мысли читает, – подумала Варвара. – Это ровно то, о чем я только что думала. Безо всякого Зелёного Сглаза он видит меня насквозь?»

Харитон говорил, а лицо девочки становилось твёрже. Когда он сказал про сокровенные уголки души, глаза девочки сверкнули и сделались зелёными.

– Я согласна. Ради нашей с Любимом дружбы – я согласна.

– Ради дружбы? – переспросил Харитон с лёгкой улыбкой.

– Дружбы! – упрямо тряхнула головой Варвара. Зелёные глаза твёрдо взглянули на отца. – А в сокровенные уголки души тебе не пробраться. Твой удел только разум. – Харитон отпрянул. Варвара позволила себе улыбку. Не настоящую, внутреннюю. Внешне у девушки лишь чуть расслабились плотно сжатые губы. И все. – Приступим, отец, – сказала она.

– Подойти ко мне, – сказал Харитон. – Мы заключим с тобой ментальный контакт. В любой момент можешь его прервать. Ты – не мой писарь, и не обязана на меня работать...

Он зря это говорил.

– Это ради моего друга – ведь так? – сказала Варвара. – Делай, что должен.

Книжник придвинулся к ней почти вплотную и вытянул длинные руки. Сухие, как страницы древних пергаментов, ладони сжали её голову, словно пытались прижаться как можно плотнее. Без единого, даже крохотного зазора.

А потом она увидела глаза. Это были страшные, очень знакомые, но одновременно совершенно другие глаза. Варвара дрогнула, хотела отвести взгляд, вывернуться из крепких рук, но нет. Нельзя. Я должна воспользоваться этим ре-

сурсом.

Зрачки глаз отца запульсировали – точь-в-точь как зрачки Листка и других писарей, когда он входит в их мозг. Потом глаза начали расти, постепенно заполняя весь мир. И внутренний, и внешний. Варвара хотела испугаться, но не успела.

«Гляди! Пользуйся случаем!» – голос отца. Звучит прямо в голове. Все, как он и обещал. Неужели все мысли, которые у неё есть, теперь доступны и ему? А может, он читает и эту мысль тоже?

«Не сопротивляйся! Гляди лучше!»

Она пошла на голос. Словно заблудившийся в лесу ребёнок. А потом перед глазами начало проясняться. Из темноты проступила картинка. Варвара снова могла видеть. Только вот видела она отнюдь не своими глазами. Наблюдатель находился в каменистой местности, он лежал на неудобном камне и таращился прямо в небо.

Картинка задрожала и подёрнулась рябью. Тут же где-то на периферии сознания, которое принадлежало не ей, проснулась некая сила. Она засияла ярким тёплым светом, свет поддержал её, помог. Изображение вновь стало чётким. «Глаз Ворона», – поняла девушка.

Варвара вдохнула, словно ныряльщик перед глубоким погружением. Сердце шибче застучало, гоняя кровь по жилам. Она глянула в небо чужими глазами и нырнула вниз, во тьму чужих мыслей.

Там внизу она отчётливо видела Любима. И над ним явно

нависла страшная угроза!..

Сказ 15 – Рассвет

– Прутик! Я подвал тебя! Подвёл...

В груди зияла огромная рана, словно кто-то выдрал сердце, взамен положив кусок тёмного шевелящегося ничто. И вот теперь эта пустота затягивала в себя все его мысли, чаяния, стремления. Она затягивала всю его жизнь.

«Спать. Я устал. Кому я нужен? Спать. Соскользнуть в забытьё. Такое желанное и спасительное забытьё...» – эти слова будто кто-то нашёптывал на ушко. Голосок ласковый, вкрадчивый. Любимка вздрогнул и попытался отстраниться – перед ним стояли моргулы. Темные твари. Только теперь они были совсем нестрашные. Они, как старые друзья, понимают его... Выслушают... И глядят...

– Отстаньте от меня, – сказал он и ощутил стыд – если я обижу их, они уйдут. – Нет, – он тряхнул головой, отводя глаза. – Я должен сопротивляться. Вы желаете мне зла.

– Мы? Желаем зла? – прозвучал тихий вкрадчивый голос в голове. Обе тёмные твари поднялись на задние лапы. Контакт глаз был восстановлен. – Нет. Ты сам не справился. Оплошал. Провалил.

Они произнесли это так, как сказал бы Прутик. Последняя крепость его разума пала. Он ощутил торжество тварей. Они жадно запустили свои черные щупальца в его голову, спешно обвили все, что смогли, чтобы он не передумал, не выгнал

их. Голову захлестнули черные образы.

Нет! Он попытался защититься. Воспоминания! У меня есть светлые воспоминания.

– Мама!.. Мама... – зашептал он.

– Ты никогда не знал её! – неумолимый голос в голове.

– Батенька Варфоломей...

– Ему плевать на тебя, – бесстрастный голос из темноты сознания. – Приютских детей много. Они будут всегда. Ушёл Григорий, и он его забыл. Уйдёшь ты – забудет и тебя.

– Мои друзья. Маруська, Лиска...

– Всего лишь ветреные девчонки. Они найдут себе новых кумиров.

– Тягатели! Они мои товарищи!..

– Они поверили, что ты предал их! Заложил темным тварям! Нам! Легко! Поверили!

Он вспомнил высокомерный взгляд Димитрия, его нашептывания Лексию, Матфею, Неждану с Клопом. Как наяву увидел взгляды, которые кидают на него друзья. Друзья ли?

– Наська, Наум!

– Поверили! Они сла-абы! Они тоже допустили эту мысль!

Любимка ощущал всё больше пустоты. Он хватался за воспоминания, как за соломинку.

– Варька! Варвара! Она не забудет меня...

Впервые холодный голос помедлил.

– Ты не нужен ей!..

– Откуда тебе знать? Варька – мой друг. Она не предаст меня и не забудет, – он говорил торопливо, пытаясь засунуть в щёлку жизни как можно больше слов.

– Она подчиняется воле отца, – голос стал ледяным. – А для Харитона ты – расходный материал. Мясо для приманки хищного зверя. Для Харитона ты такая же кубышка, как и для Фрола. Ха-ха-ха! Наивный мальчик.

Вспышка жизни трепыхнулась и пропала.

– Пелагея. Она вдохновляла меня...

– Пелагея – менестрель. Она ублажает зрителя. А поклонников у неё предостаточно. Теперь она думает о них.

Вспышки света в душе Любима все реже, все тусклее. Зато злые колючие мысли превратились в один бесконечный тёмный поток. Поток, который захлестнул и увлёк его следом за собой.

Снуф-снуф-снуууф!

Оскаленные пасти моргулов. С зубов капает слюна. Сейчас они поживятся великолепной чистой душой. Вкусной размягчённой горем и страданиями душой.

Любимка сидел, сжавшись в комочек в абсолютной темноте. Он снова был ребёнком. Никому не нужным, предоставленным самому себе. Обиженным и забитым.

В темноте жили они. Они не спешили. Шныряли вокруг, сужая круги. Наслаждались его бессилием и страхом.

Снуф-снуф-снууууф!

И тут тьма прошептала:

– Любим! Любим!

Но он даже не пошевелился. Все это обман. В глубине страданий нет света.

– Любим, ты где? Отзовись!

Голос настырен. Что за новое изошрённое издевательство? Вот и моргулы ускорились, сновали один за другим, словно угри на сковородке.

– Любим, помоги мне найти тебя! Любим!

Голос требователен. Отзывается в груди Любима раздражением.

– Отстань! Я проиграл и не хочу возвращаться!

– Ничего ещё не потеряно! Все в твоих руках! Борись, и у тебя все получится!

– Нет! Нет! Нет! – зашуршало в ночи. – Выхода! Нет!

– Не троньте его! – во тьме зародился свет. Этот свет походил на крест, и этот крест встал между Любимом и тьмой.

Любимка прищурился, сияясь разглядеть. Что это? Или кто?..

– Он наш! Он готов! Его не вернуть! – восторженный шёпот.

Но тёмное мельтешение отдалилось – мерцающий крест отеснил моргулов от Любима. Отрок медленно поднялся на ноги. «Я должен увидеть». Он медленно, на ощупь двинулся к тусклому мерцанию. «Хотя здесь нечего ощупывать, кроме пустоты». Только он об этом подумал, как руки ощутили предметы.

Какая-то палка. Колючие прутья. Метла? Та самая, которой он прибирался в приюте. Обод, деревянный бок, что-то мокрое внутри. Ведро и тряпка. Пыль под пальцами, грязь.

– Нет! – он отдернул руку и стряхнул грязь. – Я стал богатырём...

– Стал богатырём. Да. Ты сделал это! – раздался знакомый голос. Кому он принадлежит? Отчего в нем столько боли?

Тьма грозно зашелестела:

– Пусти нас! Пусти! Мы голодны! Мы очень голодны!

– Ешьте меня! Только не троньте его!

Крест сверкнул, бросая отблеск на стену тьмы, и вдруг начал медленно тускнеть.

– Любимка, поспеши!..

Из тьмы донеслось чавканье и хруст. Отрок остро ощутил боль и страдание. Одновременно понял, что это не его боль. Не его страдания! Но чьи?

Он попытался ускориться. Под руки попадался разный хлам, он отбрасывал его, запинаясь и падал. Вскакивал, засаживал занозы под ногти, но упрямо полз вперёд.

– Поспеши... Поспеши, Любим...

Голос становился тише, крест делался тусклее. Чавканье и хруст продолжались.

Любимка рванул вперёд, не жалея себя. Да что же это?! Все мне мешает. Я должен увидеть! Должен понять! Должен... спасти?!

– Ой!

В палец впилося что-то острое, но Любим не отбросил его, а наоборот ухватил. В голове зудела мысль. Вспомнить! Я должен вспомнить!

И тут из места, куда вонзилась игла, хлынул свет.

Медальон! Это медальон тягателя в виде серебряной стрелы. «Я – тягатель! Я – богатырь! Это – моя мечта!» Он крепко сжал медальон.

– Прутик! – ощутил волну горечи. – Я не спас его!

Тень креста почти погасла. Любимка сжал медальон и вытянул кулак перед собой.

– Ещё ничего не потеряно! Я должен увидеть!

Он зашагал, все ускоряясь. Жизненный хлам все ещё пугался под ногами, загораживая дорогу. Но теперь от кулака вокруг разливалась сила.

Бах! Бабах! Что-то с грохотом разлетелось.

– Люби..ка... щай... – едва слышный выдох.

– Нет! Я должен видеть! Я должен спасти!..

Он рванулся с удвоенной силой. Перед глазами упали капли, закружились, замораживая мир. По телу прошёл прохладный вихрь – волна и тяга все ещё с ним. И они помогают даже здесь. Хлам сам поспешил расступиться перед ним, устроив коридор. Отрок пролетел по нему, как стрела.

Крест?

Нет.

Это человек. Стоит, широко раскинув руки. Сияющий хрупкий силуэт. Длинная юбка, косицы, обрывки верёвочек

плещутся, словно на ветру.

Хрум! Хрум! Чавк! Чавк!

От силуэта словно кто-то отгрызает куски. Прямо в том месте, где у человека были бы ноги.

– Не пройдёте! Любим, поспеши...

Слышится последний вздох знакомого голоса.

– Варвара! – кричит Любим и прыгает вперёд. Огромные чудовищные пасти грызут девушку. Она стоит и заслоняет им путь.

– Прочь! Уйдите! – кричит Любимка. В его груди зарождается звезда. Она полыхает яростью и гневом, потом он ощущает, что Варваре плохо. Надо ей помочь. Уберечь...

Любим отворачивается от темных тварей и склоняется над девичьим силуэтом. Она по-прежнему раскидывает руки, но теперь лежит, а не стоит. Он обнимает её, кладёт голову к себе на колени. Слезы текут по его лицу. Он плачет, зовёт, кричит. А руки не перестают гладить, баюкать, нежно прикасаться.

– Варька! Мечи-калачи! Опять ты спасла меня! Сколько можно! Обещаю! Клянусь! Я больше не буду слабаком! Я буду защищать всех! Я спасу всех!

Он боится кричать в полный голос, чтобы не потревожить Варю. Но его душа кричит гораздо громче. И от этого крика вокруг разливается сияние. Такое яркое, что моргулы больше не могут подобраться близко.

А потом Варвара улыбается.

– Я рада, что у тебя все хорошо Любим, – произносит она едва слышно.

От этой улыбки тоже идёт сияние. Оно складывается со светом души тягателя и...

Пых! Яркий взрыв. Темных тварей с ужасным криком разрывает в клочья. Любимка даже не видит этого.

– Варвара! Как мне помочь?! Что мне сделать?

– Пройди испытание, – шепчет Варвара. – Не бойся за меня. Пройди испытание и вернись богатырём...

С тихой улыбкой она истаяла в его руках. Он ощутил ледяной холод в кармашке, где лежит Глаз Ворона. В груди остался тихий щем, нежность кружила голову. Но он знал – с Варварой все будет в порядке. Он улыбнулся, закрыл глаза и снова их открыл. Уже в реальном мире.

Харитон стоял в полумраке библиотеки и глядел на дочь. Варвара столбом застыла перед ним, глаза дёргались за надвинутыми веками. Девушка вскрикнула и расставила в стороны руки, как будто хотела загородить кому-то путь. А потом началось. Рот девушки раскрылся и она закричала. Крики рвались из груди, словно её плоть вспарывали точными ударами.

– А-а! А-а-а! А-а-а-а!

Она упала на одно колено и тут же поднялась. Из прокушенной губы потекла струйка крови. Лицо Харитона больше не было бесстрастным. Даже сквозь густую бороду и затем-

нённые стекляшки проступали отсветы боли, которые повторяли страдания дочери. Когда она начала кричать, он сделал движение к двери, тут же остановил себя. Варвара закричала громче, он сделал ещё один шаг.

– Ну же, борись, чёртов сосунок! – сквозь сжатые зубы выдавил он. – Разве ты не видишь?! Ты убиваешь её!

Он не мог видеть подробностей, но ощущал эти битву нутром. И он чувствовал, что крохотный едва мерцающий комок Любимовой души пробуждается. Но медленно. Очень медленно. Слишком медленно...

– Ну же! Давай! – кричал он во мрак библиотеки.

Из глотки девушки вырвался нечеловеческий визг. Вместе с ним на стены и на Харитона плеснуло темной горячей жидкостью. Варвара упала на колени, но не опустила раскинутых рук. Харитон прикоснулся к бороде и отнял руку. На ней растекалась кровь дочери.

– Они убивают её! – проговорил он и положил руку ей на плечо. – Она скармливает себя темным тварям вместо него...

Он всегда презирал человеческие чувства и побуждения. И чем чище и светлее они были, тем язвительнее он их обличал.

– Чем светлее помысел, тем бестолковее дела, – любил он говорить.

И вот теперь он готов был сам совершить такое бестолковое дело. Разбудить дочь ото сна, который пожирает её зажи-

во. Вырвать её оттуда, куда сам же и погрузил. Спасти дочь. Или спасти Русь. Не так давно он сам ставил Варвару перед этим выбором, и она не подвела. Сделала правильный выбор. И вот теперь – какая ирония! – судьба поставила перед ним ту же дилемму.

– И я готов сдаться? – пророкотал он, словно не веря.

Он посмотрел на свою руку, лежащую на плече дочери. Достаточно только посильнее её встряхнуть – она очнётся, и умрёт другой человек. Не она. Но тогда умрёт Любим, тёмная волна покинет его тело и войдёт в тело урядника Фрола. Человека, гордыня которого не позволит ему справиться с соблазном силы. Это только дурной и восторженный Любим не замечает соблазна. Сила нужна ему, чтобы защищать других. Если бы тёмная волна вселилась в кого-то другого, возможно, перводемон давным-давно уже возродился бы в нашем мире. Устоять пред соблазном силы не может никто. Никто, кроме Любима – бестолкового восторженного мальчика с раздутым чувством патриотизма и справедливости.

Он вспомнил, сколько планов у него было на Любима. Как он выискивал возможности забрать тёмную волну и вселить её в кого-то другого. Более умелого, более удобного, послушного и безропотного. Успокоился, лишь когда узнал, как Любим использует свою тёмную силу. Он настолько переживает за окружающих, настолько принимает их боль за свою, что обманулась даже демоническая тёмная сила. Она пробуждалась в Любиме лишь тогда, когда опасность грозила кому-то

другому, не ему.

Когда Харитон понял это, он познал и другую истину. Любим – идеальный носитель для темной силы переводемона. Возможно даже, если ему не мешать, он сумеет преобразовать её обратно в земную тягу. Вернуть то, что утратил падший сын Святогора, назад в лоно света. Это могло означать лишь одно. Любим должен выжить и сохранить силу. Даже если это означает, что его дочь умрёт.

– Нет. Я все планировал совсем не так! – пророкотал он с болью. – Моргулы! Откуда они взялись у проклятого Лютика? Как я мог это не предусмотреть?! Как я мог проморгать!

Варвара застыла на коленях, все ещё закрывая раскинутыми руками путь. Кровь тихо струилась по подбородку и капала на пол.

– Как я мог допустить, чтобы исполнение плана легло на плечи моей дочери...

– У меня все в порядке... – услышал он отзвуки усталого голоса. – Пройди испытание и вернись!..

Его сердце радостно встрепенулось. И он тут же проклял сам себя. Оно радуется, что план спасён, но это ещё не означает, что спасена Варвара. Девушка открыла глаза и улыбнулась.

– Отец... – слетело с её губ. – Я все сделала, отец...

Она повалилась на его руку, которая так и не сделала главного. Не трянула её, когда ещё было не поздно. Харитон закрыл глаза и проговорил в пространство:

– Полушка! Хватай травы и настои! Быстро сюда!

Дверь отворилась почти сразу – писарь, отвечающий за лекарские искусства, дежурил под дверью. Варвара этого уже не видела. Она лежала на полу, глядя остановившимися глазами в потолок, и блаженно улыбаясь окровавленным от внутреннего кровотечения ртом...

Любимка резко сел и открыл глаза. Едва не уткнулся носом в бледную лысую физиономию.

– А-а-а! – завопил он и засучил ногами, спеша как можно дальше отодвинуться от того, что больше всего ненавидел в этом мире.

– А-а-а! – вторил ему скрипучий голос. Фрол шлёпнулся на тощий зад и прикрылся рукой.

За его спиной невозмутимо стояли два воронёных богатыря. Глаза одного облегчённо расширились, у второго, наоборот, опасно сузились.

– Как?! Как такое может быть?! – Фрол подскочил и воздел руки к небу.

– Этот проныра опять выскользнул, – проговорил Розг. – На сей раз без помощи Стародуба.

Любимка на какое-то время застыл, вытаращив глаза. Потом медленно завалился на камень, закатив глаза.

– Варвара... – прошептал он и вытянулся. Раздалось ровное сопение.

– Ты не прав, – отозвался Болт невозмутимо. – Парень не

промах. Постоянно подставляет вместо себя под удар кого-то другого. Что делать станем?

Последнее спросил, обратившись к уряднику.

– Харитон! – прошипел тот, сжав кулак. – Неужели он дотянулся и сюда!

Какое-то время он злобно глядел на вытянувшегося на камнях отрока. Ах, как хотелось ему кинуться вперёд и собственными руками выдрать из тщедушной груди тёмную силу! «Мою силу!»

Он чуял позади себя две воли. Болт был за него. Он будет счастлив, коли урядник позволит себе такое. Он поддержит его.

Но был там и Розг. Его навязал ему князь. Чует в нем тёмную сторону, подстраховывается. Это обидно, но, одновременно, и совершенно ясно, что князь прав. Кто знает, чего бы решил он, если бы Болт здесь был один...

А ещё на вершине скал сидят любимцы и следят – богатыри все ещё в пещере. Ждут, когда они закончат с Любимом. Они не позволят. Не простят.

– Зови богатырей! – сказал он Розгу. – Мы уходим! Нам здесь больше делать нечего...

Он резко встал и пошёл вверх по склону. Болт пристроился следом. Розгу не осталось ничего, кроме как исполнить указание. Он поднял камень, вложил в него частицу земной тяги и катнул его в пещеру, куда скрылись богатыри и Сойка...